

ISSN 2949-5113 (print)
ISSN 2949-5105 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Серия **Психологические
НАУКИ**

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФАНТИЛИЗМА И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ
КУРСАНТОВ

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
ВУЗА НА ЛИЧНОСТЬ И ПСИХИКУ ОБУЧАЮЩИХСЯ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД С ПРЕДПОЧИТАЕМЫМ
СТИЛЕМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

2023 / № 3

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5113 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-5105 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the State University of Education. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2949-5113 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-5105 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN
OF STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки»:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. — д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э. П. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. — д-р психол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет

Эрнер И. — д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте Вестника Государственного университета просвещения (www.psymgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. — 2023. — № 3. — 152 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.psymgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences”
State University of Education

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I.M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the State University of Education (www.psymgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the State University of Education» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. – 2023. – no. 3. – 152 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Валеева Г. В., Тюмасева З. И.* Взаимодействие субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности. 6
- Терехин Р. А., Турчин А. С.* Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач 23
- Басина Т. А.* Взаимосвязь инфантилизма и жизнестойкости курсантов 40
- Андрюшкова Н. П.* Рефлексивно-смысловые параметры личностной зрелости 51

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Бегунова Л. А.* История семьи в системе предпосылок формирования мировоззрения в юношеском возрасте 65
- Ванновская О. В.* Воздействие цифровой образовательной среды вуза на личность и психику обучающихся. 82

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Удальцова М. О.* Взаимосвязь ответственности как социально-психологической характеристики личности сотрудников ОВД с предпочитаемым стилем принятия решений 97

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

- Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Кучева Н. А.* Трудности профессионализации ИТ-специалистов в России 109
- Ермолаев В. В., Четверикова А. И., Воронцова Ю., Насонова Д. К.* Эмпирическая валидность методики оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания («Красные пики») в приложении для смартфона 123
- Семенова Н. А.* Классификационные характеристики жизненной успешности как личностного метаресурса сотрудников органов внутренних дел в сравнении с представителями других социэкономических профессий. 133

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- G. Valeeva, Z. Tyumaseva.* Interaction of Subjective and Objective Life Characteristics as Determinants of Psychological Safety Personalities6
- R. Terekhin, A. Turchin.* Interrelation of Intellectual Abilities, Social Intelligence and Psychological Readiness of Military Personnel to Perform Service and Combat Missions.....23
- T. Basina.* The Relationship of Infantilism and Life Resilience of Cadets40
- N. Andryushkova.* Reflexive and Semantic Parameters of Personal Maturity51

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- L. Begunova.* Family History in the System of Prerequisites for the Formation of World View in Youth.....65
- O. Vannovskaya.* Impact of the Digital Educational Environment of the University on the Personality and Psyche of the Student.....82

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- M. Udal'tsova.* The Relationship Between Responsibility as a Socio-Psychological Characteristic of Police Officers' Personality and Their Preferred Decision-Making Style...97

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- A. Bulgakov, E. Bulgakova, N. Kucheva.* Difficulties of Professionalization of it Specialists in Russia.....109
- V. Ermolaev, A. Chetverikova, J. Voroncova, D. Nasonova.* Empirical Validity of the Method, "Red Spades": A Rapid Measurement of the Level of Concentration and Switching of Attention in a Smartphone Apps.....123
- N. Semenova.* Classification Characteristics of Life Successfulness as a Personal Metaresource of Employees of the Internal Affairs Officers in Comparison with Representatives of Other Socioeconomic Professions133

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 151.8

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-6-22

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Валеева Г. В., Тюмасева З. И.

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Челябинская обл., г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования – выявление и обоснование взаимодействия субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности.

Процедура и методы. На основе теоретического анализа психологических работ конкретизированы понятия «субъективность» и «психологическая безопасность личности». Определён критериально-диагностический инструментарий. Проведён анализ взаимодействия субъективных факторов и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности.

Результаты. Выявлено и обосновано взаимодействие субъективных факторов развития личности и природно-социальной среды как детерминанты психологической безопасности и системного качества жизнедеятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье показано взаимодействие субъективных факторов развития личности и природно-социальной среды, определяющих формирование стратегии жизнедеятельности как основы её психологической безопасности.

Ключевые слова: личность, психологическая безопасность, субъектность, субъективные факторы

INTERACTION OF SUBJECTIVE AND OBJECTIVE LIFE CHARACTERISTICS AS DETERMINANTS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY PERSONALITIES

G. Valeeva, Z. Tyumaseva

*South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
pr. Lenina, 69, Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation*

Abstract

Aim. Identification and substantiation of the interaction of subjective and objective characteristics of life as determinants of mental and psychological safety of personality.

Methodology. Based on the theoretical analysis of psychological works, the concepts of «subjectivity» and «psychological safety of the individual» are concretized. Criteria-diagnostic tools are defined. An analysis of the interaction of subjective factors and objective characteristics of life activity as a determinant of the psychological safety of the individual was carried out.

Results. The interaction of subjective factors of personality development and the natural and social environment as determinants of psychological safety and systemic quality of life has been identified and substantiated.

Theoretical and/or practical significance. The article shows the interaction of subjective factors of personality development and the natural and social environment, which determine the formation of a life activity strategy, as the basis of its psychological security.

Keywords: personality, psychological safety, subjectivity, subjective factors.

Введение

В психологической науке остаётся актуальной проблема развития личности в специально организованной социальной среде, поскольку личность и среда подвержены постоянному изменению. Решение этой проблемы каждый раз приводит к новому витку в развитии общества. В этой ситуации безопасная жизнедеятельность позволяет развитию осуществляться как прогрессивному процессу [9].

Современные исследования связывают безопасность человека с уровнем его развития, понимая психологическое благополучие, здоровье и безопасность как взаимодополняющие и взаимообусловленные явления [15] в контексте субъективной составляющей, которая выполняет интегрирующую и направляющую роль, и объективной составляющей. Субъективная и объективная составляющие безопас-

ности проявляются через физические, психологические и социальные характеристики [12]. Основное внимание психологов обращено на изучение психологической безопасности как способности личности сохранять устойчивость к деструктивным воздействиям [2]. Поэтому большинство исследований направлено на изучение факторов, обеспечивающих эту устойчивость: личностные особенности, иерархию ценностей, социальные факторы психологического благополучия, психологический гомеостаз [16]; внутреннюю картину мира субъекта, восприятие себя и мира, жизненную позицию [12; 14]; жизнестойкость, самооценку и locus контроля, осмысленность жизни, доминирующее эмоциональное состояние, копинг-стратегии [2]. Однако вышеперечисленные факторы имеют достаточно сложную структуру и являются результатом взаимодействия

базовых субъективных факторов развития личности и социальной среды. Анализ психологических работ показал, что недостаточно изучено взаимодействие субъективных факторов развития личности и социальной среды, а также влияние этого взаимодействия на развитие психологической безопасности. В связи с этим считаем необходимым изучить развитие психологической безопасности личности с точки зрения базовых субъективных факторов: «Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношения с Миром», – представленных как системное качество жизнедеятельности.

В основе нашего исследования лежат следующие гипотезы:

1. Психологическая безопасность обладает внутренней целостностью и динамикой. Актуальные характеристики психологической безопасности, определяющие стратегию жизнедеятельности, всегда являются результатом становления субъектности.

2. Субъектность определяется внутренней системой факторов («Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром»), которые обеспечивают динамическое равновесие между адаптационными возможностями субъекта и изменяющимися условиями природно-социальной среды.

3. Интегрирующие и дифференцирующие процессы психологической безопасности личности могут быть дестабилизированы противоречиями во внутренней системе факторов субъектности («Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром»), что приводит к нарушению психологической безопасности

личности и формированию опасных стратегий жизнедеятельности.

Задачи исследования:

1) проанализировать основные понятия проблемы исследования: «психологическая безопасность личности», «субъектность», «субъективные факторы»;

2) выявить и обосновать взаимодействие субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности, включающих:

- диагностические средства, позволяющие измерять характеристики субъектности личности;

- критериально-уровневую систему, позволяющую анализировать характеристики субъектности личности;

- диагностические средства, определяющие внутреннюю систему факторов субъектности: «Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология отношения с Миром»;

- систему критериев, обуславливающих стратегию жизнедеятельности личности.

Исследование по изучению взаимодействия субъективных факторов и объективных характеристик жизнедеятельности, определяющих формирование стратегии жизнедеятельности личности как основы её безопасности, основывается на следующих принципах [6]:

- *принцип детерминизма* определяет системообразующий фактор психологической безопасности личности и основной механизм безопасности как самоуправление.

- *принцип субъектности* отражает основополагающую роль субъекта, базовыми свойствами которого являют-

ся: целостность, единство, интегральность.

Отметим, что в процессе формирования безопасности личности решающая роль принадлежит высвобождению внутренних движущих сил, выявлению имплицитных возможностей (внутренняя детерминация). Внешнее, организованное содействие формированию безопасности личности будет конструктивным только в том случае, если оно обращено к человеку как субъекту.

Опираясь на научные взгляды Ю. П. Зинченко [6], А. Н. Леонтьева [10], З. И. Тюмасевой¹, безопасную жизнедеятельность будем понимать как осознанные отношения человека с Миром, которые обеспечивают стабильное и полное проявление таких характеристик жизни, как организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство. В контексте такого понимания психологическая безопасность является основой безопасной жизнедеятельности в целом.

Принципы детерминизма и субъектности позволяют рассматривать психологическую безопасность как результат становления субъектности.

В настоящее время в психологической науке под субъектностью понимают уровень активности влияния субъекта на внешние и внутренние процессы развития [7; 8; 9; 10] и рассматривают «субъектность» как способность субъекта ставить цели и актуализировать, развивать, направлять свои ресурсы для их достижения [8].

Разделяя вышеизложенные интерпретации понятия «субъектность» и рассматривая его в аспекте субъективных факторов развития, считаем, что, *субъектность* – это понимание самоосознанным, целостным индивидом самого себя («Я-концепция»), позволяющее ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов.

Основываясь на принципе субъектности и нашем понимании субъектности, понятие «*психологическая безопасность личности*» будем понимать как состояние, возникающее в результате субъективного отражения самоосознанным и целостным индивидом объективной реальности самого себя («Я-концепция»), позволяющее ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов, которая приводит к формированию осознанных отношений, обеспечивающих стабильное и полное проявление характеристик жизни: организации, метаболизма, роста, адаптации, реакции на раздражители и воспроизводство.

Субъектность развивается на основе внутренней системы факторов («Я-концепция», «Смысл жизни», «Иерархия приоритетов развития», «Технология построения отношений с Миром»), определяющей характеристики динамического равновесия между адаптационными возможностями субъекта и изменяющейся объективной составляющей жизнедеятельности.

Ядром этой системы факторов является «Я-концепция». «Я-концепция» – это существующая в сознании субъекта система представлений о себе, образов себя и самооценок, включающих оценочные представления, которые возникают как реакции субъекта на себя,

¹ Тюмасева З. И., Старикова В. П. Эколого-валеологические тайны модернизации «современного образования»: словарь-справочник. Сургут: ГУП ХМАО «Сургутская типография», 2004. С. 234.

а также о том, как он сам воспринимается окружающими. «Я-концепция» выполняет роль внутреннего фильтра при интерпретации опыта и формировании ожиданий [4; 14]. Она состоит из: «Я-идеального», выраженного через мечту, являющуюся одновременно программой развития, актуальной потребностью развития и проблемой развития; «Я-зеркального», проявляющего через «ограничивающую установку», которая формирует страх и выполняет защитную функцию; «Я-реальное» – внутренние ресурсы субъекта.

Зона напряжения «Я-концепция» между мечтой («Я-идеальное») и страхом («Я-зеркальное») определяет направление развития человека. Ресурс («Я-реальное») – это точка «опоры» для сохранения динамического равновесия между мечтой и страхом. Процесс разрешения этого напряжения носит постоянный характер и происходит в процессе развития на основе ресурсов субъекта («Я-реальное»). Полное смещение этого равновесия в сторону «мечты» или «страха» приведёт к прекращению развития (полная стабильность или деструктуризация личности). Отсутствие осознания этих составляющих препятствует развитию человека, создавая проблемы со здоровьем, и формирует субъективно опасную жизнедеятельность.

«Я-концепция», взаимодействуя с социальными условиями жизни, формирует смысл жизни как витальную мотивацию субъекта. Смысл жизни не конструируется интеллектуально. Субъект находит его через конкретные действия [9; 13].

В нашем исследовании мы рассматриваем «Смысл жизни» с практи-

ческой точки зрения как сохранение динамического равновесия между мечтой и страхом на основе внутренних ресурсов. Осознание взаимодействия субъективных факторов развития «Смысл жизни» и «Я-концепция» позволяет личности выстроить иерархию приоритетов своего развития в соответствии с возрастными циклами. На основе иерархии приоритетов развития и осознаваемых ресурсов субъект прогнозирует и моделирует своё развитие.

Неосознанный смысл жизни не позволяет выстроить иерархию приоритетов и, соответственно, прогнозировать и моделировать своё развитие на основе своих ресурсов, что приводит субъективно опасной жизнедеятельности, которая проявляется в нарушении здоровья личности.

Исходя из проведённого выше анализа, критериями развития субъектности являются: иерархия приоритетов развития личности и осознанность личностью внутренних ресурсов для реализации этой иерархии приоритетов. Показатели уровня развития субъектности: уровень развития психологической готовности к оздоровительной деятельности (состояния психологических характеристик субъекта, обеспечивающие расширение адаптационных возможностей на основе субъект-субъектных отношений и оздоровительных технологий [4]); уровень стрессоустойчивости (стрессонапряжённости) [5].

В зависимости от уровня развития субъектности возможны разные варианты отношений человека к Миру и самому себе как части Мира: высокий уровень развития субъектности – партнёрство; созависимость – до-

Таблица 1 / Table 1

Критериально-уровневая оценка развития субъектности / Criterion-level assessment of subjectivity development

Критерии развития субъектности	Показатели развития субъектности	Уровень развития субъектности		
		Высокий	Средний	Низкий
Иерархия приоритетов развития	Психологическая готовность к оздоровительной деятельности. Стрессоустойчивость	Стрессоустойчивость в норме, сформированная психологическая готовность к оздоровительной деятельности: иерархия приоритетов и ресурсы осознаны и согласованы, состояния психологических характеристик субъекта в норме и обеспечивают расширение адапционных возможностей на основе субъект-субъектных отношений и оздоровительных технологий	Стрессоустойчивость снижена, невыраженная психологическая готовность к оздоровительной деятельности: внутренне противоречивая иерархия приоритетов и ресурсы личности осознаются, но не согласованы, состояния психологических характеристик субъекта выше нормы (переходное состояние, не обеспечивает расширение адапционных возможностей на основе субъект-субъектных отношений и оздоровительных технологий	Стрессоустойчивость низкая, несформированная психологическая готовность к оздоровительной деятельности: иерархия приоритетов и ресурсы не осознаны и не согласованы, состояния психологических характеристик субъекта в зоне дезадаптации (крайне высокие), сниженные адапционные возможности личности
Осознанность ресурсов развития личности				

минирование (средний уровень развития субъектности) / подчинение (низкий уровень развития субъектности); отказ от взаимодействия (низкий уровень развития субъектности). Психологически безопасными являются только партнёрские отношения.

Субъектность человека является ведущим фактором, определяющим формирование «стратегии жизнедеятельности» как основы психологической безопасности. В результате взаимодействия субъектности личности с изменяющейся объективной составляющей жизнедеятельности как природ-

но-социальным условием среды, представленным через уровень здоровья и успешность адаптации в социальной среде, развивается определённая стратегия жизнедеятельности.

Стратегия жизнедеятельности рассматривается нами как общая (не детализированная) устойчивая система отношений личности с Миром и собой как частью Мира, определяющая её состояние и перспективы в актуальном цикле развития.

При субъективно опасной стратегии жизнедеятельности у человека выстраивается конкретная тактика в от-

дельных жизненных ситуациях, а при субъективно безопасной стратегии жизнедеятельности свой жизненный путь воспринимается субъектом целостно и сознательно конструируется: развиваются механизмы рефлексии, прогнозирования и моделирования жизни [8].

Взаимодействие показателей субъектности и объективных показателей состояния личности определяет четыре стратегии жизнедеятельности:

- «истинная безопасность» – субъективно и объективно безопасная жизнедеятельность;
- «истинная опасность» – субъективно и объективно опасная жизнедеятельность;
- «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, но объективно опасная жизнедеятельность;
- «иллюзия опасности» – субъективно опасная, но объективно безопасная жизнедеятельность.

Методы изучения взаимодействия субъективных факторов и объективных характеристик жизнедеятельности, определяющих формирование стратегии жизнедеятельности личности, и участники исследования

Методологической основой диагностического исследования выступили идиографический подход, который позволил изучить систему факторов субъектности. Используя номотетический подход в диагностике психологической готовности к оздоровительной деятельности личности и её стрессоустойчивости (стрессоустойчивость), выявили показатели развития субъектности.

Для изучения внутренней системы факторов субъектности в рамках идиографического подхода использовались «Технология личностного развития «Психология образа»», направленная на исследование «Я-концепции», «Технологии построения отношений с Миром» и выявление «Смысла жизни» [4]. Изучение факторов субъектности базируется на взаимосвязи между моторикой человека и его психическими и психофизиологическими состояниями. Для получения диагностического рисунка используется «техника фрактального рисунка» [11]. Авторское название рисунка является метафорическим выражением его «Я-концепции», а сущностные признаки понятий, отражённых в названии рисунка, переносятся на психологическую сферу. От первого лица главного героя (авторское название) автором составляется сказка по плану: мечта, страх, сила главного героя. Анализ авторской сказки и рисунка позволяет определить проблемные зоны «Я-концепции» и «Смысла жизни», определить варианты отношений человека с Миром.

В рамках номотетического подхода применялась программа комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» (свидетельство № 2014661107, 2014 г.) [3], включающая: методику определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге [5]; методику оценки удовлетворённости физическим состоянием (модификация опросника Гиссенского, адаптированного в психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева), исследующую уровень выраженности жалоб на костно-мышечную и сердечно-сосудистую системы (психофизический компонент

психологической готовности к оздоровительной деятельности) и уровень выраженности истощаемости, входящей в психоэмоциональный компонент психологической готовности к оздоровительной деятельности; методику самооценки психического состояния (по Айзенку), исследующую уровень выраженности тревожности, фрустрации, ригидности, которые входят в состав психоэмоционального компонента и агрессии, входящей в состав ценностно-мотивационного компонента; методику «Ценностные ориентации» (М. Роккич), изучающую иерархию ценностей, образующих ценностно-мотивационный компонент; анкету «Потребностное напряжение в отношении оздоровления» (З. И. Тюмасева, А. А. Цыганков, И. Л. Орехова, 2003 г.), использующуюся регулярно в течение 20 лет для исследования состояния потребностного напряжения студентов в отношении оздоровления, входящего в психофизический и когнитивный компоненты психологической готовности к оздоровительной деятельности; анкету «Уровень развития представления об оздоровительной деятельности» (Г. В. Валеева, В. С. Мишарина, 2006 г.), применяющуюся регулярно с 2006 г. (17 лет) для изучения уровня сформированности представления об оздоровлении как расширении адаптационных возможностей субъекта (когнитивный компонент) у студентов всех курсов [3].

Уровни сформированности психологической готовности к оздоровительной деятельности определяются на основе тестовых норм по каждому показателю [3]. Расчётное время диагностического этапа с использованием программы «Гармония» составляет 30 мин.

Экспресс-оценка уровня физического здоровья [1] использовалась для изучения объективного состояния здоровья как объективной характеристики среды, в которой развивается субъект.

Определение стратегии жизнедеятельности личности основывается на соотнесении: объективных (Экспресс-оценка уровня физического здоровья (по Г. Л. Апанасенко)) и субъективных («Методика оценки удовлетворённости физическим состоянием (модификация опросника Гессенского, адаптированного в психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева)») показателей физического состояния; уровня развития психологической готовности к оздоровительной деятельности (программа комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония»); объективных (динамика общего количества пропусков занятий и динамика качественной успеваемости) и субъективных («Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге») показателей социальной адаптации.

Безопасную зону составляют только сформированная психологическая готовность к оздоровительной деятельности и показатели социальной адаптации и физического состояния, находящиеся в норме. Если психологическая готовность к оздоровительной деятельности не выражена или не сформирована, а субъективные показатели повышены или высокие, то констатируется субъективная опасность; если субъективные и объективные показатели в зоне дезадаптации – «объективная опасность»; если субъективные показатели в норме, а объективные по-

казатели в зоне дезадаптации – «иллюзия безопасности».

Наше исследование по изучению взаимодействия субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности проводилось на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета в 2019–2021 гг. В нём приняли участие 165 студентов в возрасте от 18 до 19 лет.

Характеристика внутренней системы факторов «Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром», определяющей субъектность

В результате проведённого исследования нами выявлена внутренняя система субъективных факторов «Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром».

Анализ респондентов «Я-концепция» проводился по технологии личностного развития «Психология образа» и показал, что у 70% проявляется ярко выраженный эгоцентризм, что приводит к усилению стрессонапряжённости; они мечтают о саморазвитии (40%), о том, чтобы «быть нужным» (40%), об эмоциональном разнообразии (20%). Однако студенты отмечают, что они боятся потерять контроль (60%), стать ненужными (40%), но ресурс видят в своих эмоционально-волевых особенностях (70%) и в отношении к жизни (10%). Ресурс не осознают 20% респондентов. До 80% студентов имеет «неодушевлённую» «Я-концепцию». Выражается это в слабой субъектности и высоком уровне зависимости, которая характе-

ризуется повышенной тревожностью и фрустрацией при неблагоприятных социальных условиях жизни. 40% респондентов с «неодушевлёнными» «Я-концепциями» («Полёт фантазий», «Мир») имеют трудности с формированием границ, что ведёт к невротизации личности. Для «одушевлённых» «Я-концепций» (30%) характерен высокий уровень субъектности, приводящий при неблагоприятных социальных воздействиях к активному сопротивлению и проявляющийся в повышении агрессии.

Для более детального исследования факторов «Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром», определяющих уровень развития субъектности как основы психологической безопасности, нами был выбран рисунок с авторской сказкой, представляющий «Я-концепцию “Иные размеры”».

Остановимся на интерпретации рисунка респондента, используя технологию личностного развития «Психология образа».

В результате проведённого анализа установлено, что респондент целеустремлённый, в привычных ситуациях уверенный в себе (чётко прочерченная линия), уравновешенный (средний размер – около 2/3 листа), склонный к творчеству человек (плавные, округлые ячейки с небольшим числом геометрических форм). В творческих ситуациях он проявляет нестабильность, неординарность (конфигурация рисунка с причудливо выраженными «хвостиками» по его периметру), прямолинейность (прямоугольная форма периметра рисунка), неуверенность в себе (гармоническое сочетание размеров ячейки на всей площади рисунка (1/3 крупных,

1/3 средних, 1/3 маленьких)). В целом студент находится в гармоничном, стабильном состоянии (линии с плавными переходами) с элементами эмоционального напряжения (резкие, угловато прочерченные линии).

«Я-концепция» респондентом слабо осознаётся. Авторское название выполненного рисунка «Иные размеры» крайне неопределённое, потому что термин «размер» является объективной, неодушевлённой и заданной характеристикой, а это затрудняет субъективное проявление и говорит о зависимости субъекта от воли других. Использование множественного числа подразумевает сложную и разнообразную, но не ясную структуру «Иного». Законы этого мира не могут быть применимы к «Иным размерам», поэтому «Иное» трудно понять и принять.

Авторская сказка респондента (сохранён авторский стиль).

«У меня иные размеры по отношению к моим сородичам, из-за чего меня все сторонятся и боятся. Моя мечта – подружиться с подобными мне. Я боюсь остаться за бортом, потеряться в лабиринте и быть отвергнутым. Я живу на острове “Африка”, и моя сила в том, что я могу добраться до верхних деревьев и разговаривать с грифами. Там есть много еды, обычно не доступной для моих родичей, так что я могу делиться ей с ними и быть полезным».

Анализ авторской сказки позволяет определить зону напряжения между мечтой главного героя (автора) и его страхом. Напряжение, возникающее между мечтой «найти себе подобных» и страхом быть «отвергнутым», «остаться за бортом», является источником развития автора. Ресурс автора – это уникальность его возможностей,

позволяющих ему быть полезным. Свой «Смысл жизни» респондент сформулировал как «определение своего места в жизни на основе своей уникальности».

«Я-концепция» “Иные размеры” будучи крайне неопределённой, препятствует реализации смысла жизни, что и является причиной всех нарушений здоровья и снижает уровень психологической безопасности респондента.

Он внутренне активно сопротивляется тому, что ему приходится жить по законам этого мира, хотя они явно неприменимы к «Иным размерам». Нужны другие условия для безопасной жизнедеятельности, но не ясно какие. Несформированность представления респондента о том, какие именно ему нужны условия для безопасной жизнедеятельности, приводит к актуализации потребности в защите и безопасности, а также к проблеме обретения референтной группы. Соответственно, нет сформированного представления о том, как повысить уровень своей психологической безопасности, что и приводит к субъективному ощущению опасности. Это субъективное ощущение и определяет стратегию жизнедеятельности.

«Я-концепция» и «Смысл жизни» определяют возможные варианты отношений человека с Миром. Анализ представлений респондента о себе на основе названия авторского рисунка и названий его рисунка, которые дали другие участники группового консультирования, а также принятия или неприятия этих названий, показал, что у респондента наблюдается базовое принятие себя (автор отмечает своё название рисунка «Иные размеры» плюсом). Он оценивает мнение других не

всегда положительно, поэтому какие-то отношения для него конфликтные (психологически опасные), а какие-то – ресурсные, т. е. партнёрские (психологически безопасные). Следует заметить, что преобладают партнёрские отношения, открывающие возможность диалога.

Следующий этап нашего исследования заключался в изучении показателей жизнедеятельности респондента.

Механизм формирования стратегии жизнедеятельности

Анализ субъективных характеристик физической составляющей здоровья респондента по его рисунку показал, что для него актуально состояние желудочно-кишечного тракта и нервной системы (преобладание жёлтого и сиреневого цвета на рисунке). Проблемы наблюдаются с костно-мышечной системой (голубой, синий и темно-синий на рисунке; показатели психофизического самочувствия по методике Гиссенского (11 баллов – переходное состояние)). Анализируя объективные показатели уровня здоровья (по Апонасенко), выяснили, что этот показатель ниже среднего (6 баллов). Возможно, у респондента наблюдаются какие-то хронические заболевания. Субъективные и объективные показатели здоровья на физическом уровне у респондента свидетельствуют о том, что он находится в «истинной опасности».

«Я-концепция», «Смысл жизни» и «Технология взаимодействия с Миром» формируют субъектность, которая выражается через конкретные состояния психологических характеристик субъекта, отражающих его адаптационные возможности и

интернирующихся в иерархически связанные компоненты психологической готовности к оздоровлению [3]. Анализ сформированности психологической готовности респондента к оздоровлению проводился на основе данных, полученных с использованием программы комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» и факторного анализа по методу главных компонент [3].

Психоэмоциональный компонент психологической готовности к оздоровлению (20,495% общей информативности: самооценка выраженности состояний фрустрации, тревожности, ригидности и истощаемости) у респондента сформирован частично, как и у остальных 60% студентов. Об этом свидетельствует высокий уровень фрустрационной толерантности (фрустрация в норме), спокойствия (тревожность в норме); повышенная утомляемость, средняя гибкость в изменениях (повышенная ригидность – 14 баллов).

Рисунок «Иные размеры» позволил установить нестабильное эмоциональное состояние респондента (преобладание темно серого и коричневого цветов), потребность во внимании и любви, а также состояние тревоги, агрессии (светлые, прозрачные тона розового, малинового, бордового, вишнёвого цвета), что в целом говорит о слабо проявленных проблемах в межличностных отношениях. Для автора рисунка актуальны достижение спокойствия, внутренней стабильности, формирование иерархии ценностей и иерархии приоритетов развития, а также творческого взаимодействия с миром.

Когнитивный компонент (16,208% общей информативности) включает уровень сформированности представления об оздоровлении и потребностного напряжения в отношении оздоровления как основы безопасной жизнедеятельности. Не сформирован у 70% респондентов.

Однако автор рисунка проявляет сформированное потребностное напряжение в оздоровлении (25 баллов) и частично сформированное представление об оздоровлении.

Психофизический компонент характеризуется удовлетворённостью состоянием сердечно-сосудистой, костно-мышечной систем и уровнем потребностного напряжения в отношении оздоровления (12,496% общей информативности). 35% студентов не удовлетворены своим психофизическим самочувствием. Автор рисунка удовлетворён состоянием сердечно-сосудистой системы и неудовлетворён состоянием костно-мышечной системы. Однако у него сформировано потребностное напряжение в оздоровительной деятельности. Можно констатировать, что психофизический компонент у студента сформирован не полностью.

Ценностно-мотивационный компонент (11,915% общей информативности) включает уровень сформированности ценностей, соответствующих оздоровительной деятельности, и уровень выраженности агрессии. У 50% студентов не сформирована иерархия ценностей, что говорит о состоянии внутреннего конфликта (переходная зона по агрессии) и о препятствии к достижению психологической безопасности.

У респондента (автора рисунка) иерархия ценностей адекватна невы-

раженной готовности к оздоровлению. Он стремится к деятельной жизни (ценность – цель), интересной работе, мудрости, общественному призванию, познанию, самореализации. В качестве средств достижения выбирает рационализм и твёрдую волю, опираясь на образованность, самоконтроль, независимость. У автора рисунка диагностируется сильный внутренний конфликт, проявляющийся в напряжённом «тихом сопротивлении» (агрессия 14 баллов).

Таким образом, у респондента психологическая готовность к оздоровлению сформирована частично, что говорит о том, что его субъектность недостаточно развита: его понимание самого себя («Я-концепция») не позволяет ему выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов и поэтому находится в субъективной опасности.

Стрессонапряжённость респондента выше 300 баллов по методике определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге – это означает реальную опасность психосоматического заболевания, переход к фазе нервного истощения [5]. Для него актуальна потребность в защите и безопасности¹. Объективные показатели свидетельствуют о его хорошей социальной адаптации. Респондент успешный, социально активный, профессионально реализующийся, имеет поддержку в студенческой группе.

¹ Диагностика степени удовлетворённости потребностей: тест А. Маслоу (Тест «Пирамида Маслоу») [Электронный ресурс]. URL: <http://psycabi.net/testy/228-diagnostika-stepeni-udovletvorennosti-potrebnostej-test-a-maslou-test-piramida-maslou> (дата обращения: 13.03.2022).

Выявленные субъективные и объективные показатели говорят о том, что: респондент имеет и осознаёт проблемы физического здоровья – «истинная опасность»; респондент, имея нечётко сформированную «Я-концепцию», не может прогнозировать и моделировать свою жизнь на основе своих ресурсов, поэтому находится в «иллюзии опасности», ведя субъективно опасную, но объективно безопасную жизнедеятельность. Поскольку субъективная составляющая выполняет интегрирующую и направляющую роли, она и определяет общую стратегию жизнедеятельности, нивелируя факт объективно безопасной жизнедеятельности.

Заключение

В результате проведённого исследования выявлено взаимодействие системы субъективных факторов («Я-концепция», «Смысл жизни», «Технология построения отношений с Миром») и объективных характеристик жизнедеятельности (природно-социальной среды), определяющих формирование стратегии жизнедеятельности как основы психологической безопасности.

Анализ «Я-концепция» – «Иные размеры» с авторской сказкой показал несформированную «Я-концепцию»: респондент ощущает себя иным, но не понимает каким, поэтому не может определить своё место в жизни, хотя и осознаёт уникальность своего ресурса, но не ясно, как именно. Эта неопределённость не позволяет выстраивать иерархию приоритетов своего развития на основе своей неопределённой уникальности, что приводит к непониманию того, как конкретно строить отношения, обеспечивающие стабильное

и полное проявление характеристик жизни (организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство) в конкретной повседневности респондента, не позволяет ему сформировать перспективу жизни.

Следовательно, субъектность респондента не развита: он способен сформировать тактику действий, но не сможет выстроить долгосрочную программу жизни. Поэтому, несмотря на объективные показатели успешной адаптации в социуме, респондент находится в субъективно опасной, но объективно безопасной ситуации, т. е. находится в «иллюзии опасности». Неумение выстроить долгосрочную программу жизни формирует у респондента ситуацию неопределённости жизни, создаёт напряжение, которое проявляется в нарушении субъективных и объективных показателей его жизнедеятельности.

Установлено, что у респондента формируется опасная стратегия жизнедеятельности на физическом уровне, т. е. «истинная опасность» и субъективно опасная на психосоциальном уровне отношений с Миром – «иллюзия опасности».

На данном этапе респондент имеет некоторый ресурс для активного сопротивления Миру. Однако длительное нахождение на нём приведёт к истощению резервов личности, что является субъективно опасным.

Таким образом, несформированная до конца идентичность респондента ведёт к недостаточно развитой субъектности и отсутствию единой стратегии жизненного пути, а это приводит к субъективно опасной стратегии жизнедеятельности. Субъективно опасная стратегия жизнедеятельности

формирует объективную опасность на уровне физического здоровья и психосоциальную опасность для личности в целом, хотя объективно условия жизни безопасны. Повышение уровня психологической безопасности возможно, но только при развитии субъектности. Для изменения стратегии жизнедеятельности необходимо устранить дисгармоничные тенденции в системе субъективных факторов, т. е. трансформировать «Я-концепцию «Иные размеры»» так, чтобы можно было ответить на вопрос «Кто Я?». Это позволит развить субъектность и реализовать смысл жизни респондента («поиск своего места в жизни на основе своей уникальности»), поскольку будет понятно, где «его» место и в чём «его» уникальность. Развитие субъектности происходит в процессе консуль-

тирования по вопросам субъективной составляющей здоровья.

Консультирование по вопросам субъективной составляющей здоровья, представляющее собой организацию и сопровождение процесса осознания и разрешения субъектом страданий, вызванных нарушением динамического равновесия между пониманием самого себя, позволит выстроить иерархию приоритетов своего развития на основе своих ресурсов и сформировать осознанные отношения, обеспечивающие стабильное и полное проявление жизни (организация, метаболизм, рост, адаптация, реакция на раздражители и воспроизводство) в постоянно трансформирующейся социальной среде [4].

Статья поступила в редакцию 22.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасенко Г. Л., Науменко Р. Г. Соматическое здоровье и максимальная аэробная способность индивида // Теория и практика физкультуры. 1988. № 4. С. 29–31.
2. Баева И. А., Баев Н. Н. Психологические ресурсы защищённости студентов как показатель психологической безопасности личности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 5. № 1. URL: <https://psyjournals.ru> (дата обращения: 22.03.2023).
3. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Психологическая готовность к оздоровительной деятельности: монография. Челябинск: Цицеро, 2014. 140 с.
4. Валеева Г. В., Тюмасева З. И. Технология консультирования в области субъективного здоровья. Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2022. 238 с.
5. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2011. 950 с.
6. Зинченко Ю. П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство: монография. М.: Московский государственный университет, 2011. 952 с.
7. Костенко П. И., Коняхина Г. П. Философия безопасности как методологическое основание педагогического решения проблем обеспечения безопасности жизнедеятельности // Проблемы современного образования. 2020. № 5. С. 19–30.
8. Леонова Е. В. Становление субъектности школьников и учителей безопасности жизнедеятельности в формальном, неформальном и информальном образовании // Психология обучения. 2018. № 9. С. 55–69.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Полуяхтова Т. З., Комов А. Е. Родник фрактальной мудрости или свежий взгляд на наши возможности. М.: Деловая литература, 2002. 200 с.
12. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода: монография. М.: Институт психологии РАН, 2021. 278 с.
13. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М.: Издательство Московского университета, 1982. С. 118–126.
14. Эйдельман Г. Н. «Образ Я» при разном уровне психологического благополучия в период самоопределения молодёжи // Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 марта 2019 г. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. С. 176–183.
15. Zotova O. Yu., Karapetyan L. V. Psychological security as the foundation of personal psychological wellbeing (analytical review) // *Psychology in Russia*. 2018. № 2. P. 100–114.
16. Sedikides C. Self-construction, self-protection, and self-enhancement: A homeostatic model of identity protection // *Psychological Inquiry*. 2021. № 32 (4). P. 197–221.

REFERENCES

1. Apanasenko G. L., Naumenko R. G. [Somatic health and maximum aerobic capacity of an individual]. In: *Teoriya i praktika fizkul'tury* [Theory and practice of physical culture], 1988, no. 4, pp. 29–31.
2. Baeva I. A., Baev N. N. [Psychological resources of student security as an indicator of the psychological safety of a person]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2013, vol. 5, no. 1. Available at: <https://psyjournals.ru> (accessed: 22.03.2023).
3. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. *Psihologicheskaya gotovnost' k ozdorovitel'noj deyatel'nosti* [Psychological readiness for health-improving activities]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2014. 140 p.
4. Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. *Tekhnologiya konsul'tirovaniya v oblasti sub'ektivnogo zdorov'ya* [Technology of counseling in the field of subjective health]. Chelyabinsk, South Ural Scientific Center of the Russian Academy of Education Publ., 2022. 238 p.
5. Nikiforov G. S., ed. *Diagnostika zdorov'ya. Psihologicheskij praktikum* [Health diagnostics. Psychological workshop]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2011. 950 p.
6. Zinchenko Yu. P. *Metodologicheskie problemy psihologii bezopasnosti: lichnost', obshchestvo, gosudarstvo: monografiya* [Methodological problems of security psychology: personality, society, state: monograph]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011. 952 p.
7. Kostenok P. I., Konyahina G. P. [Philosophy of safety as a methodological basis for the pedagogical solution of the problems of ensuring life safety]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2020, no. 5, pp. 19–30.
8. Leonova E. V. [Formation of the subjectivity of schoolchildren and teachers of life safety in formal, non-formal and informal education]. In: *Psihologiya obucheniya* [Educational Psychology], 2018, no. 9, pp. 55–69.
9. Leontev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p.
10. Leontev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p.

11. Poluyahtova T. Z., Komov A. E. *Rodnik fraktal'noj mudrosti ili svezhiy vzglyad na nashi vozmozhnosti* [Spring of fractal wisdom or a fresh look at our capabilities]. Moscow, Delovaya literature Publ., 2002. 200 p.
12. Sergienko E. A. *Psihicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub"ektnogo podhoda* [Mental development from the standpoint of a system-subject approach]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 278 p.
13. Frankl V. The search for the meaning of life and logotherapy (Rus. ed.: Gippenrejtser Yu. B., Puzyreya A. A., transl. *Poisk smysla zhizni i logoterapiya*. In: *Psihologiya lichnosti: Teksty* [Personality psychology: texts]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1982, pp. 118–126).
14. Ejdelman G. N. ["I-image" at different levels of psychological well-being during the period of youth self-determination]. In: *Psihologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka: materialy Mezhdunarodnoj zaachnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 20 marta 2019 g.* [Psychological well-being of a modern person: materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, March 20, 2019]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 176–183.
15. Zotova O. Yu., Karapetyan L. V. Psychological security as the foundation of personal psychological wellbeing (analytical review). In: *Psychology in Russia*, 2018, no. 2, pp. 100–114.
16. Sedikides C. Self-construction, self-protection, and self-enhancement: A homeostatic model of identity protection. In: *Psychological Inquiry*, 2021, no. 32 (4), pp. 197–221.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Валерьевна Валеева – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета;
e-mail: valeevagv@cspu.ru; ORCID: 0000-0003-3140-1627

Зоя Ивановна Тюмaseва – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и медико-биологических дисциплин Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета;
e-mail: zit@cspu.ru; ORCID: 0000-0001-5895-0605

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Valeeva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of Department of life safety and biomedical disciplines of South Ural state University of Humanities and education;
e-mail: valeevagv@cspu.ru; ORCID: 0000-0003-3140-1627

Zoya I. Tyumaseva – Dr. Sci. (Education), Prof., Manager of Department of Health and Safety and Medicobiological Disciplines of South Ural State Humanitarian Pedagogical University;
e-mail: zit@cspu.ru; ORCID: 0000-0001-5895-0605

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валеева Г. В., Тюмaseва З. И. Взаимодействие субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 6–22.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-6-22

FOR CITATION

Valeeva G. V., Tyumaseva Z. I. Interaction of subjective and objective life characteristics as determinants of psychological safety personalities. n: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosvetshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 6–22.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-6-22

УДК 316.6+355.12

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-23-39

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ, СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

Терехин Р. А., Турчин А. С.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Целью исследования является определение взаимосвязей интеллектуальных способностей и социального интеллекта военнослужащих с их психологической готовностью.

Процедура и методы. Исследование проведено на курсантах военного института войск национальной гвардии. Общий объём выборки составил 60 человек. Возраст респондентов варьируется в пределах от 19 до 22 лет. Для получения эмпирических данных были использованы: авторский опросник «Оценка психологической готовности военнослужащих (сотрудников) к выполнению СБЗ», тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и тест «КОТ» («Краткий ориентировочный, отборочный тест» В. Н. Бузина и Э. Ф. Вандерлика). При статистической обработке данных использовались методы первичной обработки данных и описательной статистики, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты. В результате проведённой работы выявлены статистически значимые корреляционные связи характеристик интеллектуальных способностей, социального интеллекта со всеми компонентами психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты показывают, что развитие социального интеллекта и интеллектуальных способностей военнослужащих может существенно сократить время формирования их психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач. Представлены перспективы проведения исследований в области формирования и развития психологической готовности военнослужащих к выполнению таких задач.

Ключевые слова: Росгвардия, войска национальной гвардии, военнослужащие, психологическая готовность к выполнению служебно-боевых задач, интеллектуальные способности, социальный интеллект

INTERRELATION OF INTELLECTUAL ABILITIES, SOCIAL INTELLIGENCE AND PSYCHOLOGICAL READINESS OF MILITARY PERSONNEL TO PERFORM SERVICE AND COMBAT MISSIONS

R. Terekhin, A. Turchin

*Saint-Petersburg military Order of Zhukov Institute of National Guard of the Russian Federation
ul. Letchika Pilyutova, 1, St. Peterburg, 198206, Russian Federation*

Abstract

Aim of the study is to determine the interrelationships of intellectual abilities and social intelligence of military personnel with their psychological readiness.

Methodology. The study was conducted on cadets of the Military Institute of the National Guard Troops. The total sample size was 60 people. The age of respondents varies from 19 to 22 years. To obtain empirical data, the author's questionnaire "Assessment of the psychological readiness of military personnel (employees) to perform the SBZ, the test "Social Intelligence" by J. Guilford, and the CAT test (A short indicative, selection test of V.N. Buzin and E.F. Vanderlik) were used. The methods of primary data processing and descriptive statistics, correlation analysis using the Pearson correlation coefficient were used in statistical data processing.

Results. As a result of the work carried out, statistically significant correlations of the characteristics of intellectual abilities, social intelligence with all components of psychological readiness to perform service and combat tasks were revealed.

Theoretical and/or practical significance. The results obtained show that the development of social intelligence and intellectual abilities of military personnel can significantly reduce the time of formation of their psychological readiness to perform service and combat tasks. The prospects of conducting research in the field of formation and development of psychological readiness of military personnel to perform service and combat tasks are presented.

Keywords: Russian Guard, troops of the National Guard, military personnel, psychological readiness to perform service and combat tasks, intellectual abilities, social intelligence

Введение

Актуальность и значимость проблемы обусловлена повышением требований к профессиональным и личностным качествам военнослужащих Росгвардии, а также необходимостью формирования психологической готовности, связанной со сложностью и напряжённостью служебно-боевых задач (далее – СБЗ) [4; 14], которые приходится решать войскам национальной гвардии России в изменяющихся социально-экономических условиях в стране и в ходе специальной военной операции на Украине.

Значимость развития социального интеллекта у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации определяется тем, что он играет ведущую роль в регулировании и понимании социальной действительности. Благодаря социальному интеллекту интерпретируется информация о социальной среде во всём её многообразии. Социальный интеллект даёт возможность участникам социального взаимодействия адаптироваться к условиям военной службы, нивелировать особенности военного взаимодействия, оставаясь в рамках,

определяемых общевоинскими уставами и иными нормативными актами, выбирая нужные модели поведения.

В настоящее время повышается требовательность не только к физической и боевой подготовке военнослужащего, но и к его интеллектуальным способностям. Развитие интеллекта в современной армии является одним из важнейших направлений боевой подготовки. Современные реалии показывают, что овладеть актуальными видами вооружения и боевой техники под силу не каждому именно ввиду низкого уровня интеллекта. Соответственно, уровень интеллектуальных способностей военнослужащих будет непосредственно влиять на боеготовность подразделений.

В совокупности с психологической готовностью военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к выполнению СБЗ уровень данных показателей может быть направлен на успешность выполнения СБЗ и задач повседневной деятельности. Таким образом, изучение взаимосвязи интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности военнослужащих позволит нам изучить дополнительные факторы готовности и повысить показатели, при которых выполнение СБЗ будет максимально успешным.

Целью является установление взаимосвязей между социальным интеллектом, интеллектуальными способностями и психологической готовностью военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации к выполнению ими СБЗ.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Для военнослужащих войск национальной гвардии профес-

сионально важным качеством является интеллект, поэтому он внесён в диагностируемые качества при прохождении профессионального психологического отбора. При диагностике познавательных способностей особое внимание уделяется оценке уровня интеллектуальных способностей и темпа мыслительной деятельности.

Интеллект – это сложное и многогранное явление, которое не может быть однозначно определено. Существуют различные точки зрения на природу интеллекта, и каждая из них имеет свои аргументы и приводит свои классификации [18, р. 71–90; 20; 22 и др.]. Однако все они указывают на то, что интеллект – это качество, которое играет важную роль в жизни человека и в его профессиональном успехе. Поэтому развитие интеллектуальных способностей является важной задачей для каждого человека.

Интеллект как психологический феномен причисляется к одному из феноменов идеального, поэтому его изучением занимались учёные-психологи и философы. Но проблема интеллекта и интеллектуальных способностей полностью не решена. Н. М. Кравцова приходит к выводу, что многие учёные, занимающиеся проблемой исследования интеллекта, не могут прийти к однозначному определению данного феномена именно из-за его многогранности и сложной структуры [7].

В современном обществе развитие интеллекта имеет важное значение для личностного роста и достижения личных целей. Человек с развитым интеллектом способен лучше понимать мир, принимать обоснованные решения и создавать новые идеи, что делает его успешным в различных сферах жизни.

Поэтому он должен стремиться к развитию своего интеллекта, чтобы расширять свой кругозор и находить новые возможности для самореализации.

Анализируя научные труды психологов, направленные на изучение природы интеллекта, мы выделили две основных точки зрения данной проблематики.

Первая: концепция природы интеллектуальных способностей предполагает, что существует множество компонентов интеллектуальных возможностей, не зависящих друг от друга (Дж. Гилфорд, М. А. Холодная, Л. Терстоун, Г. Гарднер)¹ [6].

Вторая точка зрения основана на существовании единого фактора интеллектуальных способностей, который может судить о целом интеллекте. Объект исследования – ментальные механизмы, определяющие интеллектуальное поведение человека (К. Спирмен, Е. Хант, Р. Стернберг, Г. Айзенк) [1; 7].

Психологи предлагают различные классификации, основанные на различных принципах строения.

Так, теорию множества интеллектуальных способностей предложил Г. Гарднер. Эта теория основывается на исследовании личностного потенциала.

Она включает в себя:

- лингвистические способности;
- логико-математические способности;
- пространственные способности;
- натуралистические способности;
- музыкальные способности;
- корпусо-кинестетические способности;

– интерперсональные / интерличностные способности;

– интраперсональные / интраличностные способности [5].

В то же время интеллект можно определить как некий адаптационный ресурс, позволяющий приспособиться к новым жизненным реалиям². Исходя из этого положения интеллект является одним из способов получения данных при адаптации к новой среде, при этом, по мнению многих психологов, ассимиляция выступает лишь побочной стороной применения знаний при решении возникающих задач. Из этого мы можем сделать вывод: развитый интеллект проявляется в универсальной адаптивности личности для достижения равновесия человека с природой и социумом.

Саморегуляция проявляется при совершении интеллектуального действия активным субъектом умственной деятельности. По мнению М. К. Акимовой, основа интеллекта – это умственная активность, в то время как саморегуляция обеспечивает нужный уровень активности при выполнении поставленной задачи [2]. Такое утверждение может привести к выводу, что саморегуляция и умственная активность в целом являются основными факторами интеллектуальной деятельности, которые способны повысить работоспособность субъекта деятельности. Интеллект способен упростить и объединить многие поведенческие качества.

Учёные, создавшие первые тесты интеллекта, изучали это свойство более широко. А. Бине определял чело-

¹ Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 334 с.

² Дружинин В. Н. Психология общих способностей: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 349 с.

века, обладающего интеллектом, как правильно судящего, размышляющего и понимающего, а также как личность, адаптирующуюся к различным обстоятельствам жизни благодаря здравому смыслу и инициативности [18].

Отсутствие единого понятия «интеллект» связано с многообразием его проявлений. Однако всё это связано с активизацией в любых интеллектуальных действиях, мышлении, памяти и воображении [3; 11; 18 и др.]. В научных теориях Г. Айзенка были выделены 3 основных феномена интеллекта: биологический, социокультурный и психометрический. При этом биологический феномен определяется основным для психометрического и социального феноменов [1].

В свою очередь, Ф. Гальтон стал основоположником психофизиологического подхода в исследовании интеллектуальных способностей. Он использовал сенсорные показатели для измерения уровня интеллекта [5].

Данные теории интеллекта послужили основой для создания определённых методов и методик повышения уровня интеллектуальных способностей. В частности, и в войсках национальной гвардии применяются некоторые современные методы.

Понятие социального интеллекта – не менее важная проблема исследований при определении профессиональных навыков военнослужащих. Социальный интеллект – это способность адекватно решать проблемы и разрешать проблемные ситуации, связанные с реальным общением в ходе социального взаимодействия [10].

В отношении проводимого нами исследования важно подчеркнуть, что, по мнению В. Я. Мачнева, социаль-

ный интеллект является важной характеристикой личности, определяющей плодотворность взаимодействия между людьми и общения в целом. Социальный интеллект характеризует сформированность просоциальных установок личности, возможность предугадать поведение людей в ходе общения, в целом сформированность социальных навыков [10].

Разрабатывая концепцию социального интеллекта, Д. Гилфорд определил социальный интеллект как неотъемлемую часть структурирования и оптимизации социальных взаимоотношений. По его мнению, социальный интеллект не зависит лишь от общего уровня интеллекта, а интегрирует в себе множество взаимосвязанных факторов, которые позволяют человеку адекватно воспринимать поведенческую информацию и являются неким интеллектуальным навыком. Модель Дж. Гилфорда проложила путь к созданию набора тестов, диагностирующих социальный интеллект [6].

Вместе с тем Д. В. Ушаков является автором структурно-динамической теории интеллекта, которая предлагает подход к социальному интеллекту. Следующие термины могут быть отнесены к социальному интеллекту применительно к структурно-динамической теории интеллекта по Д. В. Ушакову (факторы интеллектуальной структуры):

- потенциал образования;
- когнитивно-функциональное перекрытие;
- среднее распределение.

Д. В. Ушаков отмечает, что социальный интеллект (если его изучать именно как интеллект) – это способность распознавать социальные явле-

ния, которые являются лишь одним из компонентов социальных навыков и компетенций, вместо того чтобы исчерпывать их [15].

Анализ психологической литературы позволил выделить основные функции, осуществляемые социальным интеллектом как единой структурой:

- социально-психологическое взаимодействие индивида в коммуникативном пространстве;
- рост субъекта коммуникации с помощью создания специфического социально-психологического опыта;
- передача коммуникаторам системы установок субъекта;
- регуляторно-коррекционная функция;
- формирование и развитие социально-психологических механизмов личности в социуме с помощью участия в коммуникативном взаимодействии.

В профессиональной деятельности психологов войск национальной гвардии Российской Федерации, основными задачами которой являются психологическое сопровождение и психологическая реабилитация военнослужащих, наряду с несомненно положительными результатами имеют место определённые объективно и субъективно обусловленные проблемы. Затруднения чаще всего встречаются в наименее стандартизированных видах деятельности психолога, которые требуют от него нестандартных решений и способности к самостоятельной ориентировке в изменяющемся контексте профессиональных ситуаций [4].

Деятельность военных психологов связана с большим количеством взаимодействий профессионального

характера с различными категориями военнослужащих. Данный факт подразумевает наличие у психолога способностей к соотнесению контекста ситуации взаимодействия с личностными особенностями субъектов деятельности, к прогнозированию возможных вариантов её развития и к использованию индивидуального подхода в решении профессиональных задач. Упомянутые качества невозможны без развитого социального интеллекта как способности правильно понимать поведение других людей, важность которой для осуществления эффективного межличностного взаимодействия в условиях профессиональной деятельности сложно переоценить [4; 14].

Социальный интеллект в контексте военно-профессиональной деятельности наиболее часто рассматривается как профессионально-важное качество командиров и начальников. В подобных исследованиях обосновываются положения о важности социального интеллекта как фактора эффективной деятельности лидеров [17; 21], также отмечается, что социальный интеллект помогает преодолевать конфликты и бороться со стрессами при выполнении задач повседневной деятельности [19], позитивно влияет на межличностные отношения в коллективе, создаёт условия для эффективного сотрудничества [17].

Можно с уверенностью говорить о позитивном влиянии высокого уровня социального интеллекта военнослужащих на формирование долгосрочных взаимоотношений с товарищами и командирами и на осуществление необходимых межличностных взаимодействий с субъектами деятельности; благодаря мобилизационной функции

социального интеллекта легче преодолеваются кризисы, длительные стрессы и ситуации, проявляемые при прохождении военной службы, угрожающие самооценке и самоуважению у субъектов воинского коллектива. Отмечается также, что высокий уровень социального интеллекта оказывает положительное влияние на развитие саморегуляции и самоконтроля, повышает возможности воздействия на психическое состояние и поведение других военнослужащих [8]. В свою очередь, недостаточное развитие социального интеллекта может не только снижать продуктивность профессиональной деятельности, но и являться причиной асоциального поведения либо вызывать склонность к нему. Парадоксальность исследований заключается в том, что военнослужащие, обладающие высоким уровнем развития общего интеллекта, далеко не всегда достигают успешности в профессии. По мнению ряда исследователей, это связано с тем, что высокий уровень интеллекта может нивелироваться социальной слепотой, социальной неадекватностью поведения человека, его установок [9].

В рамках военной психологии вопрос о роли и месте социального интеллекта в профессиональной деятельности военнослужащих остаётся недостаточно изученным, многие работы подтверждают необходимость развитого социального интеллекта военнослужащего для успешного выполнения поставленных задач. Влияние социального интеллекта на эффективность военно-профессиональной деятельности обуславливается функционально-содержательной спецификой её структурных компонентов.

В результате проведённого нами анализа имеющихся психолого-педагогических источников и исходя из специфики военно-профессиональной деятельности будем придерживаться положений, описанных В. Я. Мачневым [12]. Исходя из этого, под социальным интеллектом военнослужащего будем понимать способность адекватно воспринимать социально обусловленную информацию в ходе общения, позволяющую прогнозировать исход конкретной ситуации взаимодействия. Данная способность может основываться на уровне интеллекта, стабильности процесса социализации, опыте социальных взаимодействий и позволяет обеспечить процесс социальной адаптации военнослужащего.

Зачастую воинским частям и подразделениям приходится действовать в условиях повышенной опасности, выполнять задачи, связанные с неожиданными поворотами ситуации, в том числе и с риском для жизни и здоровья. При выполнении служебно-боевых задач военнослужащим приходится испытывать на себе большие физические и морально-психологические нагрузки. Эти условия предъявляют повышенные требования к боевой подготовке, профессиональной готовности личного состава. В зависимости от того, насколько хорошо командиры знают и изучают актуальное психологическое состояние своих подчинённых, зависит успешность выполнения поставленной задачи. Психологическая готовность к выполнению СБЗ является одним из важнейших элементов психологической подготовки личности в силовых структурах.

На основе анализа работ, посвящённых изучению социальных установок личности и теории отношений В. Н. Мясищева, ранее нами был проведён ряд исследований, позволивших выделить основные содержательные элементы психологической готовности военнослужащих к изменению служебной ситуации и к выполнению служебно-боевых задач в целом [15]. Проведённый факторный анализ позволил выделить три основных взаимосвязанных компонента этой готовности: готовность к действиям в нестандартных ситуациях, готовность к самопожертвованию и готовность к психическому и физическому подавлению. Основываясь на проведённых ранее исследованиях, под психологической готовностью к выполнению служебно-боевых задач нами понимается интегральное явление, совмещающее социально-психологическое отношение к объективным либо субъективным ситуациям неопределённости и риска в деятельности, а также установку на профессионально-ориентированное поведение в соответствии с полученным ранее опытом [12; 13].

Высокий уровень психологической готовности личности военнослужащего способствует более успешному выполнению возложенных на него задач, правильному использованию ранее приобретённого опыта и личностного потенциала, применению наиболее эффективных методов саморегуляции и быстрому реагированию на различные рода ситуативные изменения [13].

Исследование структуры и содержания социально-психологических факторов управляемости подразделения становится важным ресурсом повышения эффективности выполнения

стоящих перед подразделением задач в целом. По-настоящему конструктивное и эвристическое представление о процессе управления должно раскрываться с позиции управленческого взаимодействия, включающего воздействие со стороны командира или вышестоящего органа управления на конкретное подразделение и особенности его принятия и ответного отклика со стороны самих военнослужащих. Важным фактором этого отклика и психологической готовности к выполнению задач в целом, по нашему мнению, могут выступать социальный интеллект военнослужащих и уровень их интеллектуальных способностей.

Материалы и методы

В исследовании принимали участие курсанты 3 курса Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации. Общий объём выборки составил 60 человек. Возраст респондентов варьируется в пределах от 19 до 22 лет.

В качестве эмпирического инструментария использовались следующие психодиагностические методики:

- авторский опросник «Оценка психологической готовности военнослужащих (сотрудников) к выполнению СБЗ» [12];

- тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда [6];

- тест КОТ («Краткий ориентировочный, отборочный тест» В. Н. Бузина, Э. Ф. Вандерлика)¹.

При статистической обработке данных использовались методы первич-

¹ Истратова О. Н., Эксакусто Т. В. Психодиагностика: коллекция лучших тестов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 375 с.

ной обработки данных и описательной статистики, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты и обсуждение

В рамках проводимого нами исследования важно рассмотреть выраженность изучаемых нами характеристик: уровня интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности к выполнению задач.

Среднее значение уровня интеллектуальных способностей определяется как среднее 22,02, при этом весьма высоким характеризуется стандартное отклонение ($SD = 7,35$). Процентное соотношение уровней интеллектуальных способностей представлено на рисунке 1.

73% испытуемых имеют средний уровень и выше, что свидетельствует

о всестороннем развитии личности курсантов. Общие способности позволяют легко овладевать знаниями и различными видами деятельности. При рассмотрении интеллектуальных способностей нами были выделены 4 основных критерия. Это продуктивность мышления, точность мышления, скорость мышления и эффективность мышления. Среднее значение в исследуемых подразделениях по каждому из критериев приближено к 6 стэнам из 10 возможных, что позволяет нам сказать о среднем уровне развитости данных критериев.

Продуктивность мышления позволяет изменять свою деятельность и принятые решения в соответствии с новой информацией, помогает уйти от шаблонных решений. Курсант, обладающий продуктивным мышлением, будет способен своевременно разглядеть допущенные ошибки и быстро пере-

Рис. 1 / Fig. 1. Уровень интеллектуальных способностей курсантов 3 курса / Percentage of the levels of intellectual abilities of cadets of the 3rd year

Источник: данные авторов.

строиться в своих профессиональных суждениях, отказавшись от прежних стереотипов мышления, а скорость и точность восприятия позволяют в сжатые сроки работать с информацией.

Анализ уровня социального интеллекта характеризует его ниже среднего при среднем значении 23,93 ($SD = 6,38$), в стэжах уровень характеризуется 2 стэжами. Процентное распределение представлено на рисунке 2.

Получаемое военное образование предполагает развитие социального интеллекта на более высоком уровне, и полученные нами результаты говорят о необходимости дополнительной работы в данном направлении. Уровень социального интеллекта у курсантов не развивается, данные показатели могли бы быть оптимальны для курсантов первого курса, которые ещё не социализированы до конца в воинском коллективе и на момент тестирования ещё испытывают процесс адаптации к военной службе, но не для курсантов 3 курса.

Разберём полученные результаты по всем четырём субтестам.

Субтест № 1 – Фактор познания результатов поведения выражен на среднем уровне – 6,85 ($SD = 2,6$).

Курсанты 3 курса на среднем уровне способны интерпретировать и предугадывать модели поведения других людей. В большей степени они способны предугадать возможные паттерны поведения людей на основе опыта общения с ними, при этом затруднять данные возможности познания результатов поведения будут неоднозначность поступков, спонтанность действий собеседников. Данные результаты показывают, что курсанты не всегда способны построить грамотную стратегию своего поведения при общении с новыми или малознакомыми людьми.

Субтест № 2 – Фактор познания классов поведения выражен на среднем уровне, приближенном к нижней границе – 6,05 ($SD = 2,1$).

Рис. 2 / Fig. 2. Общий уровень социального интеллекта курсантов 3 курса / Percentage of the general level of social intelligence of cadets of the 3rd year

Источник: данные авторов.

Данный фактор связан с навыками распознавания невербальной речи. Испытуемые почти не придают значения невербальной экспрессии и невербальному общению в целом. Не всегда могут различить правильные значения подаваемых невербальных сигналов, правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям: мимике, позам, жестам. Интуиция развита на среднем уровне.

Субтест № 3 – Фактор познания преобразований поведения выражен на уровне ниже среднего, приближенным к верхней границе – 5,80 ($SD = 3,1$).

Курсанты 3 курса имеют среднюю чувствительность к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, не всегда понимают речевую экспрессию, неправильно интерпретируют доводимую им информацию, могут неправильно понять другого. Иногда неправильно подбирают соответствующий тон общения и социальное поведение в контексте той или иной ситуации. Ролевая пластичность развита на среднем уровне.

Субтест № 4 – Фактор познания систем поведения выражен на уровне ниже среднего показателя – 5,23 ($SD = 2,1$).

Респонденты не всегда способны предугадывать логику развития событий, понимать значение поведения собеседников или малознакомых людей в общественном месте при различных ситуациях. Могут испытывать трудности в анализе сложных ситуаций взаимодействия людей, понимании логики их развития и внутренних мотивов поведения. Исходя из этого, не исключена возможность того, что курсанты будут тяжело адаптироваться к раз-

личным системам взаимоотношений между людьми.

Психологическая готовность курсантов к выполнению служебно-боевых задач характеризуется средним уровнем, приближенным к верхней границе. Процентное соотношение уровней в выборке представлено на рисунке 3.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что психологическая готовность курсантов 3 курса к выполнению СБЗ сформирована на среднем уровне, приближенном к верхней границе. Данные результаты наглядно показывают, что курсанты способны к взвешенным и обдуманым решениям даже при определённых экстремальных условиях, но у них сказывается недостаток опыта, т. к. они ещё не сталкивались с подобными обстоятельствами, у них отсутствует определённое правильное представление о той или иной ситуации. При этом не исключается возможность проявления таких ситуаций, и даже при действиях в экстремальных условиях они смогут найти определённые варианты и стратегии принятия правильного решения и преодолевающего поведения.

В таблице 1 представлены результаты корреляционного анализа исследуемых характеристик.

Представленные результаты корреляционного анализа указывают на взаимосвязь между общими уровнями показателей социального интеллекта и интеллектуальных способностей с уровнем психологической готовности к выполнению СБЗ.

Коэффициент корреляции общего уровня развития социального интеллекта и уровня психологической готовности равен 0,726, а коэффициент

Рис. 3 / Fig. 3. Уровень психологической готовности курсантов 3 курса к выполнению СБЗ / Percentage of levels of psychological readiness of cadets of the 3rd year to perform service and combat tasks

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности / The relationship between intellectual ability, social intelligence and psychological readiness

Показатели интеллектуальных способностей и социального интеллекта	Психол. готовность к действиям в нестандартных ситуациях	Психол. готовность к самопожертвованию	Психол. готовность к психическому и физическому подавлению	Интегральный уровень психологической готовности
Продуктивность мышления	0,685**	0,745**	0,688**	0,774**
Скорость мышления	0,205	0,379**	0,380**	0,360**
Точность мышления	0,477**	0,427**	0,356**	0,455**
Эффективность мышления	0,599**	0,618**	0,552**	0,644**
Общий уровень интеллекта	0,663**	0,737**	0,684**	0,762**
Субтест 1	0,506**	0,579**	0,532**	0,592**
Субтест 2	0,445**	0,328*	0,420**	0,436**
Субтест 3	0,328*	0,386**	0,325*	0,379**
Субтест 4	0,377**	0,418**	0,420**	0,446**
Общий уровень развития соц. интеллекта	0,646**	0,678**	0,660**	0,726**

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0.01; *. Корреляция значима на уровне 0.05

Источник: данные авторов.

корреляции общего уровня интеллектуальных способностей и уровня психологической готовности равен 0,762. Важно отметить, что статистически значимые взаимосвязи выявлены также практически со всеми характеристиками интеллектуальных способностей и социального интеллекта.

Не коррелируют между собой только 2 критерия: скорость мышления с психологической готовностью к действиям в нестандартных ситуациях – 0,205. Мы можем предположить, что готовность действовать в нестандартной ситуации не связана со скоростью мыслительных процессов. В первую очередь данный факт может быть связан с тем, что психологическая готовность действовать в нестандартных ситуациях основана на социальной установке, а соответственно, на наличии определённого опыта и знаний. Высокая скорость мышления не предполагает наличия заранее подготовленных моделей поведения, при этом предопределяя нахождение решения конкретной задачи ситуативно, не зависимо от отношения к ней.

Анализируя представленную таблицу, необходимо остановиться на таких показателях, как продуктивность и эффективность мышления. Показатель продуктивного мышления тесно связан с творческим подходом в интеллектуальной деятельности. Здесь мы можем с уверенностью сказать, что нестандартность мышления и подбор правильного решения под ту или иную ситуацию являются одними из главных составляющих психологической готовности у военнослужащих при рассмотрении взаимосвязи с уровнем интеллектуальных способностей. Исходя из полученных результатов,

считаем, что у курсантов в первую очередь необходимо развивать продуктивность и эффективность мышления, нежели скорость мышления. Можно также сказать, что творческие подходы к принятию решения позволят с высокой вероятностью эффективности выполнить поставленную служебно-боевую задачу при любых возникающих нестандартных и новых ситуациях. А согласно практическому опыту, при ведении боевых действий не бывает типичного варианта развития событий.

При рассмотрении взаимосвязи критериев социального интеллекта с психологической готовностью нами был выявлен критерий, который имеет наиболее сильную и устойчивую взаимосвязь с компонентами и общим уровнем психологической готовности. Это критерий, выявляемый при прохождении первого субтеста, – фактор познания результатов поведения. Как нами было описано выше, данный фактор направлен на предвидение поступков людей на основе анализа реальных ситуаций, предсказание события, которое основывается на понимании чувств, мыслей, намерений человека. Это означает, что развитие данного критерия позволит выработать навык предвидения социальных ситуаций и разработать определённую модель поведения, что будет необходимо для проведения военно-политической работы с подчинённым личным составом в районе проведения боевых действий и специальных операций, а также позволит сформировать навык прогнозирования поведения противника при ведении боевых действий. Мы можем с уверенностью утверждать, что данный навык положительно скажется на по-

вышении уровня психологической готовности военнослужащих.

Таким образом, проведённое эмпирическое исследование подтверждает, что уровни интеллектуальных способностей и социального интеллекта прямо взаимосвязаны с психологической готовностью военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач; соответственно, повышение данных личностных характеристик будет способствовать развитию уровня психологической готовности.

Заключение

1. Уровень интеллектуальных способностей и психологической готовности у респондентов определён как средний, что позволяет сделать вывод о средних умственных способностях курсантов и достаточном уровне психологической готовности к выполнению СБЗ. Уровень социального интеллекта выражен на уровне ниже среднего, что предполагает необходимость дополнительной работы в ходе образовательного и воспитательного процесса в ВООВО.

2. Социальный интеллект и интеллектуальные способности взаимосвязаны со всеми компонентами психо-

логической готовности к выполнению СБЗ.

3. Развитие социального интеллекта и интеллектуальных способностей военнослужащих может существенно сократить время формирования психологической готовности военнослужащих. Данные результаты указывают на необходимость разработки программы повышения социального интеллекта и интеллектуальных способностей военнослужащих в ходе подготовки к выполнению служебно-боевых задач.

Перспективы. Перспективы исследования проблемы психологической готовности к выполнению служебно-боевых задач военнослужащих, исходя из полученных нами результатов, свидетельствуют о необходимости разработки специальной программы, в которую требуется включать мероприятия по развитию интеллектуальных способностей и социального интеллекта. Полученные результаты указывают на важность работы командиров подразделений по повышению уровня психологической готовности при помощи развития интеллектуальных способностей и социального интеллекта личного состава.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
2. Акимова М. К. Зависимость особенностей взаимодействия от уровня интеллектуального развития студентов // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1 (22). С. 33–39.
3. Аршанская (Шешукова) О. В. Психологические условия становления социального интеллекта: история и современность: монография. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. 85 с.
4. Баширов И. Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 210 с.

5. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта: юбилейное издание с новым предисловием автора / пер. с англ. А. Н. Свирид. М.: Вильямс, 2007. 501 с.
6. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления: сборник статей / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433–456.
7. Кравцова Н. М. Структура интеллектуальных способностей человека // Успехи современного естествознания. 2010. № 5. С. 91–93.
8. Лунева О. В. Теоретические основания концепции социального интеллекта // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 231–236.
9. Люсин Д. В. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. 176 с.
10. Мачнев В. Я., Чердымова Е. И. Социальный и эмоциональный интеллект: монография. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 148 с.
11. Савенков А. И. Структура социального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 7–15. DOI: 10.17759/jmfp.2018070201.
12. Терехин Р. А., Татевосян А. К. Структура и особенности психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач // Высшее образование сегодня. 2022. № 1-2. С. 89–93.
13. Терехин Р. А. Социально-психологические детерминанты психологической готовности военнослужащих к изменению служебной ситуации в процессе военно-профессиональной социализации. СПб.: Центр стратегических исследований, 2020. 88 с.
14. Турчин А. С. Особенности саморегуляции служебной деятельности сотрудниками Росгвардии // Научное мнение. 2023. № 5. С. 20–24.
15. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. №4 (41). С. 131–139.
16. Cantor N., Kihlstrom J. Personality and social intelligence. New Jersey: Prentice Hall, 1987. 290 p.
17. Bano F. B. Emotional Intelligence and Effective Leadership // Journal of Business Studies Quarterly: [сайт]. 2013. Vol. 4. № 3. URL: <https://jbsq.org> (дата обращения: 10.07.2023).
18. Meijs N. Social Intelligence and Academic Achievement as Predictors of Adolescent Popularity // Journal of Youth and Adolescence. 2010. Vol. 39. № 1. P. 62–72. DOI: 10.1007/s10964-008-9373-9 27.
19. Nousheen S. Social intelligence: a key to employee success at workplace [Электронный ресурс] // International Journal of Applied Services Marketing Perspectives. 2013. Vol. 4. № 3. URL: <http://sjifactor.com> (дата обращения: 10.07.2023).
20. Piaget J. Einführung in die Genetische Erkenntnistheorie. Berlin: Suhrkamp Verlag, 1973. 103 p.
21. Safia M. M., Gehan M. A., Awatef H. K. Impact of Emotional Intelligence Program on Leadership Competency of Nursing Leaders // International Journal of Nursing Didactics. 2016. Vol. 6. P. 12–18.
22. Thorndyke E. L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. № 140. P. 227–235.

REFERENCES

1. Ajzenk G. Yu. [Intellect: a new look]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 1995, no. 1, pp. 111–131.
2. Akimova M. K. [Dependence of the features of interaction on the level of intellectual development of students]. In: *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* [Actual problems of the present: science and society], 2019, no. 1 (22), pp. 33–39.

3. Arshanskaya (Sheshukova) O. V. *Psichologicheskie usloviya stanovleniya social'nogo intellekta: istoriya i sovremennost'* [Psychological conditions for the formation of social intelligence: history and modernity]. Tambov, Yukom Consulting Company Publ., 2018. 85 p.
4. Bashirov I. F. *Social'nyj intellekt kak faktor uspekhov professional'noj deyatel'nosti voennogo psihologa: dis. ... kand. psihol. nauk* [Social intelligence as a factor in the success of the professional activity of a military psychologist: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2006. 210 p.
5. Gardner H. The structure of the mind. Theory of multiple intelligences (Rus. ed., Svirid A. N. transl.: *Struktura razuma. Teoriya mnozhestvennogo intellekta*. Moscow, Vil'yams Publ., 2007. 501 p.).
6. Gilford J. [Three sides of the intellect]. In: Matyushkin A. M., ed. *Psihologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 433–456.
7. Kravcova N. M. [The structure of human intellectual abilities]. In: *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of modern natural science], 2010, no. 5, pp. 91–93.
8. Luneva O. V. [Theoretical foundations of the concept of social intelligence]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, no. 3, pp. 231–236.
9. Lyusin D. V. *Social'nyj intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: Theory, measurement, research]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 176 p.
10. Machnev V. Ya., Cherdymova E. I. *Social'nyj i emocional'nyj intellekt* [Social and emotional intelligence]. Samara, Samara University Press Publ., 2022. 148 p.
11. Savenkov A. I. [The structure of social intelligence]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2018, vol. 7, no. 2, pp. 7–15. DOI: 10.17759/jmfp.2018070201.
12. Terekhin R. A., Tatevosyan A. K. [The structure and features of the psychological readiness of military personnel to perform service and combat tasks]. In: *Vyshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2022, no. 1-2, pp. 89–93.
13. Terekhin R. A. *Social'no-psichologicheskie determinanty psichologicheskoy gotovnosti voennosluzhashchih k izmeneniyu sluzhebnoj situatsii v processe voenno-professional'noj socializatsii* [Socio-psychological determinants of the psychological readiness of military personnel to change the service situation in the process of military professional socialization]. St. Petersburg, Center for Strategic Studies Publ., 2020. 88 p.
14. Turchin A. S. [Features of self-regulation of service activities by employees of the Russian Guard]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2023, no. 5, pp. 20–24.
15. Ushakov D. V. [Social and emotional intelligence: theoretical approaches and methods of measurement]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Fund], 2005, no. 4 (41), pp. 131–139.
16. Cantor N., Kihlstrom J. *Personality and social intelligence*. New Jersey, Prentice Hall, 1987. 290 p.
17. Bano F. B. Emotional Intelligence and Effective Leadership. In: *Journal of Business Studies Quarterly*, 2013, vol. 4, no. 3. Available at: <https://jbsq.org> (accessed: 10.07.2023).
18. Meijs N. Social Intelligence and Academic Achievement as Predictors of Adolescent Popularity. In: *Journal of Youth and Adolescence*, 2010, vol. 39, no. 1, pp. 62–72. DOI: 10.1007/s10964-008-9373-9 27.
19. Nousheen S. Social intelligence: a key to employee success at workplace. In: *International Journal of Applied Services Marketing Perspectives*, 2013, vol. 4, no. 3. Available at: <http://sjifactor.com> (accessed: 10.07.2023).
20. Piaget J. *Einführung in die Genetische Erkenntnistheorie*. Berlin, Suhrkamp Verlag, 1973. 103 p.

21. Safia M. M., Gehan M. A., Awatef H. K. Impact of Emotional Intelligence Program on Leadership Competency of Nursing Leaders. In: *International Journal of Nursing Didactics*, 2016, vol. 6, pp. 12–18.
22. Thorndyke E. L. Intelligence and its uses. In: *Harper's Magazine*, 1920, no. 140, pp. 227–235.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терехин Роман Алексеевич – кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации;
e-mail: r87terekhin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2238-6640

Турчин Анатолий Степанович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации;
e-mail: ast55@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7973-2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Terekhin – Cand. Sci (Psychology), Deputy Head of the Department of General and Applied Psychology of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation;
e-mail: t87terekhin@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2238-6640

Anatoly S. Turchin – Dr Sci (Psychology), Prof., Prof. of the Department of General and Applied Psychology of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation;
e-mail: ast55@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7973-2017

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Терехин Р. А., Турчин А. С. Взаимосвязь интеллектуальных способностей, социального интеллекта и психологической готовности военнослужащих к выполнению служебно-боевых задач // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 23–39.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-23-39

FOR CITATION

Terekhin R. A., Turchin A. S. Interrelation of intellectual abilities, social intelligence and psychological readiness of military personnel to perform service and combat missions. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 23–39.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-23-39

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-40-50

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФАНТИЛИЗМА И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ КУРСАНТОВ

Басина Т. А.*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России**160032, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Определить характер взаимосвязи между такими личностными особенностями курсантов ведомственного вуза, как инфантилизм и жизнестойкость.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 66 курсантов первого и второго курсов психологического факультета ВИПЭ ФСИН России. Использовались следующие методы: психодиагностические методы (опросник «Уровень инфантилизма» А. А. Серегинной и тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева), методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ).

Результаты. Доказано, что имеется значимая обратная взаимосвязь между инфантилизмом и принятием риска, вовлеченностью и контролем как компонентами жизнестойкости у курсантов ведомственного вуза. Установлено, что инфантилизм курсантов с высоким уровнем жизнестойкости значимо ниже, чем инфантилизм курсантов с низким уровнем жизнестойкости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы практическими психологами в ходе сопровождения процесса адаптации и обучения курсантов в ведомственном вузе.

Ключевые слова: ведомственный вуз, жизнестойкость, инфантилизм, кидалты, курсанты

THE RELATIONSHIP OF INFANTILISM AND LIFE RESILIENCE OF CADETS

T. Basina*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia
ul. Shchetinina, 2, Vologda, 160032, Russian Federation***Abstract**

Aim. Determine the nature of the relationship between such personal characteristics of departmental university cadets as infantilism and life resilience.

Methodology. The study involved 66 first- and second-year cadets of the Psychology Department of the All-Russian Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. The following methods were used: psychodiagnostic methods (questionnaire "Level of infantilism" (A.A. Seregina) and S. Maddy's hardiness test adapted by D.A. Leontiev): methods of statistical data processing (U - Mann-Whitney test, correlation analysis).

Results. It is proved that there is a significant inverse relationship between infantilism and risk taking, involvement and control as components of life resilience of cadets of departmental

higher education institution. It was found that the infantilism of cadets with a high level of life resilience is significantly lower than the infantilism of cadets with a low level of life resilience.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists in the course of accompanying the process of adaptation and training of cadets in a departmental university.

Keywords: departmental university, life resilience, infantilism, scammers, cadets

Введение

Современный мир характеризуется всё большим изменением социальных ценностей и приоритетов, увеличением границ детского и молодого возраста, с одной стороны, и увеличением количества стрессов, с другой. Социальные изменения, происходящие в обществе, требуют от молодёжи хорошего приспособления к быстро меняющимся условиям, развития стрессоустойчивости и жизнестойкости, выработки адекватных способов совладающего поведения. Вместе с тем остаётся открытым вопрос: «Как в условиях повышения инфантилизации подрастающего поколения обеспечить им должный уровень сопротивляемости стрессам, научить их реализовывать свой потенциал и проявлять себя?». Ответить на него может помочь исследование характера взаимосвязи между инфантилизмом и жизнестойкостью личности. Взаимосвязь данных личностных особенностей в психологической науке практически не изучена, что определяет актуальность исследования.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Проблема инфантилизации молодёжи в последние десятилетия становится особенно актуальной социальной проблемой общества (Г. З. Ефимова [5], И. С. Клецина, А. В. Микляева [11; 12], А. В. Утенков [18] и др.). Первоначально данное понятие воз-

никло в медицине и рассматривалось как результат недоразвития отдельных сторон личности или психических процессов в рамках дизонтогенеза. В настоящее время наряду с психическим инфантилизмом широко используется термин «личностный инфантилизм», применяемый в отношении людей, не имеющих психических патологий, но ведущих себя в соответствии с критериями более младшего возраста [2; 3; 5; 11; 15].

А. В. Утенковым [18] было предложено объяснение понятия «инфантилизм» «как незрелости в развитии, сохранение в физическом облике или поведении черт, присущих предшествующим возрастным этапам» [18, с. 30]. В переносном смысле инфантилизм рассматривается как детскость, т. е. не совсем зрелый подход к жилищно-бытовым условиям и проблемам, а также к учебной и трудовой деятельности.

В социально-психологических исследованиях инфантилизация понимается как существенное замедление освоения молодыми людьми социальной роли взрослого человека со всеми её атрибутами (с экономической независимостью от родительской семьи, включением в профессиональную деятельность, созданием собственной семьи, рождением детей и т. д.) [1; 11; 12]. К признакам личностной незрелости, сочетающимся с инфантилизмом, относятся: безответственность, пассивность, несамостоятельность, за-

вышенные самооценка и уровень притязаний, эгоцентризм, обострённое, порой болезненное чувство психологической незащищённости, отсутствие целей в жизни, эгоцентризм, неумение анализировать собственные действия, перекладывание ответственности при принятии решения на других и др. [1; 8; 12; 15].

В последние десятилетия в психологии появился специальный термин – кидалты («молодые взрослые»). Им обозначается особая стадия личностного развития, связанная со стремлением продлить детство, проявляющаяся в возврате к детским или юношеским формам поведения, увлечениям, личностным чертам со снижением при этом ответственности за свою жизнь [6; 16].

В качестве основной причины инфантилизации молодёжи психологи и социологи называют большое количество возможных траекторий взросления и путей самореализации, свойственное современному обществу, и размытость и нечёткость ориентиров для построения собственного жизненного пути [2; 3; 12]. Кроме того, можно отметить распространение в СМИ, интернет-каналах, социальных сетях представлений о лёгкой жизни, приоритете материальных ценностей, незначимости труда, пропаганду гедонизма. Основным механизмом компенсации, который проявляется при инфантилизме, является желание человека уйти от реальности. Можно предположить, что при этом снижается жизнестойкость личности как один из важных концептов, развиваемых в современной науке.

Жизнестойкость как психологический феномен следует отнести к

молодым феноменам, недавно получившим своё развитие в психологии. В зарубежной науке данный термин, обозначаемый как *hardiness*, впервые появился в начале 80-х гг. XX в., его предложили американские психологи Сьюзен Кобейса и Сальватор Мадди [13]. В переводе с английского языка *hardiness* означает «крепость, выносливость». С. Кобейса [7] одной из первых указала на жизнестойкость личности как важный фактор сопротивления трудностям. В своих экспериментах она установила, что данная черта является опорной в сопротивлении стрессовым событиям [7; 14; 19].

С. Мадди [10; 26] рассматривал феномен жизнестойкости с точки зрения целостного подхода к личности. Он считал, что термин «жизнестойкость» отражает живучесть на психологическом уровне и высокую эффективность личности, которая имеет связи с мотивацией к преодолению стрессогенных жизненных и реальных ситуаций [10; 17; 26]. В отечественной психологии данное понятие продолжил развивать Д. А. Леонтьев [13] в 2000 г. Исходя из междисциплинарного подхода к явлению жизнестойкости человека, Д. А. Леонтьев [9] определяет жизнестойкость как черту, характеризующуюся мерой преодоления личности самой себя. Наиболее близким к понятию жизнестойкости Д. А. Леонтьев [4] считает термин «жизнетворчество», т. е. расширение человеком мира, своих жизненных отношений. Основными составляющими жизнестойкости, по его мнению, являются убеждённость личности в готовности справиться с ситуацией и открытость всему новому. Жизнестойкость влияет как на оценку текущей ситуации, которая восприни-

мается менее травматичной, так и на дальнейшие действия человека, стимулируя его к заботе о собственном здоровье и психологическом благополучии [9; 13; 14].

П. Бартон, Д. Келли и М. Мэтхьюс [20] отмечают, что жизнестойкость состоит из когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей и характеризует способность человека поддерживать здоровое состояние в беспокойные времена [20; 26].

В многочисленных исследованиях были установлены взаимосвязи жизнестойкости с рядом личностных и психофизиологических особенностей, например, с настойчивостью в обучении и поведении (О. С. Халата) [22], психической вовлечённостью и низким уровнем тревожности (В. В. Ковальский) [24], мотивацией избегания неудач, лидерством (Дж. Джудкинс, Б. Мур) [21], способностью сопротивляться буллингу (К. Хамре) [23], склонностью к алкоголизму (Дж. Кулак) [25], качеством сна и работоспособностью (М. Нордмо, О. Олсен) [27] и др.

В своих исследованиях С. Мадди [10] установил возрастные особенности формирования жизнестойкости. Наиболее интенсивно жизнестойкость формируется в детском и подростковом возрасте, где основополагающим в её развитии являются особенности детско-родительских отношений. Родители выступают источниками установок, примерами собственной активности в преодолении различных трудностей. В последующие возрастные периоды жизнестойкость незначительно меняется [4, с. 75].

Можно предположить, что наличие личностного инфантилизма у молодёжи будет сочетаться с низким уровнем

жизнестойкости, поскольку личностная незрелость взаимосвязана с психологической незащищённостью и неспособностью справляться со стрессами самостоятельно.

Представление результатов исследования

Исследование проводилось на базе ВИПЭ ФСИН России в 2023 г. В нём приняли участие 66 курсантов первого и второго курса психологического факультета. Для изучения инфантилизма и жизнестойкости курсантов использовался опросник «Уровень инфантилизма» А. А. Серегинной и методика С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева.

Результаты изучения инфантилизма курсантов представлены на рисунке 1.

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение инфантилизма в группе опрошенных, % / Distribution of Infantilism in the group of respondents, %

Источник: данные автора.

Анализ рисунка показывает, что среди опрошенных курсантов преобладает слабый уровень инфантилизма. Три четверти опрошенных не всегда контролируют свои эмоции, имеют жизненные цели, но иногда испытывают трудности в их достижении, отличаются высокой трудовой мотивацией и преобладанием нравственных цен-

ностей над материальными, иногда избегают трудных жизненных ситуаций и не всегда могут противостоять своим слабостям, могут быть излишне безответственными и зависимыми.

Чуть менее четверти опрошенных относятся к группе неинфантильных, т. е. всегда могут противостоять своим желаниям, чётко следуют намеченным целям, отличаются целеустремлённостью, независимостью в оценках и суждениях, ответственностью и самостоятельностью.

Лишь 4% опрошенных курсантов имеют средний уровень инфантилизма, т. е. отличаются повышенной степенью безответственности, несамостоятельности и зависимости, имеют сложности с формированием трудовой мотивации и познанием себя, слабо контролируют свои эмоции, больше ориентированы на материальные ценности, чем на нравственные. Высокий уровень инфантилизма в группе не выявлен.

Данные, полученные при исследовании жизнестойкости курсантов, представлены в таблице 1.

Подсчёт среднего значения компонентов жизнестойкости в группе показал, что опрошенным курсантам свойственен средний уровень вовлечённости и контроля и высокий уровень принятия риска. При этом общий

уровень жизнестойкости курсантов средний. Полученные результаты позволяют сказать, что опрошенные обладают средним уровнем вовлечённости в учебную и служебную деятельность, способны получать от неё удовольствие, считают, что могут повлиять на результат своей деятельности и чего-то достичь в жизни за счёт собственных усилий, настроены на активное усвоение знаний и последующее их использование, склонны рисковать для достижения целей.

В целом курсанты способны справляться со стрессовыми ситуациями без внутреннего напряжения, действовать в ситуациях неопределённости и осуществлять выбор.

Распределение курсантов по уровням сформированности жизнестойкости показывает, что четверть опрошенных (25%) имеют высокий уровень жизнестойкости и легко справляются со стрессовыми ситуациями, чуть больше половины опрошенных (54%) обладают средним уровнем жизнестойкости и 21% – низким, т. е. чуть меньше четверти опрошенных испытывают трудности при столкновении с ситуациями неопределённости, им сложно справиться со стрессом и внутренней тревогой.

Таблица 1 / Table 1

Выраженность компонентов жизнестойкости в группе опрошенных / Expression of life resilience components in the group of respondents

№	Шкала	Среднее значение	Уровень
1	Вовлечённость	35	норма
2	Контроль	29	норма
3	Принятие риска	19	высокий
4	Жизнестойкость	82,3	норма

Источник: данные автора.

Для выявления характера взаимосвязи между изучаемыми параметрами был осуществлён расчёт коэффициента корреляции Спирмена, значения которого представлены в таблице 2.

В результате была получена заметная значимая обратная взаимосвязь между инфантилизмом и всеми компонентами жизнестойкости у курсантов, т. е. чем выше инфантилизм обучающихся в ведомственном вузе, тем ниже уровень их жизнестойкости и меньше выраженность её компонентов. Курсанты, отличающиеся личностной зрелостью, лучше справляются со стрессовыми ситуациями и оценивают их как менее значимые. Больше всего выражена взаимосвязь между инфантилизмом и шкалой принятия риска ($r_s = -0,606$). Чем ниже уровень инфантилизма, тем лучше выражен компонент принятия риска и человек нацелен на развитие,

проявляет активность в достижении целей, готов действовать на свой страх и риск, не любит плыть по течению.

В целом чем выше уровень инфантилизма обучающихся, тем ниже их вовлечённость в учебную и служебную деятельность, меньше убеждённости в том, что результат их деятельности зависит от их усилий и является результатом самостоятельного выбора.

Для подчёркивания значимости различий в поведении курсантов с разным уровнем жизнестойкости был осуществлён расчёт критерия Манна-Уитни, значения которого представлены в таблице 3.

В результате были установлены статистически значимые различия в уровне инфантилизма курсантов с высоким и низким уровнями жизнестойкости ($U_{\text{эмп.}} = 5$, при $p < 0,05$), т. е. инфантилизм курсантов с высоким

Таблица 2 / Table 2

Эмпирические значения коэффициента корреляции Спирмена / Empirical values of the Spearman correlation coefficient

	Жизнестойкость и её компоненты			
	вовлечённость	контроль	принятие риска	жизнестойкость
инфантилизм	-0,55	-0,59	-0,61	-0,515

Источник: данные автора.

Таблица 3 / Table 3

Эмпирические значения критерия Манна-Уитни / Empirical values of the Mann-Whitney criterion

	Группы курсантов с разным уровнем жизнестойкости		
	Высокая и низкая жизнестойкость	Высокая и средняя жизнестойкость	Средняя и низкая жизнестойкость
U-эмп.	5*	24,5	58

* - при уровне значимости $p < 0,05$

Источник: данные автора.

уровнем жизнестойкости значительно ниже, чем инфантилизм курсантов с низким уровнем жизнестойкости.

25% опрошенных курсантов имеют высокий уровень жизнестойкости, следовательно, они отличаются личностной зрелостью, активны и ответственные, настойчивы в учебной и служебной деятельности. 21% опрошенных продемонстрировали низкий уровень жизнестойкости, что свидетельствует о наличии у них противоположных характеристик.

Поскольку большая часть опрошенных курсантов относится к группе слабоинфантильных личностей, можно предположить, что они обладают хорошим потенциалом при столкновении с трудными жизненными ситуациями, легко могут с ними справиться без сильного внутреннего напряжения, готовы проявлять активность и настойчивость в достижении целей, учиться на опыте, проявляют оптимальный уровень работоспособности.

Вызывает беспокойство наличие в исследуемой группе довольно большого числа лиц с низким уровнем жизнестойкости. Согласно результатам исследования низкий уровень жизнестойкости сочетается с достаточно высоким инфантилизмом, следовательно, снижение инфантилизма может помочь данным курсантам в развитии их жизнестойкости. Комплекс мероприятий по снижению инфантилизма обучающихся может включать обучение умениям ставить долгосрочные цели, развитие рациональности, обучение способам самоконтроля и контроля над своими эмоциями, развитие гуманизма и расширение мировоззрения, обучение умению слушать других людей. Все эти умения и навыки, которые

могут быть сформированы в ходе социально-психологических тренингов, пригодятся курсантам в будущей профессиональной деятельности.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что инфантилизм представляет собой социальную проблему, связанную с возрастанием числа личностно-незрелых молодых людей, не желающих взрослеть и ведущих себя в соответствии с критериями предшествующего возрастного этапа. В ходе исследования было установлено, что среди курсантов высокий инфантилизм встречается нечасто. Однако лишь менее четверти опрошенных продемонстрировали полное отсутствие признаков инфантилизма, у остальных молодых людей он выражен на слабом или среднем уровне.

Жизнестойкость отражает способность личности сопротивляться стрессовым воздействиям и поддерживать оптимальный уровень психологического благополучия. В условиях большого количества стрессовых факторов, существующих в современном обществе, её изучение отличается особой актуальностью. В исследовании было установлено, что выраженность жизнестойкости и её компонентов на среднем или высоком уровнях свойственна большей части опрошенных обучающихся ведомственного вуза. Однако около четверти опрошенных продемонстрировали низкий уровень жизнестойкости.

Была обнаружена заметная обратная взаимосвязь между компонентами жизнестойкости и инфантилизмом личности курсантов. Инфантильные опрошенные отличаются низкими по-

казателями принятия риска, вовлечённости в учебную и служебную деятельность, испытывают сложности в выборе своего пути, ориентированы на мнение авторитетов, в то время как личностно-зрелые курсанты имеют хорошую сопротивляемость стрессам, легко справляются с трудностями, возникающими в различных видах деятельности.

Таким образом, можно предположить, что при наличии высокой инфантильности курсанты будут более ведо-

мыми, склонными зависеть от чужого мнения, несамостоятельными и пассивными, что может способствовать неудовлетворённости собой, снижению уровня психологического благополучия и профессиональному выгоранию в будущем. Полученные результаты актуальны для обеспечения эффективного психологического сопровождения обучающихся ведомственного вуза.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардельянова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития: [сайт]. 2018. № 4. URL: <http://teoria-practica.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Бернацкий В. О., Мосиенко Л. И. Концепт «инфантильная молодёжь» в контексте диалога семьи и общества // Вестник Омского государственного университета. 2019. № 1. С. 56–63.
3. Демиденко А. С. Социальная инфантильность российской молодёжи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль: [сайт]. 2018. Т. 10. № 3-1. URL: <http://www.hist-edu.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
4. Евтушенко Е. А. Жизнестойкость личности как психологический феномен // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 1 (58). С. 72–77.
5. Ефимова Г. З. Социальный инфантилизм студенческой молодёжи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // Науковедение: [сайт]. 2014. № 6 (25). URL: <http://naukovedenie.ru> (дата обращения: 10.05.2023).
6. Змиевская А. А., Курышева О. В. Временные аспекты дестандартизации жизненного пути личности в семейной сфере // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 4. С. 81–85.
7. Корнилова Т. В. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (HARDINESS) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. С. 223–230.
8. Корчагина О. В. Социально-личностный инфантилизм подростков с умственной отсталостью как фактор социальной адаптации // Концепт. 2016. Т. 20. С. 39–42.
9. Наливайко Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. 2006. № 4. С. 211–216.
10. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
11. Микляева А. В. Личностный инфантилизм в дискурсе психологического консультирования (по материалам интернет-форума) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 276–290.
12. Микляева А. В., Клецина И. С. Личностная зрелость и инфантилизм у юношей и девушек, обучающихся в гражданских и военных вузах: гендерный аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 102–111.

13. Никитина Е. В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // *Academy*. 2017. № 4 (19). С. 100–103.
14. Овчарова Р. В. Методология исследования жизнестойкости личности // *Вестник Курганского государственного университета*. 2019. № 2 (53). С. 59–62.
15. Пахомова Е. А. Инфантилизм в студенческой молодёжной среде как психолого-педагогическая проблема // *Человеческий капитал*. 2021. № 2 (146). С. 113–115.
16. Темнова Л. В., Тезина Е. И. Кидалтинг как социальный феномен // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 12. С. 36–41.
17. Тодовьянская О. В. Перспективы исследования феномена жизнестойкости в психологии // *Молодой учёный*. 2021. № 47 (389). С. 65–67.
18. Утенков А. В. Психологические детерминанты развития учебно-профессионального инфантилизма студентов педвуза // *Вестник Московского Университета МВД России*. 2011. № 6. С. 30–34.
19. Чухрова М. Г., Митрофанова О. Е., Филь Т. А. Анализ жизнестойкости в контексте агрессивности личности // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 5 (72). С. 360–364.
20. Bartone P. T., Eid J., Hystad S. W. Training hardiness for stress resilience // *Military psychology: Concepts, trends and interventions*. New Delhi: Sage Publications, 2016. P. 231–248.
21. Judkins J. L., Moore B. A., Collette T. L. Psychological Hardiness [Электронный ресурс] // *The Routledge Research Encyclopedia of Psychology Applied to Everyday Life*. URL: <https://www.taylorfrancis.com> (дата обращения: 10.05.2023).
22. Halata O. S. Educational persistence and hardiness of university students // *The European Journal of Education and Applied Psychology*. 2020. № 1. P. 35–39.
23. Hamre K. V., Einarsen S. V., Hoprekstad Ø. L. Accumulated Long-Term Exposure to Workplace Bullying Impairs Psychological Hardiness: A Five-Year Longitudinal Study among Nurses [Электронный ресурс] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. № 17 (7). URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 10.05.2023).
24. Kowalski C. M., Schermer J. A. Hardiness, Perseverative Cognition, Anxiety, and Health-Related Outcomes: A Case for and Against Psychological Hardiness // *Psychological Reports*. 2019. Vol. 122. № 6. P. 2096–2118.
25. Kulak J. A., Homish D. L., Hoopsick R. Hardiness protects against problematic alcohol use in male, but not female, soldiers [Электронный ресурс] // *Psychological Services*. 2020. Vol. 23. № 1. URL: <https://psycnet.apa.org> (дата обращения: 10.05.2023).
26. Maddi S. R., Matthews M. D., Kelly D. R. The Continuing Role of Hardiness and Grit on Performance and Retention in West Point Cadets // *Military Psychology*. 2017. Vol. 29. № 5. P. 355–358.
27. Nordmo M., Olsen O. K., Hetland J. It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 153. URL: <https://elib.pstu.ru> (дата обращения: 10.05.2023).

REFERENCES

1. Ardel'yanova Ya. A., Saidov B. Sh. [Factors and conditions of infantilization of modern evolution]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2018, no. 4. Available at: <http://teoria-practica.ru> (accessed: 10.05.2023).
2. Bernackij V. O., Mosienko L. I. [The concept of "infantile youth" in the twentieth dialogue of family and society]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Omsk State University], 2019, no. 1, pp. 56–63.
3. Demidenko A. S. [Social infantilism of Russian youth: features of scientific discourse]. In: *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought],

- 2018, vol. 10, no. 3-1. Available at: <http://www.hist-edu.ru> (accessed: 10.05.2023).
4. Evtushenko E. A. [Personality resilience as a psychological phenomenon]. In: *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii* [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology], 2016, no. 1 (58), pp. 72–77.
 5. Efimova G. Z. [Social infantilism of student youth as a factor of counteraction to the modern Russian society]. In: *Naukovedenie* [Science of Science], 2014, no. 6 (25). Available at: <http://naukovedenie.ru> (accessed: 10.05.2023).
 6. Zmievskaia A. A., Kuryshcheva O. V. [Temporary aspects of destandardisation of the life path of a person in the family sphere]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2015, vol. 21, no. 4, pp. 81–85.
 7. Kornilova T. V. [Modern foreign studies of the phenomenon of resilience]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2020, no. 4, pp. 223–230.
 8. Korchagina O. V. [Social and personal infantilism of adolescents with mental retardation as a social factor of adaptation]. In: *Koncept* [Concept], 2016, vol. 20, pp. 39–42.
 9. Nalivajko T. V. [On the issue of understanding the concept of resilience S. Maddi]. In: *Vestnik integrativnoj psihologii: zhurnal dlya psihologov* [Bulletin of integrative psychology: a journal for psychologists], 2006, no. 4, pp. 211–216.
 10. Maddi S. R. [Meaning formation in the decision-making process]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2005, vol. 26, no. 6, pp. 87–101.
 11. Miklyaeva A. V. [Personal infantilism in the discourse of psychological counseling (based on the materials of the Internet forum)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)], 2018, no. 2, pp. 276–290.
 12. Miklyaeva A. V., Klecina I. S. [Personal maturity and infantilism among boys and girls studying in civilian and military universities: gender aspect]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2018, no. 187, pp. 102–111.
 13. Nikitina E. V. [Phenomenon of life resilience: concepts, modern views and research]. In: *Akademia* [Academy], 2017, no. 4 (19), pp. 100–103.
 14. Ovcharova R. V. [Methodology for the study of personality resilience]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University], 2019, no. 2 (53), pp. 59–62.
 15. Pahomova E. A. [Infantilism in the student youth environment as a psychological and pedagogical problem]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2021, no. 2 (146), pp. 113–115.
 16. Temnova L. V., Tezina E. I. [Kidaltling as a social phenomenon]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2018, no. 12, pp. 36–41.
 17. Todovyanskaya O. V. [Prospects for the study of the phenomenon of resilience in psychology]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2021, no. 47 (389), pp. 65–67.
 18. Utenkov A. V. [Psychological determinants of the development of educational and professional infantilism of students of a pedagogical university]. In: *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 6, pp. 30–34.
 19. Chuhrova M. G., Mitrofanova O. E., Fil T. A. [Analysis of hardness in less aggressive personality]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2018, no. 5 (72), pp. 360–364.

20. Bartone P. T., Eid J., Hystad S. W. Training hardiness for stress resilience. In: *Military psychology: Concepts, trends and interventions*. New Delhi, Sage Publications, 2016, pp. 231–248.
21. Judkins J. L., Moore B. A., Collette T. L. Psychological Hardiness. In: *The Routledge Research Encyclopedia of Psychology Applied to Everyday Life*. URL: <https://www.taylorfrancis.com> (accessed: 10.05.2023).
22. Halata O. S. Educational persistence and hardiness of university students. In: *The European Journal of Education and Applied Psychology*, 2020, no. 1, pp. 35–39.
23. Hamre K. V., Einarsen S. V., Hoprekstad Ø. L. Accumulated Long-Term Exposure to Workplace Bullying Impairs Psychological Hardiness: A Five-Year Longitudinal Study among Nurses. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, no. 17 (7). Available at: <https://www.mdpi.com> (accessed: 10.05.2023).
24. Kowalski C. M., Schermer J. A. Hardiness, Perseverative Cognition, Anxiety, and Health-Related Outcomes: A Case for and Against Psychological Hardiness. In: *Psychological Reports*, 2019, vol. 122, no. 6, pp. 2096–2118.
25. Kulak J. A., Homish D. L., Hoopsick R. Hardiness protects against problematic alcohol use in male, but not female, soldiers. In: *Psychological Services*, 2020, vol. 23, no. 1. Available at: <https://psycnet.apa.org> (accessed: 10.05.2023).
26. Maddi S. R., Matthews M. D., Kelly D. R. The Continuing Role of Hardiness and Grit on Performance and Retention in West Point Cadets. In: *Military Psychology*, 2017, vol. 29, no. 5, pp. 355–358.
27. Nordmo M., Olsen O. K., Hetland J. It's been a hard day's night: A diary study on hardiness and reduced sleep quality among naval sailors. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, vol. 153. Available at: <https://elib.pstu.ru> (accessed: 10.05.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Басина Татьяна Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России;
e-mail: tat-basina25@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Basina – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Senior Lecturer of the Department of General and Pedagogical Psychology of the VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: tat-basina25@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Басина Т. А. Взаимосвязь инфантилизма и жизнестойкости курсантов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 40–50.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-40-50

FOR CITATION

Basina T. A. The relationship of infantilism and life resilience of cadets. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 3, pp. 40–50.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-40-50

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-51-64

РЕФЛЕКСИВНО-СМЫСЛОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Андрюшкова Н. П.*Донецкий государственный университет**28300, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24,
Российская Федерация***Аннотация****Цель.** Выявление и анализ рефлексивно-смысловых параметров личностной зрелости.**Процедура и методы.** Проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 277 человек периода средней зрелости в возрасте 25–40 лет. Выборку составили представители сферы образования, медицины, сферы обслуживания и торговли, работники горнодобывающей промышленности. Испытуемые были разделены на две группы в соответствии с критерием личностной зрелости / инфантильности как полярных характеристик. С этой целью использовались методики «Методика диагностики личностной зрелости» (авторы В. А. Руженков, В. В. Руженкова, И. С. Лукьянцева), методика «Уровень инфантилизма» (А. А. Серегина). Для выявления рефлексивно-смысловых параметров личностной зрелости были использованы «Дифференциальный тест рефлексии» (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин), «Опросник рефлексивности» (А. В. Карпов, В. В. Пономарева), методика «Система жизненных смыслов» (В. Ю. Котляков), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьев).**Результаты.** По результатам эмпирического исследования обнаружены различия по многим параметрам рефлексивности и смысловой сферы у лиц с разным уровнем личностной зрелости.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Полученные результаты могут быть использованы с целью более детального анализа личностной зрелости, её параметров и условий актуализации, при построении моделей эмпирического исследования личностной зрелости, а также при разработке коррекционных и тренинговых программ по повышению уровня личностной зрелости, при работе с инфантильностью.**Ключевые слова:** личностная зрелость, развитие, рефлексивность, смысловая сфера, рост, актуализация

REFLEXIVE AND SEMANTIC PARAMETERS OF PERSONAL MATURITY

N. Andryushkova*Donetsk State University**ul. Universitetskaya, 24, 28300, DNR, Donetsk, Russian Federation***Abstract****Aim.** Identification and analysis of reflexive and semantic parameters of personal maturity.**Methodology.** An empirical study was conducted in which 277 people of the middle maturity period aged 25–40 years took part. The sample was made up of representatives of educa-

tion, medicine, service and trade sectors, mining industry workers. The subjects were divided into two groups according to the criterion of personal maturity/infantilism as polar characteristics. For this purpose, the methods "Methods of diagnostics of personal maturity" (authors V. A. Ruzhenkov, V. V. Ruzhenkova, I. S. Lukyantseva), the method "The level of infantilism" (A. A. Seregin) were used. To identify the reflexive-semantic parameters of personal maturity, the "Differential Reflection Test" (D. A. Leontiev, E. N. Osin), "Reflexivity Questionnaire" (A. V. Karpov, V. V. Ponomareva), the "System of Life Meanings" technique (V. Y. Kotlyakov), "Test of life orientations" (D. A. Leontiev).

Results. According to the results of an empirical study, differences in many parameters of reflexivity and semantic sphere were found in individuals with different levels of personal maturity.

Research implications. The obtained results can be used for a more detailed analysis of personal maturity, its parameters and actualization conditions, in the construction of models of empirical research of personal maturity, as well as in the development of correctional and training programs to increase the level of personal maturity, when working with infantilism.

Keywords: personal maturity, development, reflexivity, semantic sphere, growth, actualization

Введение

Личностная зрелость считается одной из социально позитивных и значимых характеристик человека. Большое количество работ посвящено трактовке и определению данного понятия. Проблема личностной зрелости рассматривалась в работах многих отечественных и зарубежных исследователей, осуществлялись попытки определения личностной зрелости как целостного системного феномена и как этапа в психическом развитии человека [6; 16; 17; 19].

На основе систематизации теоретических подходов к изучению проблемы личностной зрелости в нашем исследовании мы исходим из того, что *личностная зрелость – это динамическая система, которая характеризуется функционированием в сторону прогрессивного развития личности, способна к разноуровневым достижениям, может видоизменяться на протяжении всей жизни.*

По нашему мнению, одними из значимых характеристик, которые могут влиять на уровень личностной зрелости,

выступают рефлексивно-смысловые параметры.

Теоретический обзор литературы по проблеме исследования

Важнейшая особенность рефлексии состоит в том, что она даёт личности возможность выйти за пределы выполняемой деятельности или определённых обстоятельств и посмотреть на себя как бы со стороны, с позиции «над», управлять собственной активностью на основе осознания себя и своих действий, их соотношения с требованиями конкретной ситуации. Рефлексия «над деятельностью», «над собой», «над своим положением в социальной среде» – это не только и не столько констатация имеющегося, сколько предпосылка развития личности. Рефлексивные паузы, моменты ухода от ситуации, усилия, направленные на то, чтобы разобраться в себе, выполняют функцию самоанализа, которая, в свою очередь, побуждает к самосовершенствованию. Этим определяется важное значение рефлексии как фактора личностного роста [3].

Рефлексия позволяет занять внешнюю позицию по отношению к себе. Специфика рефлексивных процессов обусловлена способностью человека к осмыслению или переосмыслению собственного опыта, знаниями о себе, чувствами, оценками, мнениями, отношениями и т. д. Таковую рефлексию, связанную с исследованием субъектом самого себя, результатом которой является переосмысление себя и своих отношений с миром, называют личностной (И. И. Семёнов, Ю. М. Степанов) [14].

А. В. Карпов отмечает, что психика тем и уникальна, что в ней (как в системе) заложен механизм, позволяющий преодолевать собственную системную ограниченность, постоянно выходить за свои собственные пределы, делая себя предметом собственного функционирования. Иными словами, в самой организации психики предусмотрен и реализован высший из известных уровней – метасистемный. Рефлексия же – это и есть процессуальное средство реализации этого уровня [3]. Поэтому рефлексия следует считать одной из важнейших метаспособностей, без которой невозможно развитие субъектности и уникальности личности.

По мнению Я. А. Пономарёва, рефлексия обеспечивает переосмысление личностью стереотипов собственного опыта. Благодаря рефлексии человек становится для самого себя объектом управления: рефлексия как «зеркало», отражающая все происходящие в ней изменения, становится основным средством саморазвития, условием и способом личностного роста [2]. Поэтому способность к рефлексии выступает важной характеристикой зрелой личности.

Говоря о рефлексии, следует обозначить важную роль смысла в становлении личностной зрелости. Рефлексивные процессы приводят человека к осмыслению или переосмыслению собственного опыта, себя и своих отношений с миром [1; 12].

Понимание смысла в различных научных школах и направлениях находит выражение в таких понятиях, как «смысл действия, деятельности, поведения», «смысл жизни, существования».

Понятие смысла пришло в психологию с попыток объяснить человеческое поведение, основанное на здоровом смысле и представлениях обыденного сознания. Сущность такой формы объяснения состоит в том, что действия и психические феномены наделялись смыслом благодаря установлению связи с намерением. З. Фрейд объяснял слово «смысл» как значение, намерение, тенденцию и связывал его с ответом на вопрос «Почему?» [16]. А. Адлер соединил поведенческие смыслы со смыслами жизни личности, с её жизненным стилем, жизненным планом, с вопросом «Для чего?». К. Юнг отмечает, что познание смысла жизни становится важным в зрелом возрасте. По его мнению, смысл смысла жизни могут отрицать люди с низкими запросами или не вполне социально приспособленные [8].

К. Обуховский отмечает, что детерминантой развития личности является её постоянная активная, эмоционально окрашенная направленность на решение значимой задачи, которая является смыслом жизни человека. Он считает, что переход на новый уровень развития зависит от того, насколько жизнь связана с достижением значимой цели и смыслом жизни [11].

Как указывает Д. А. Леонтьев, психология личности должна сосредоточить своё внимание на том, какое влияние оказывает смысл жизни или как переживание его отсутствия сказывается на жизни человека, а также на нахождении путей смысла жизни. Он утверждал, что то, что придаёт жизни смысл, может быть связано с будущим (цели), с настоящим (чувство полноты и насыщенности жизни), с прошлым (удовлетворённость итогами прожитой жизни). Учёный отмечал, что смысл жизни проходит определённые этапы становления и, приобретая относительную устойчивость, может оказывать существенное влияние на жизнь и судьбу человека [8].

Путь обретения смысла связывается с более высоким уровнем осознания действительности. В частности, отмечается, что личностный смысл изменяется на протяжении жизни, смещаясь с физиологических потребностей в детском возрасте на другие ценности в более зрелом возрасте [10].

Таким образом, рефлексия и смысловая сфера личности выступают важными параметрами развития и становления личностной зрелости, обеспечивают переход от непосредственных форм деятельности к её опосредованной, сознательной организации и управлению ей. Благодаря рефлексивно-смысловым параметрам человек может объективировать собственные личностные качества и установки, заняв, таким образом, активную, преобразовательную позицию по отношению к себе и собственному поведению.

Методы и процедура исследования

С целью изучения рефлексивно-смысловых параметров личностной зрелости нами было проведено исследование. В исследовании принимали участие респонденты периода средней зрелости (по периодизации Д. Б. Бромлей) в возрасте от 25 до 40 лет. Именно данный возрастной период, по нашему мнению, является сензитивным для воплощения в жизнь своего личностного потенциала, для достижения больших успехов во всех сферах жизни – как в профессиональной, так и в социальной и общественной.

В экспериментальную выборку отбирались испытуемые так, чтобы в ней равномерно были представлены социально-демографические характеристики, соответствующие показателям генеральной совокупности, а также представлены представители разных специальностей (сферы образования, медицины, сферы обслуживания и торговли, работники горнодобывающей промышленности). В исследовании приняли участие 365 человек в возрасте 25–40 лет. Далее нами было принято решение сформировать 2 группы с разными показателями личностной зрелости и инфантильности (как полярных характеристик), в которые вошли 277 человек из общей выборки (табл. 1).

С целью их определения использовались методики:

1. «Методика диагностики личностной зрелости» В. А. Руженкова, В. В. Руженковой, И. С. Лукьянцевой [13].

2. Методика «Уровень инфантилизма» А. А. Серёгина [15].

Фактические материалы, полученные после проведения методик, по-

Таблица 1 / Table 1

Описание выборки исследования / Description of the study sample

Группа 1					
Пол	Возраст			Количество участников	Общее количество
	min	max	ср. знач.		
Работники сферы образования					
Женский	25	40	32	55	71
Мужской	25	40	34	16	
Работники сферы медицины					
Женский	25	40	29	24	33
Мужской	25	40	31	9	
Работники сферы обслуживания и торговли					
Женский	25	40	36	10	25
Мужской	25	40	30	15	
Работники горнодобывающей промышленности					
Женский	25	40	35	3	24
Мужской	25	40	37	21	
Группа 2					
Пол	Возраст			Количество участников	Общее количество
	min	max	ср. знач.		
Работники сферы образования					
Женский	25	40	34	42	48
Мужской	25	40	37	6	
Работники сферы медицины					
Женский	25	40	32	12	14
Мужской	25	40	29	2	
Работники сферы обслуживания и торговли					
Женский	25	40	34	15	27
Мужской	25	40	38	12	
Работники горнодобывающей промышленности					
Женский	25	40	33	1	35
Мужской	25	40	36	34	

Источник: данные автора.

зволили разделить испытуемых на две примерно равные по численности группы. *Группа с высокими показателями личностной зрелости и невыраженной либо слабо выраженной инфантильностью, далее именуемая как группа ВЗ* (в данную группу вошли 153 испытуемых) и группа с низкими показателями личностной зрелости и выраженной инфан-

тильностью, далее именуемая как *группа НЗ* (124 испытуемых). Испытуемые со средней выраженностью личностной зрелости участия в дальнейшем исследовании не принимали.

С целью изучения рефлексивно-смысловых параметров личностной зрелости нами использовались следующие методики:

1. «Дифференциальный тест рефлексии» (ДТР) Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина [7].

2. «Опросник рефлексивности» А. В. Карпова, В. В. Пономаревой [4].

3. «Система жизненных смыслов» (СЖС) В. Ю. Котлякова [5].

4. «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева [9].

Перед началом статистической обработки было установлено, что эмпирическое распределение изучаемых параметров статистически соответствует нормальному распределению (проверка осуществлялась с помощью критерия нормальности Колмогорова-Смирнова). Для подтверждения значимости различий в группах использовался t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Результаты исследования и их анализ

В группах с высоким и низким уровнем личностной зрелости существуют различия на всех уровнях категорий жизненных смыслов (ведущем, нейтральном и игнорируемом). Так, например, для группы с высокой личностной зрелостью ведущими являются *статусные, коммуникативные, семейные смыслы и смыслы самореализации*, в группе с низким уровнем зрелости, также преобладает такая категория, как *коммуникативная*, при этом остальные категории находятся на нейтральном уровне выраженности. *Экзистенциальные* же смыслы занимают категорию игнорируемых. Наравне с *коммуникативными* в группе с низким уровнем личностной зре-

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика и результаты сравнительного анализа показателей категорий жизненных смыслов в группах с высоким и низким уровнем личностной зрелости / Descriptive statistics and the results of comparative analysis of indicators of categories of life meanings in groups with high and low levels of personal maturity

	Группа ВЗ		Группа НЗ		Значение критерия	
	М	σ	М	σ	t	p
Гедонистические	13,03	3,24	12,73	2,98	0,812	0,418
Статусные	6,37	2,43	15,02	3,17	25,732*	0,000
Коммуникативные	7,30	1,98	7,34	3,29	0,119	0,906
Семейные	7,12	2,31	14,06	2,56	23,649*	0,000
Экзистенциальные	13,23	2,92	18,98	2,65	16,955*	0,000
Когнитивные	15,08	2,54	15,16	2,9	0,233	0,816
Альтруистические	13,76	3,3	7	2,6	18,58*	0,000
Самореализации	6,41	2,3	14,49	3,1	24,73*	0,000

Примечание. М – среднее значение, σ – стандартное отклонение, t – значение критерия Стьюдента, p – уровень значимости. Знаком * отмечены статистически значимые показатели

Источник: данные автора.

лости выступают *альтруистические смыслы*.

С помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок нами получены значимые различия между группами по категории *статусного смысла* ($t=25,73$; $p \leq 0,01$), наблюдается высокий уровень выраженности в группе с высоким уровнем личностной зрелости и средний уровень выраженности в группе с низким уровнем личностной зрелости (табл. 2).

Значимые различия выявлены по категории *семейных смыслов* ($t=23,65$; $p \leq 0,01$), которые преобладают у испытуемых с высоким уровнем личностной зрелости и средне выражены в группе с низким уровнем зрелости. *Экзистенциальные смыслы* ($t=16,96$; $p \leq 0,01$) в группе НЗ имеют меньшую значимость и выражены на низком уровне по сравнению с группой ВЗ. *Альтруистические смыслы* ($t=18,58$; $p \leq 0,01$) выражены на высоком уровне в группе НЗ и имеют среднюю выраженность в группе ВЗ. *Смысл самореализации* ($t=24,73$; $p \leq 0,01$) преобладает в группе с высоким уровнем личностной зрелости и выражен в средней степени в группе с низким уровнем зрелости.

Таким образом, для группы с высоким уровнем личностной зрелости на передний план выходят смыслы высокого положения в обществе, реализации своих возможностей и способностей, совершенствования в карьере и взаимоотношениях с окружающими, заботе о родных и близких. В группе с низким уровнем зрелости ведущими являются смыслы, основанные на потребностях в общении с другими людьми, в необходимости чувствовать свою нужность и причастность в жизни людей, заботе о благополучии дру-

гих. При этом игнорируется потребность в ощущении ценности и смысле проживания жизни, важности свободы выбора.

Для более глубоко понимания смысловой сферы испытуемых, в частности определения преобладающих смысловых ориентаций и общей осмысленности жизни, нами была использована методика «Тест смысловых ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева. Субшкалы данной методики являются компонентами общей осмысленности жизни, три из них предполагают соотносённость со временем: «цели в жизни» – с будущим, «процесс жизни» – с настоящим, «результативность жизни» – с прошлым, – а две другие шкалы характеризуют локус контроля (табл. 3).

В группе с высоким уровнем личностной зрелости преобладающей является *цель в жизни*, по остальным шкалам получены средние значения. В группе испытуемых с низким уровнем личностной зрелости отсутствуют шкалы с высокими значениями, не выраженными являются *процесс жизни*, *локус контроля-жизнь*.

Сравнительный анализ результатов групп позволяет отметить, что различия значимы по всем субшкалам, за исключением *локус контроля-Я*, имеющего средние значения в обеих группах. Следовательно, для групп и с высоким, и с низким уровнем личностной зрелости характерно представление о себе как о достаточно сильной личности.

Показатель *цели в жизни* преобладает в группе с высоким уровнем личностной зрелости ($t=4,65$; $p \leq 0,01$). Данная субшкала отражает целеполагание, наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, ко-

Таблица 3 / Table 3

Описательная статистика и результаты сравнительного анализа показателей смысловых ориентаций в группах с высоким и низким уровнем личностной зрелости / Descriptive statistics and results of comparative analysis of indicators of life-meaning orientations in groups with high and low levels of personal maturity

Шкалы	Группа ВЗ		Группа НЗ		Значение критерия	
	М	Σ	М	σ	t	p
Цели в жизни	30,35	7,87	26,58	4,91	4,65*	0,000
Процесс жизни	27,59	5,47	18,14	7,57	12,04*	0,000
Результат жизни	21,77	4,54	20,7	4,92	1,83	0,067
Локус контроля-Я	17,35	4,35	16,88	3,68	0,93	0,351
Локус контроля-Жизнь	23,06	3,28	18,61	4,19	11,31*	0,000
Осмысленность жизни	120,11	15,95	100,91	10,95	13,04*	0,000

Примечание. М – среднее значение, σ – стандартное отклонение, t – значение критерия Стьюдента, p – уровень значимости. Знаком * отмечены статистически значимые показатели.

Источник: данные автора.

которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Таким образом, для данной группы характерна направленность на будущее, что выступает своего рода «источником» смысла жизни.

Субшкала *процесс жизни* также в большей степени выражена в группе ВЗ ($t=12,04$; $p \leq 0,01$), в группе НЗ она имеет низкую выраженность, что может указывать на неудовлетворённость своей жизнью в настоящем.

Локус контроля-Жизнь имеет низкую выраженность в группе НЗ ($t=11,31$; $p \leq 0,01$), т. е. испытуемым с низким уровнем зрелости свойственна убеждённость в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

В целом уровень общей осмысленности жизни высокий в группе с высоким уровнем зрелости и средний в группе с низким уровнем зрелости ($t=5,81$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, для испытуемых группы с низким уровнем личностной зрелости характерным является неудовлетворённость своей жизнью в настоящем и убеждённость, что жизнь неподвластна контролю. В группе с высоким уровнем личностной зрелости наблюдается направленность на цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу.

Далее нами использовалась методика «Дифференциальный тест рефлексии» (ДТР) (Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин). Авторы методики рассматривают различные виды рефлексии как три качественно разных процесса – (1) интроспекция, связанная с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях; (2) системная рефлексия, связанная с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны; (3) квазирефлексия, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации, и связанная с отрывом от

актуальной ситуации, – что позволяет выделить продуктивные и непродуктивные виды рефлексии. Рассмотрим полученные результаты (табл. 4).

В группе с высоким уровнем личностной зрелости средние значения получены по всем видам рефлексии; в группе с низким уровнем зрелости на границе среднего и высокого уровня находятся *квазирефлексия* и *интроспекция*, которые относятся к непродуктивным формам рефлексии. *Системная* рефлексия, относящаяся к продуктивным, имеет в группе НЗ низкую выраженность.

По показателям *системной рефлексии* различия между группами являются значимыми ($t=6,93$; $p \leq 0,01$). Для группы испытуемых с высокой личностной зрелостью более характерной является способность к самодистанцированию и видению себя и ситуации со стороны. Среднее значение показателей системной рефлексии в группе НЗ соответствуют низкому уровню, что означает, что у испытуемых недостаточно развиты способности взгляда на

себя со стороны и охвата одновременно полюса субъекта и полюса объекта.

Получены также значимые различия по показателям *интроспекции*, т. е. по анализу собственных чувств, переживаний, самоанализу ($t=13,65$; $p \leq 0,01$), которая преобладает в группе испытуемых с низким уровнем личностной зрелости.

Отметим, что значимых различий не получено по шкале *квазирефлексии*, средние значения показателей которой в обеих группах соответствуют нижней границе среднего уровня. Это означает, что испытуемым в целом не свойственно уходить в беспочвенные фантазии и размышлять на отвлечённые темы, о посторонних объектах, которые могут быть не актуальными для данной жизненной ситуации.

Можно говорить о том, что *квазирефлексия* и *интроспекция* могут выступать в роли защитных механизмов, которые помогают уйти от решения какой-либо жизненной проблемы либо в фантазийный (*квазирефлексию*), либо в собственный внутренний мир (*ин-*

Таблица 4 / Table 4

Описательная статистика и результаты сравнительного анализа показателей типов рефлексии (по методике ДТР Д. А. Леонтьева) в группах с высоким и низким уровнем личностной зрелости / Descriptive statistics and results of comparative analysis of indicators of types of reflection (according to D. A. Leontiev's differential reflexion methodology) in groups with high and low levels of personal maturity

Шкалы	Группа ВЗ		Группа НЗ		Значение критерия	
	М	σ	М	σ	T	p
Системная рефлексия	36,81	4,71	33,07	4,13	6,93 *	0,000
Квазирефлексия	30,77	4,04	31,60	3,68	1,76	0,080
Интроспекция	24,26	4,35	31,02	3,76	13,65 *	0,000

Примечание. М – среднее значение, σ – стандартное отклонение, t – значение критерия Стьюдента, p – уровень значимости. Знаком * отмечены статистически значимые показатели.

Источник: данные автора.

троспекцию). Данные типы рефлексии (определяющиеся как непродуктивные) диагностированы у испытуемых обеих групп, однако в группе с высокой личностной зрелостью системная рефлексия выступает всё же ведущей.

С целью измерения общей степени развития рефлексивности, а также определения преобладающего типа рефлексии по «временному» принципу нами был использован «Опросник рефлексивности» (А. В. Карпов, В. В. Пономарева).

Как видно из таблицы 4, в группе ВЗ выраженной на высоком уровне является *проспективная рефлексия*. Данный тип рефлексии соотносится с временной перспективой, анализом предстоящей деятельности, её планированием и прогнозированием возможных её исходов. Остальные типы рефлексии имеют среднюю выраженность в обеих группах, следовательно, для испытуемых как с высокой, так и с низкой личностной зрелостью характерен анализ произошедших в прошлом событий и их результатов, а также событий, происходящих в настоящем. Показатели *рефлексии общения* указывают на осознание того, как к личности относятся и как оценивают и воспринимают её другие.

Между показателями групп обнаружены значимые различия по шкале *проспективной рефлексии* ($t=11,03$; $p \leq 0,01$) и *общему уровню рефлексивности* ($t=5,59$; $p \leq 0,01$) (суммарный показатель по шкалам опросника, обобщающий различные виды рефлексии в её процессуальном статусе и рефлексировании как особом психическом состоянии у испытуемых). Более высокий показатель общей рефлексивности у группы с высоким уровнем личностной зрелости.

Заключение

По результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что высокие показатели рефлексивно-смысловых характеристик (осмысленность жизни, статусные смыслы и смыслы самореализации, системная рефлексия, проспективная рефлексия, целеполагание) выступают необходимым условием для достижения высокого уровня личностной зрелости; напротив, непродуктивные формы рефлексии, отказ от экзистенциальных жизненных смыслов, приводят к низкому уровню личностной зрелости.

Сравнительный анализ полученных данных в группе лиц с высоким и низким уровнем личностной зрелости свидетельствует о существовании определённых групповых особенностей рефлексивно-смысловых параметров, которые проявляются как в количественном, так и в качественном плане.

1. Исследование рефлексивных параметров личностной зрелости выявило, что квазирефлексия и интроспекция могут выступать в роли неких защитных механизмов, которые помогают уйти от решения какой-либо жизненной проблемы либо в фантазийный (квазирефлексию), либо в собственный внутренний мир (интроспекцию). Данные типы рефлексии (определяющиеся как непродуктивные) диагностированы у испытуемых обеих групп, однако в группе с высокой личностной зрелостью системная рефлексия выступает всё же ведущей. Для лиц с высоким показателем личностной зрелости характерны более высокий уровень общей рефлексивности и преобладание продуктивной её формы, системной рефлексии – именно она

позволяет видеть ситуацию целиком, включая как полюс субъекта, так и полюс объекта, а также альтернативные возможности.

2. Анализ смысловой сферы как одного из важных параметров личностной зрелости показал, что лица с высокими показателями личностной зрелости имеют высокий уровень осмысленности жизни. При этом преобладающими выступают категории смыслов, связанные с самореализацией, повышением статуса, построением карьеры, продуктивными взаимоотношениями и семейным благополучием. Постановка жизненных целей отвечает потребности структурировать и упорядочивать своё будущее, влиять на него, чувствовать определённую свободу в его выборе. Целеполагание выступает значимым «источником» осмысленности жизни, её наполненности и временной перспективы. При низком уровне личностной зрелости, при средне-нормативном уровне осмысленности (восприятие своей жизни как имеющей смысл), прослеживается неудовлетворённость жизнью в настоящем и убеждённость в том, что человеку не дано контролировать свою жизнь. Ведущими смысловыми катего-

риями для данной группы являются общение и помощь другим людям, необходимость чувствовать свою нужность и причастность к их жизни.

Таким образом, высокие показатели рефлексивно-смысловых характеристик (осмысленность жизни, статусные смыслы и смыслы самореализации, системная рефлексия, перспективная рефлексия, целеполагание) будут выступать необходимым условием для достижения высокого уровня личностной зрелости; напротив, непродуктивные формы рефлексии, отказ от экзистенциальных жизненных смыслов будут приводить к низкому уровню личностной зрелости.

Полученные результаты могут быть использованы с целью более детального анализа личностной зрелости, выявления условий её актуализации, при построении моделей теоретического и эмпирического исследования, а также при разработке развивающих программ по повышению уровня личностной зрелости и коррекционных при работе с инфантильностью, по средствам работы с рефлексивно-смысловыми параметрами.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Двоеглазова М. Ю. Смысл жизни как детерминанта проявления социальной сущности личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 308–312.
2. Деева Н. А. Рефлексивные механизмы переживания: роль в жизнедеятельности человека и методика исследования. Общество и право // Актуальные вопросы психологии и педагогики. 2015. № 1 (51). С. 275–280.
3. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
4. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика её диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
5. Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. № 2 (54). С. 148–153.

6. Кузнецова Д. А. Определение понятия и структуры личностной зрелости // *Личность и общество*. 2020. № 3. С. 9–13.
7. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.
9. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2006. 290 с.
10. Мельничук І. Я., Мельничук С. К. Особливості сприймання сенсу життя на різних етапах онтогенезу // *Наукові записки. Серія: Педагогічні науки*. 2021. № 192. С. 111–116.
11. Обуховский К. Психология человеческих влечений. М.: Прогресс, 1971. 238 с.
12. Прусакова М. А. Смысловое содержание инновационного потенциала личности во временной перспективе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 356–359.
13. Руженков В. А. Методика диагностики личностной зрелости // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация*. 2016. № 26 (247). С. 65–70.
14. Семенов И. Н. Психология рефлексии в научном творчестве С. Л. Рубинштейна // *Психологический журнал*. 1989. Т. 10. № 4. С. 67–74.
15. Серегина А. А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодёжи: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 250 с.
16. Фрейд С. О клиническом самоанализе. Избранные сочинения / пер. с нем. Ю. М. Матусевича. М.: Медицина, 1991. 288 с.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности / пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 608 с.
18. Krasnova E. V. Specific features of students personal maturity and personal immaturity depending on their social status [Электронный ресурс] // *INTED2017: 11th International Technology, Education and Development Conference, Valencia, Spain, 6–8 March, 2017*. URL: <https://library.iated.org/publications/INTED2017> (дата обращения: 11.09.2023).
19. Rashchupkina Y., Tushnova Y., Alasaad D. Features of procedural characteristics of life elections of young people depending on types of personal maturity/immaturity // *SHS Web of Conferences*. EDP Sciences. 2019. Vol. 70. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles> (дата обращения: 11.09.2023).

REFERENCES

1. Dvoeglazova M. Yu. [The meaning of life as a determinant of the manifestation of the social essence of the individual]. In: *Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2021, vol. 10, no. 4 (37), pp. 308–312.
2. Deeva N. A. [Reflexive mechanisms of experience: role in human life and research methods. Society and law]. In: *Aktual'nye voprosy psihologii i pedagogiki* [Current issues in psychology and pedagogy], 2015, no. 1 (51), pp. 275–280.
3. Karpov A. V. *Psihologiya refleksivnyh mekhanizmov deyatel'nosti* [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 424 p.
4. Karpov A. V. [Reflexivity as a mental property and methods of its diagnosis]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2003, vol. 24, no. 5, pp. 45–57.

5. Kotlyakov V. Yu. [Methodology “System of Life Meanings”]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2013, vol. 1, no. 2 (54), pp. 148–153.
6. Kuznecova D. A. [Definition of the concept and structure of personal maturity]. In: *Lichnost' i obshchestvo* [Personality and society], 2020, no. 3, pp. 9–13.
7. Leont'ev D. A., Osin E. N. [Reflection “good” and “bad”: from an explanatory model to differential diagnosis]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 4, pp. 110–135.
8. Leont'ev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p.
9. Leont'ev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientacij* [Test of life-meaning orientations]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 290 p.
10. Mel'nichuk I. Ya., Mel'nichuk S. K. [Peculiarities of capturing the sense of life at various stages of ontogenesis]. In: *Naukovi zapiski. Seriya: Pedagogichni nauki* [Scientific Notes. Series: Pedagogical sciences], 2021, no. 192, pp. 111–116.
11. Obuhovskij K. *Psihologiya chelovecheskih vlechenij* [Psychology of human desires]. Moscow, Progress Publ., 1971. 238 p.
12. Prusakova M. A. [The semantic content of the innovative potential of the individual in a time perspective]. In: *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2021, vol. 10, no. 4 (37), pp. 356–359.
13. Ruzhenkov V. A. [Methodology for diagnosing personal maturity]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Medicina. Farmaciya* [Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacy], 2016, no. 26 (247), pp. 65–70.
14. Semenov I. N. [Psychology of reflection in the scientific work of S. L. Rubinstein]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1989, vol. 10, no. 4, pp. 67–74.
15. Seregina A. A. *Social'no-psihologicheskie usloviya preodoleniya infantilizma u bezrabotnoj molodyozhi: dis. ... kand. psihol. nauk* [Social and psychological conditions for overcoming infantilism among unemployed youth: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2006. 250 p.
16. Freud Z. *Selbstbeobachtung* (Rus. ed.: Matusevich Yu. M., transl. *O klinicheskom samoanalize*. Izbrannye sochineniya. Moscow, Medicina Publ., 1991. 288 p.).
17. Hjelle L., Ziegler D. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications* (Rus. ed. *Teorii lichnosti*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 608 p.).
18. Krasnova E. V. Specific features of students personal maturity and personal immaturity depending on their social status. In: *INTED2017: 11th International Technology, Education and Development Conference, Valencia, Spain, 6–8 March, 2017*. Available at: <https://library.iated.org/publications/INTED2017> (accessed: 11.09.2023).
19. Rashchupkina Y., Tushnova Y., Alasaad D. Features of procedural characteristics of life elections of young people depending on types of personal maturity/immaturity. In: *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*, 2019, vol. 70. Available at: <https://www.shs-conferences.org/articles> (accessed: 11.09.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрюшкова Надежда Петровна – старший преподаватель кафедры психологии Донецкого государственного университета;

e-mail: andruchkova@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-7531-1098

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda P. Andryushkova – Senior Lecturer at the Department of Psychology of Donetsk State University;

e-mail: andruchkova@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-7531-1098

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Андрюшкова Н. П. Рефлексивно-смысловые параметры личностной зрелости // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 51–64.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-51-64

FOR CITATION

Andryushkova N. P. Reflexive and semantic parameters of personal maturity. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 3, pp. 51–64.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-51-64

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

УДК159.9.072

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81

ИСТОРИЯ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Бегунова Л. А.

*Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить психологическое содержание интереса к изучению семьи в раннем юношеском возрасте.

Процедура и методы. Исследование проведено с помощью специально разработанной и апробированной анкеты, направленной на выявление отношения респондентов к мотивам составления родословной.

Результаты. В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи. Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи. Девушки с большей осторожностью, чем юноши, относятся к расширению границ семьи, что, вероятно, можно объяснить более сформированными у девушек представлениями о ролевом поведении в семье, а также об ответственности за близкий круг семейного окружения.

Теоретическая и/или практическая значимость изучения истории семьи может выступать средством личностного развития в воспитательном и педагогическом плане.

Ключевые слова: история семьи, мировоззрение, ответственность, самоидентификация, юношеский возраст

FAMILY HISTORY IN THE SYSTEM OF PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF WORLD VIEW IN YOUTH

L. Begunova

*Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research
ul. Mokhovaya, 125009, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the psychological content of interest in the study of the family in early adolescence.

Methodology. The study was conducted with the help of a specially designed and tested questionnaire aimed at identifying the attitude of respondents to the motives for compiling a pedigree.

Results. In early adolescence, interest in family history has a well-defined structure, the main components of which are self-identification, knowledge of family history, responsibility for loved ones and the desire to maintain a positive family image. Differences were obtained between boys and girls by the factor of responsibility for family members. Girls are more cautious than boys about expanding family boundaries, which can presumably be explained by girls' more developed ideas about role behavior in the family and responsibility for the close circle of the family environment.

Research implications the study of family history can be a significant means of personal development in the educational and pedagogical terms.

Keywords: family history, worldview, responsibility, self-identification, adolescence

Введение

*История – это фонарь будущего,
который светит нам из прошлого.*

В. О. Ключевский

Становление личности традиционно в отечественной психологии относят к окончанию старшего школьного возраста, к началу трудовой деятельности и достижению человеком гражданской зрелости [2]. Формирование внутренней позиции взрослого человека через обращение к будущему выступает, по мнению Л. И. Божович, принципиальным отличием старших школьников от подростков. Старшие подростки не только смотрят на настоящее с позиции будущего, но и прошлое познают с позиции будущего [2]. В рамках постнеклассической смысловой теории мышления самоидентификация лич-

ности рассматривается через трансспективный анализ, когда представление человека о себе, осознание им своего настоящего включает представления о прошлом и будущем [10; 11]. Процесс осознания своего прошлого, настоящего и будущего лежит в основе развития личности. Представление о прошлом начинает формироваться у детей с самого раннего возраста, дети учатся понимать, что событие относится к прошлому, настоящему или будущему в период с 2 до 3 лет [18], т. е. с развитием памяти у ребёнка формируется и представление о прошлом. У молодого человека представление о своём прошлом недостаточно ёмкое, поэтому знание истории семьи, интерес к своим корням и предкам расширяет субъективное пространство личного прошлого. Обращение к прошлому

личности является традиционным методом психотерапевтических практик, оно позволяет человеку расширить его субъективное пространство и стать отправной точкой для саморазвития.

Согласно теории семейных систем М. Боуэна, достаточный уровень дифференциации личности, того, «насколько человек может оставаться самим собой и одновременно быть включённым в отношения с другими людьми», невозможно сформировать в рамках одного поколения семьи [4; 12]. Обращение к прошлому в юношеском возрасте, также как и обращение к будущему, влияет на представление о себе и формирует личностные смыслы, является элементом системообразующей карты мира, определяющей стремление стать гражданином. Интерес к истории семьи представляется нам важным для юношества. Переживания индивида в процессе получения знаний об истории своей семьи влияют на содержание процесса идентификации человека как на индивидуальном уровне (микро), так и на среднем (малая социальная группа), макро- (большие социальные группы – раса, этнос, гендер, религиозная общность, класс) и мега- (культура, страна, цивилизация) уровне [7].

Познание старшими подростками истории своей семьи представляется нам, исходя из принципа единства переживания и знания, в качестве одного из процессов самоидентификации, оно служит инструментом повышения функционального уровня дифференциации личности (в рамках теории семейных систем М. Боуэна) с целью осознания многомерного пространства жизни, когда представление молодых людей о прошлом, настоящем и

будущем синхронизирует их представление об индивидуальном, семейном и историческом времени и формирует мировоззрение [3; 6; 11; 12; 16; 19].

В нашем исследовании мы попытались определить, в какой мере интерес к истории семьи актуален для старших подростков, когда в основном завершается процесс психического развития и на основе полученных знаний открываются бесконечные варианты личностного роста. Неразрывно с формированием научного мировоззрения идёт процесс становления представления человека о самом себе. Роли семьи и семейной истории в развитии личности, в формировании идентичности человека посвящено множество исследований [5; 6; 13; 15; 17; 19]. Любая психотерапевтическая практика не может обойтись без обращения индивида к прошлому, которое входит в систему его представлений о будущем, и самоощущения в текущем жизненном периоде. При всей очевидности данного факта отмечается «дефицит количественных психологических исследований, которые статистически достоверно определяли бы специфику передачи трансгенерационной травмы среди российского населения, ... противоречие между значимостью и развитием психологической практики работы с семейной историей и дефицитом объективных научных исследований ... влияния межпоколенной трансляции на развитие и становление личности» [1].

Наше исследование посвящено проверке гипотезы о том, что в раннем юношеском возрасте отношение к истории семьи имеет определённую структуру и выступает значимым компонентом мировоззрения.

Исследование проведено с помощью специально разработанной сотрудниками Лаборатории научных основ детской практической психологии ФГБНУ «Психологический институт РАО» (А. Д. Андреева, Л. А. Бегунова) анкеты с названием «История моей семьи». Апробация анкеты проведена на выборке из 38 человек, проживающих в г. Москве, в возрасте от 16 до 24 лет. Среди них: учащиеся 11 классов (20 человек), студенты 1 курса педагогического колледжа (12 человек) и историки-генеалоги (6 человек). В результате апробации была изменена шкала ответов с 2-балльной («согласен» – «не согласен») на 5-балльную шкалу Р. Ликерта: «полностью согласен» – 5 баллов, «частично согласен» – 4 балла, «трудно сказать» – 3 балла, «частично не согласен» – 2 балла, «полностью не согласен» – 1 балл. Анкета состоит из 15 вопросов, направленных на выявление отношения респондентов к особенностям составления родословной: получение информации о предках (работа, увлечения, судьба в годы исторических потрясений), проверка семейных легенд, поиск родственников, информация о наследственных заболеваниях.

Выборку исследования составили 379 учащихся в возрасте от 16 до 19 лет (средний возраст 16,9 лет, 233 девушки, 146 юношей), обучающихся в 10–11 классах (201 человек) и на 1–2 курсах колледжей (178 человек) г. Москвы и Московской области (224 человека), гг. Орска и Челябинска (155 человек).

Информированное согласие на участие в исследовании было получено от всех респондентов.

Анкета «История моей семьи» может использоваться как в индивидуальном,

так и в групповом анкетировании. В нашем случае проведено групповое анкетирование педагогами-психологами образовательных учреждений.

Психометрические характеристики анкеты, обработка результатов с помощью методов описательной статистики, метода парных корреляций, эксплораторного факторного и дисперсионного анализа проведена по данным 5-балльной шкалы ответов. В рамках исследовательских задач качественная обработка результатов анкеты (частотный анализ) проведена по 3-балльной шкале, в которой были объединены ответы «согласен» и «частично согласен» – 3 балла, «не согласен» и «частично не согласен» – 1 балл, ответ «трудно сказать» – 2 балла.

Обработка результатов проведена с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics Version 25.

Результаты

Исследование структуры содержания интереса старших подростков к истории семьи проведено с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Варимакс). Мы получили достоверные показатели по критериям использования факторного анализа для наших эмпирических данных: проверка на многомерную нормальность по критерию сферичности Бартлетта (1522,785, ст. св. 105, $p=0,000$) и по коэффициенту адекватности применения факторного анализа Кайзера-Мейера-Олкина ($KMO=0,839$). На основании анализа графика собственных значений (анализ главных компонент), в котором показана зависимость «собственных значений» (значения дисперсий ответов на вопросы) от их

номеров в порядке выделения из набора данных, где «основными компонентами» выступают линейные комбинации

исходных переменных (вопросы анкеты), были рассмотрены модели от 2 до 5 факторов (рис. 1).

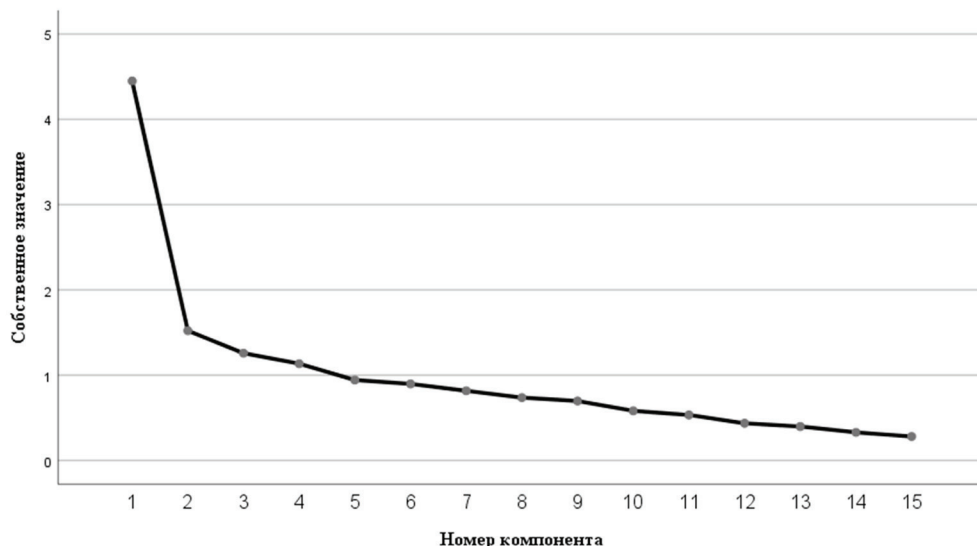

Рис. 1 / Fig. 1. График собственных значений / Eigenvalues plot

Источник: данные автора.

Результат анализа содержания групп вопросов, вошедших в факторы, и показатель кумулятивной дисперсии (55,733%) позволили нам выбрать 4-х факторную модель анкеты, показывающую структуру интереса молодых людей к теме изучения семьи (табл. 1). Выделенные факторы обозначены нами как «Самоидентификация» (1-й фактор, 25,53% дисперсии), «Реальные знания истории семьи» (2-й фактор, 10,99% дисперсии), «Ответственность за членов семьи» (3-й фактор, 9,64% дисперсии), «Позитивный образ семьи» (4-й фактор, 9,25% дисперсии).

Результаты факторных нагрузок вопросов анкеты представлены в таблице 1, значимые корреляционные связи получены по всем 15 вопросам анкеты.

Первый фактор «Самоидентификация» включил в себя 7 вопросов на готовность респондентов к активным действиям по изучению семейной истории с целью расширения границ самопознания. Наиболее значимыми темами для молодых людей при изучении истории семьи явились следующие:

- узнать, кем работали их предки (80,7% респондентов согласились с этим утверждением);
- узнать, какими способностями и талантами обладали предки (83,1% респондентов согласились с этим утверждением);
- принять участие в расследовании истории семьи, узнать судьбу пропавших людей (78,9% респондентов согласились с этим утверждением);

Таблица 1 / Table 1

Повёрнутая матрица компонентов / Rotated Component Matrix

Вопросы анкеты	Факторы			
	1	2	3	4
Вопрос 8: «Мне интересно, чем занимались, кем работали мои дальние предки?»	,834			
Вопрос 7: «Мне интересно, какими способностями или талантами обладали мои предки?»	,814			
Вопрос 9: «Что известно о членах семьи, пропавших без вести в годы исторических потрясений (революции, войны, социальные и национальные конфликты)?»	,750			
Вопрос 4: «Хочу ли я проверить семейные истории и предания?»	,716			
Вопрос 1: «Задумываюсь ли я об истории семьи?»	,674			
Вопрос 5: «Хочу ли я больше узнать о своих национальных корнях?»	,644			
Вопрос 10: «Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?»	,620			
Вопрос 3: «Сейчас модно составлять свою родословную?»		,737		
Вопрос 2: «Я уже много знаю о своей родословной?»		,575		
Вопрос 15: «Кем Вам приходится самые дальние предки, о которых вам хотя бы что-то известно?»		-,467		,405
Вопрос 14: «Хочу ли я принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?»			,750	
Вопрос 13: «Моя сегодняшняя семья для меня важнее, чем неведомые предки?»			,707	
Вопрос 6: «Считаю ли я, что необходимо знать о рисках наследственных заболеваний?»			,419	
Вопрос 11: «[Если получен ответ «да» на вопрос 10: «Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?». Да, вдруг меня ждёт большое наследство?»				,695
Вопрос 12: «Боюсь ли я получить неприятную для себя информацию о прошлом своей семьи?»				,665
Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. ^а				
а. Вращение сошлось за 5 итераций.				

Источник: данные автора.

– узнать семейные тайны и легенды (62,5% респондентов согласились с этим утверждением);

– узнать больше о своих национальных корнях (82,6% респондентов согласились с этим утверждением);

– найти родственников, с которыми потеряны семейные связи (49,1% респондентов согласились с этим утверждением).

Большинство наших респондентов (78,1%) ответили, что они уже задумались над темой семейной истории. Сравнивая наши данные с результатами социологического опроса, проведённого исследовательским холдингом «Ромир» в мае 2017 г. на выборке жителей России от 18 лет, в котором 48% респондентов подтвердили желание узнать историю своей семьи¹, мы можем отметить тенденцию, что интерес к истории семьи может быть выше в группе старших подростков.

Второй фактор «Реальные знания истории семьи» содержит сведения об отношении к составлению родословной: считают ли молодые люди это модным трендом, обладают ли они знаниями об истории семьи и до какой глубины предков, о которых им хоть что-то известно. Чуть больше половины наших респондентов (54,4%) не согласились с вопросом, что интерес к составлению родословной обусловлен модной тенденцией, 61,2% респондентов нашей выборки ответили утвердительно на вопрос о том, что они уже многое знают о своей родословной.

Треть респондентов (30,9%) ответили, что у них есть сведения о предках

глубже 4-го поколения (от прадедов), 40,6% знают своих предков до уровня прадедушек и прабабушек, 8,7% – до дедушек и бабушек, а 19,5% наших респондентов отметили, что у них есть сведения только о родителях. Характер распределения респондентов по степени осведомлённости о предках не противоречит данным исследования, опубликованного в 2008 г., в котором обнаружено, что 32% респондентов были осведомлены о поколениях прапрабабушек, 7% респондентов знают членов своей семьи только до 3-х поколений (до бабушек), 52% респондентов – до своих прабабушек и прадедушек [15].

Таким образом, фактически за 15 лет процент респондентов, знающих своих предков от 4-го поколения и глубже, сохранился в пределах трети выборки. В исследовании, проведённом на подростках 14–16 лет, опубликованном в 2014 г., также обнаружено, что 31,25% респондентов были заинтересованы в контактах с членами семьи 3-го и 4-го поколений, они хотят изучать историю семьи [3]. Результаты социологического исследования интереса школьников 13–17 лет России от 2018 г. показали, что треть респондентов (33%) имеют устойчивый интерес к истории страны [14]. С осторожностью сопоставляя результаты независимых исследований изучения интереса к истории семьи и страны, мы можем отметить тенденцию взаимосвязи интереса к истории семьи и интереса к изучению предмета истории, который устойчиво проявляется у трети респондентов различных выборок. Более того, понять судьбу своих предков без контекста исторических событий, при которых они жили, не-

¹ Недюк М. Известия – не помнящие родства [Электронный ресурс]. URL: <https://romir.ru/press/izvestiya---ne-pomnyashchie-rodstva> (дата обращения: 02.12.2022).

возможно. Интерес к изучению истории личной семьи, на наш взгляд, может выступать в качестве предиктора интереса к исторической науке и формирования научного подхода в оценке событий из жизни своих предков и страны в целом.

Отрицательную корреляцию факторной нагрузки вопроса о реальном знании родословной мы также объясняем тем, что конкретные сведения о предках в семье от 4-го поколения и глубже имеют не более трети респондентов.

Вопросы *3-го фактора* «Ответственность за членов семьи» отражают готовность молодых людей принимать ответственность за возможные проблемы именно ныне живущих родственников. Более половины наших респондентов (54,6%) согласились с тем, что они не хотят принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, контакты с которыми в семье не поддерживаются. В то же время 73,3% молодых людей нашей выборки ответили, что им важны близкие для них члены семьи.

Важность знания риска наследственных заболеваний отметили 82,3% молодых людей, что, на наш взгляд, выступает индикатором ответственного отношения как к своему здоровью и здоровью ныне живущих родственников, так и в отношении здоровья будущих поколений. Таким образом, ответы респондентов показывают, что для большинства старших подростков важно благополучие близких членов семьи, а тема здоровья представляется одним из элементов ощущения психологического благополучия семьи.

Достоверные различия по этому фактору получены между юношами и девушками. В ходе дальнейшего анализа результатов мы более подробно остановимся на причинах данного феномена.

Вопросы *4-го фактора* «Позитивный образ семьи» содержат сведения об интересе молодых людей к истории своих предков и могут свидетельствовать о возможной межпоколенной травме, связанной со страхом получить неприятную информацию о предках, с угрозами самоидентификации, что в итоге проявляется в сопротивлении к изучению семейной истории. Обнаружено, что 34,8% респондентов боятся раскрытия неприятной информации о прошлом семьи, 21,1% респондентов частично согласны с ними, но 44,1% респондентов дали противоположные ответы, демонстрируя готовность к вероятности получить негативные сведения о предках. Таким образом, можно отметить, что более чем у половины молодых людей нашей выборки (55,9%) имеются в разной степени выраженности страх получения негативной информации о прошлом семьи и отказ от собственной идентификации с прародителями. Мы получили достоверные различия между этими группами респондентов по критерию Стьюдента ($t=2,38$, $p=0,05$).

Меркантильное любопытство (изучить родословную с целью получения наследства) к семейной истории отмечено только у трети респондентов (31,9%).

Вопрос «Кем Вам приходятся самые дальние предки, о которых Вам хотя бы что-то известно?» изначально не был включён ни в один из факторов, и это решение оправдалось: фактор-

ные нагрузки этого вопроса невысокие (-0,467 и 0,465). Тем не менее мы видим, что боязнь получить негативную информацию о прошлом семьи не снижает интереса к её истории.

В данной работе мы получили парные корреляционные связи по коэффициенту Пирсона на уровне значимости $p=0,05$ между вопросами о страхе получения негативной информации, нежелании быть ответственными за проблемы дальних родственников и вопросами о реальных знаниях о предках (табл. 2). Отрицательная кор-

реляционная связь между вопросами № 2 и 14 свидетельствует, что молодые люди, которые уже много знают о своей родословной, меньше опасаются, что им придётся решать возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, а положительная корреляция между опасениями получить неприятную информацию и неготовностью отвечать за проблемы дальних родственников показывает сопротивление к получению сведений об истории семьи. Таким образом, эти результаты близки к данным, полученным в

Таблица 2 / Table 2

Матрица парных корреляций между реальными знаниями о предках и страхом получить негативную информацию (вопросы 2, 12, 14 и 15) / Matrix of pair correlations between real knowledge about ancestors and fear of receiving negative information (questions 2, 12, 14 and 15)

Вопросы		2	15	12	14
2. Я уже много знаю о своей родословной?	Корреляция Пирсона	1	-0,079	0,086	-,101*
	Знач. (двухсторонняя)		0,124	0,093	0,049
	N	379	379	379	379
15. Кем Вам приходится самые дальние предки, о которых Вам хотя бы что-то известно?	Корреляция Пирсона	-0,079	1	0,010	-0,009
	Знач. (двухсторонняя)	0,124		0,849	0,862
	N	379	379	379	379
12. Боюсь ли я получить неприятную для себя информацию о прошлом своей семьи?	Корреляция Пирсона	0,086	0,010	1	,123*
	Знач. (двухсторонняя)	0,093	0,849		0,017
	N	379	379	379	379
14. Я не хочу принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?	Корреляция Пирсона	-,101*	-0,009	,123*	1
	Знач. (двухсторонняя)	0,049	0,862	0,017	
	N	379	379	379	379
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).					

Источник: данные автора.

исследовании взаимосвязи истории семьи и психологического благополучия, в том, «что подростки из группы с высокими показателями психологического благополучия знают семейную историю и проявляют интерес к ней. В группе с низкими показателями психологического благополучия знание семейной истории носит фрагментар-

ный, случайный характер, а отношение к ней чаще безразличное» [3].

По всем выделенным факторам анкеты было получено нормальное распределение (табл. 3).

Результаты описательной статистики по всей выборке и подвыборок юношей и девушек по выделенным факторам представлены в таблице 4.

Таблица 3 / Table 3

Критерии нормального распределения / Normal Distribution Criteria

Критерии нормального распределения				
	Колмогорова-Смирнова ^a		Критерий Шапиро-Уилка	
	Статистика	Значимость	Статистика	Значимость
Самоидентификация	0,129	0,000	0,903	0,000
Реальные знания истории семьи	0,113	0,000	0,975	0,000
Ответственность за членов семьи	0,138	0,000	0,929	0,000
Позитивный образ семьи	0,110	0,000	0,974	0,000
a. Коррекция значимости Лилефорса				

Источник: данные автора.

Таблица 4 / Table 4

Описательные статистики / Descriptive statistics

Факторы		Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка	Мин.	Макс.
F1	юноши	13,66	6,439	0,533	7	35
	девушки	14,28	6,09	0,399	7	35
	Вся выборка	14,04	6,226	0,32	7	35
F2	юноши	7,57	2,149	0,178	3	14
	девушки	7,85	1,884	0,123	3	13
	Вся выборка	7,74	1,992	0,102	3	14
F3	юноши	6,34	2,397	0,198	3	14
	девушки	5,67	2,256	0,148	3	12
	Вся выборка	5,93	2,331	0,12	3	14
F4	юноши	8,94	2,549	0,211	3	14
	девушки	9,38	2,457	0,161	3	14
	Вся выборка	9,21	2,499	0,128	3	14

*F1 – «Самоидентификация», F2 – «Реальные знания истории семьи», F3 – «Ответственность за членов семьи», F4 – «Позитивный образ семьи»

Источник: данные автора.

Различий средних значений по факторам в подвыборках по переменным региона проживания и образовательного учреждения нет. Тем не менее мы обнаружили ряд достоверных различий средних значений по отдельным факторам по переменной «пола» респондентов (табл. 4). Так, по фактору «Ответственность за членов семьи» по переменной «пол» получены достоверные различия средних значений по критерию Стьюдента ($t=2,741$, $p=0,006$). Девушки более настороженно относятся к теме расширения контактов среди родственников. Среди девушек было больше ответов, отражающих их опасения быть ответственными за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников, и

они более ориентированы на поддержку членов семьи, в которой проживают. Девушки в 2 раза чаще (66%), чем юноши (34%), отмечали важность знания наследственных болезней в семье (табл. 5).

Сравнение ответов юношей и девушек по отдельным вопросам анкеты показало, что девушки в 2 раза чаще, чем юноши, отвечали, что генеалогические изыскания являются модной тенденцией (вопрос № 3, табл. 5). Девушки чаще, чем юноши, готовы были принять в качестве мотива составления родословной возможность получить наследство (вопрос № 11, табл. 5). Интересно, что девушки чаще юношей выражали желание найти родственников, с которыми потеряны связи (во-

Таблица 5 / Table 5

Частотные различия ответов респондентов по переменным пола, региона проживания и образовательного учреждения (школа/колледж) / Frequency differences in respondents' answers by gender, region of residence and educational institution (school/college)

Вопросы анкеты	Согласились с вопросом (в процентах)		Хи-квадрат Пирсона	Значимость
	юноши	девушки		
1. Различия между юношами и девушками				
6. Считаю ли я, что необходимо знать о рисках наследственных заболеваний?	34%	66%	15,626	0,000
14. Хочу ли я принимать ответственность за возможные проблемы дальних и малознакомых родственников?	45,2%	60,5%	8,734a	0,013
3. Модно ли составлять свою родословную?	33,5%	66,5%	6,077a	0,048
10. Хочу ли я найти родственников, с которыми потеряны семейные связи?	45,7%	54,3%	12,960a	0,002
11. Конечно, хочу: вдруг меня ждёт большое наследство?	42,1%	57,9%	8,363a	0,015

а. Для числа ячеек 0 [0,0%] предполагается значение меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 37,37.

Источник: данные автора.

прос № 10, табл. 5), и, одновременно, в выборке девушек больше ответов, отражающих нежелание принимать ответственность за проблемы дальних и малознакомых родственников (вопрос № 14, табл. 5). Насторожённость, тревожность девушек из-за расширения границ семьи может быть объяснена тем, что они лучше юношей представляют себе, основываясь на житейском опыте ролевого поведения мужчин и женщин в семье, что значит брать на себя ответственность за других членов семьи. Ответы девушек, посвящённые модной тенденции и возможности получить наследство, могут выступать проекцией отказа от активных действий по изучению истории семьи по причине тревоги за сложившийся позитивный образ семьи. Однако на данном этапе исследования – это только наши предположения.

Интерес к национальным корням, связанный с этнической идентичностью, получаемой в семье, выразили 82,6% респондентов. Таким образом, подтверждается отмечаемый в литературе факт, что принятие этнической идентичности коррелирует с более высоким самопринятием и самооценкой, а также с более низкими симптомами депрессии [21; 22; 23]. Интерес молодых людей к национальным корням заслуживает дальнейшего изучения.

Результаты анкеты показывают, что у половины подростков (49,1%) нашей выборки нарушены семейные связи с ныне живущими родственниками, и они хотели бы найти родственников, с которыми потеряны контакты. Почти 80% подростков (78,9%) высказали желание получить сведения о членах семьи, пропавших без вести в годы исторических потрясений, т. е.

фактически почти в каждой семье учащихся есть предки, о судьбе которых никто ничего не знает. Наши данные почти в 2 раза превышают результаты масштабного исследования Института социологии РАН по изучению исторической памяти, приуроченного к столетию Октябрьской революции, согласно которому 48% респондентов ответили, что они не знают, есть ли среди предков пострадавшие от сталинских репрессий, 60% – есть ли среди предков пострадавшие от террора во время Гражданской войны¹.

По-видимому, эти различия обусловлены возрастным составом респондентов – юношей – в нашем исследовании и взрослых в исследовании Института социологии. Данные социологов, этнографов и генеалогов показывают, что интерес к истории семьи в нашей стране начал возникать, когда это стало относительно безопасно в конце 1980-х гг.², но по истечению 30 лет больше трети респондентов (34,8%) нашей выборки согласились с тем, что они боятся получить неприятную информацию о прошлом своей семьи.

Таким образом, мы можем отметить, что почти у 80% молодых людей 16–19 лет в семьях присутствует межпоколенная травма, связанная с неизвестной судьбой родственников 4-го, а у многих 5-го и 6-го поколения предков, прабабушек и прадедушек и глуб-

¹ Журенков К. Жить с чистого листа опасно. «Огонёк» о том, к чему приводит разрыв исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (дата обращения: 10.05.2023).

² Журенков К. Жить с чистого листа опасно. «Огонёк» о том, к чему приводит разрыв исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (дата обращения: 10.05.2023).

же. Современные старшие подростки, также как и их родители, бабушки и дедушки продолжают воспитываться в ситуации, когда степень психической проработки травмы предшествующего поколения, незнание, что происходило в семье, приводит к проблемам с идентичностью [12; 19].

Отсутствие достоверных различий по суммарному баллу всех вопросов анкеты между подвыборками респондентов по переменным пола респондентов, типа образовательного учреждения и региона проживания с помощью *t*-критерия и дисперсионного анализа позволяют нам предполагать, что полученные данные типичны для всей выборки молодых людей 16–19 лет.

Таким образом, на данный момент анкета «История семьи» позволяет измерить интерес старшего подростка к семейной истории. Она может быть использована в качестве метода, актуализирующего потребность к самопознанию молодых людей через изучение прошлого семьи, когда представление о себе и траектория личностного развития формируются на основе осознания своего прошлого, настоящего и будущего.

Заключение

Результаты нашего исследования подтвердили гипотезу о том, что в раннем юношеском возрасте отношение к истории семьи имеет определённую структуру и выступает значимым компонентом мировоззрения. Несмотря на кризис института семьи, распространение разнообразных типов семейных практик, свыше 80% респондентов продемонстрировали выраженный интерес к изучению истории семьи, исто-

рии своего рода. Больше всего старших подростков привлекает возможность самопознания через сведения о том, чем занимались их предки, какие у них были способности и таланты.

В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи.

Изучение истории семьи может выступать в качестве инструмента «археологии повседневности» [20, с. 85–109], когда процессы познания себя и идентификации старшими подростками на любом уровне формируются в первую очередь через историю близкого семейного окружения. Поэтому неслучайно интерес к своим корням сохраняется у приёмных детей и детей из детских домов независимо от того, насколько благополучны условия, в которых они воспитываются [8].

Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи.

Полученные нами данные показывают, что чем больше старшие подростки знают об истории своей семьи, тем они реже опасаются получить негативную информацию о её прошлом, что способствует снижению уровня семейной тревоги [3; 5; 9]. Однако следует отметить, что в данной работе мы изучали только факт интереса старших подростков к различным аспектам семейной истории.

На данном этапе исследования нам важно было убедиться, проявляют ли современные старшие подростки и юноши интерес к теме изучения се-

мы. Исследование показало, что содержание разработанной нами анкеты актуально для молодых людей и отвечает возрастным задачам развития. Метод изучения истории семьи может выступать значимым средством личностного развития в воспитательном и педагогическом плане. Перспективы развития исследования мы видим в выявлении взаимосвязи интереса к истории своей семьи с системой ценностных представлений и его роли в формировании самоидентичности учащихся 16–18-летнего возраста.

Таким образом, по результатам исследования интереса подростков к истории семьи можно сделать следующие выводы:

1. В раннем юношеском возрасте интерес к истории семьи имеет оформленную структуру, основными компонентами которой являются самоидентификация, знание истории семьи, ответственность за близких и стремление к сохранению позитивного образа семьи.

2. Чем больше молодые люди знают прошлое семьи, тем меньше вероятность возникновения у них тревоги относительно травмирующей информации о предках.

3. Получены различия между юношами и девушками по фактору ответственности за членов семьи. Девушки с большей осторожностью, чем юноши, относятся к расширению границ семьи, что предположительно можно объяснить более сформированными у девушек представлениями о ролевом поведении в семье и ответственности за близкий круг семейного окружения.

4. Переживания молодых людей в процессе познания истории семьи входят в содержание психологического пространства саморазвивающейся личности, когда «будущее в своей неразвёрнутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своём преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему» [11, с. 16].

Статья поступила в редакцию 17.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бимбат С. Д. Некоторые аспекты межпоколенческой передачи травмы [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2022. № 1. URL: <https://psyjournal.ru> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Бондаренко Я. А., Якимова Т. В. Осведомлённость в истории своей семьи как фактор психологического благополучия в подростковом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2014. Т. 3. № 2 (10). С. 70–83.
4. Варга А. Я. Сложности преподавания теории семейных систем Мюррея Боуэна // Психология и психотерапия семьи. 2022. № 1. С. 21–33. DOI: 10.24412/2587-6783-2022-1-22-34.
5. Варга А. Я., Маркитантова О. А., Черепанов Е. Семейные правила выживания: послания детям // Психология и психотерапия семьи. 2017. № 1. С. 14–23.
6. Волков Р. С., Сачкова М. Е. Актуальные направления зарубежных исследований идентичности подростков // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 122–130. DOI: 10.17759/jmfp.2022110211.
7. Гусельцева М. С. Психология повседневности в системе методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019. 375 с.

8. Кифер Б., Скулер Д. И. Как рассказать правду усыновлённому или приёмному ребёнку. Как помочь ребёнку осознать своё прошлое. Киев: Феникс, 2009. 270 с.
9. Ключко В. Е. Смысловая теория мышления в транспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 2. С. 87–101.
10. Ключко В. Е. Уровни сложности психологического мышления и современная когнитивистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 37–43.
11. Кубарев В. С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: транспективный анализ // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 6–24.
12. Митрикас Т. А. Феномен межпоколенческой передачи. Влияние семейной истории на возникновение конфликтов в семье [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2021. № 1. URL: <https://psyjournal.ru> (дата обращения: 12.12.2022).
13. Петрова Е. А. История семьи как межпоколенный ресурс совладающего поведения и средства его получения // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 4. № 2. С. 201–208.
14. Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
15. Рёгуш Л. А., Алексеева Е. В., Веретина О. Р. Психологические проблемы подростков России периода цифровизации (2010–2020 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 203. С. 7–21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
17. Симоненко И. А. Процесс идентификации ребёнка в семье как механизм межпоколенной передачи травматического опыта [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 28. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 02.12.2022).
18. Солодкова А. В. Развитие представлений о времени в детском возрасте // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 93–100. DOI: 10.17759/jmfp.2022110208.
19. Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы [по материалам зарубежной литературы] // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21. № 3. С. 96–119.
20. Хорошилов Д. А. Психология социального познания в изменяющемся мире. М.: Акрополь, 2022. 179 с.
21. Brittian A. S., Umaña-Taylor A. J., Derlan C. L. An examination of biracial college youths' family ethnic socialization, ethnic identity, and adjustment: Do self-identification labels and university context matter? // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2013. № 19 (2). P. 177–189. DOI: 10.1037/a0029438.
22. Hareven T. K. Families, history, and social change: Life-course and cross-cultural perspectives. Abingdon: Routledge, 2018. 408 p.
23. Hareven T. K. The life course and aging in historical perspective // Life course: Integrative theories and exemplary populations. Abingdon: Routledge, 2019. P. 9–25.

REFERENCES

1. Bimbat S. D. [Some aspects of intergenerational transmission of trauma]. In: *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2022, no. 1. Available at: <https://psyjournal.ru> (accessed: 24.01.2023).

2. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 400 p.
3. Bondarenko Ya. A., Yakimova T. V. [Awareness in the history of one's family as a factor in psychological well-being in adolescence]. In: *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical and Special Psychology], 2014, vol. 3, no. 2 (10), pp. 70–83.
4. Varga A. Ya. [Difficulties in teaching Murray Bowen's theory of family systems]. In: *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family], 2022, no. 1, pp. 21–33. DOI: 10.24412/2587-6783-2022-1-22-34.
5. Varga A. Ya., Markitantova O. A., Cherepanov E. [Family rules of survival: messages to children]. In: *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family], 2017, no. 1, pp. 14–23.
6. Volkov R. S., Sachkova M. E. [Current trends in foreign studies of adolescent identity]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2022, vol. 11, no. 2, pp. 122–130. DOI: 10.17759/jmfp.2022110211.
7. Guselceva M. S. *Psihologiya povsednevnosti v sisteme metodologii latentnyh izmenenij* [Psychology of everyday life in the system of methodology of latent changes]. Moscow, Akropol' Publ., 2019. 375 p.
8. Kifer B., Skuler D. I. *Kak rasskazat' pravdu usynovlyonnomu ili priyomnomu rebyonku. Kak pomoch' rebyonku osoznat' svoyo proshloe* [How to tell the truth to an adopted or foster child. How to help your child understand their past]. Kiev, Feniks Publ., 2009. 270 p.
9. Klochko V. E. [The semantic theory of thinking in the perspective of the formation of psychological knowledge: an epistemological analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2008, no. 2, pp. 87–101.
10. Klochko V. E. [Levels of complexity of psychological thinking and modern cognitive science]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 4 (20), iss. 1, pp. 37–43.
11. Kubarev V. S. [Methodological tools of post-non-classical psychology: transpective analysis]. In: *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2015, no. 58, pp. 6–24.
12. Mitrikas T. A. [The phenomenon of intergenerational transmission. The influence of family history on the occurrence of conflicts in the family]. In: *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 2021, no. 1. Available at: <https://psyjournal.ru> (accessed: 12.12.2022).
13. Petrova E. A. [Family history as an intergenerational resource of coping behavior and means of obtaining it]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics], 2008, vol. 4, no. 2, pp. 201–208.
14. Podlesnaya M. A., Solovyova G. V., Ilina I. V. [Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia]. In: *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2021, vol. 12, no. 2, pp. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
15. Regush L. A., Alekseeva E. V., Veretina O. R. [Psychological problems of adolescents in Russia during the period of digitalization (2010–2020)]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2022, no. 203, pp. 7–21. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-7-21.

16. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 712 p.
17. Simonenko I. A. [The process of identifying a child in a family as a mechanism for intergenerational transmission of traumatic experience]. In: *Medicinskaya psihologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2014, no. 28. Available at: <http://mprj.ru> (accessed: 02.12.2022).
18. Solodkova A. V. [Development of ideas about time in childhood]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2022, vol. 11, no. 2, pp. 93–100. DOI: 10.17759/jmfp.2022110208.
19. Tarabrina N. V., Majn N. V. [The phenomenon of intergenerational transmission of psychic trauma [based on foreign literature]]. In: *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2013, vol. 21, no. 3, pp. 96–119.
20. Horoshilov D. A. *Psihologiya social'nogo poznaniya v izmenyayushchemsya mire* [Psychology of social knowledge in a changing world]. Moscow, Akropol Publ., 2022. 179 p.
21. Brittan A. S., Umaña-Taylor A. J., Derlan C. L. An examination of biracial college youths' family ethnic socialization, ethnic identity, and adjustment: Do self-identification labels and university context matter? In: *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2013, no. 19 (2), p. 177–189. DOI: 10.1037/a0029438.
22. Hareven T. K. Families, history, and social change: Life-course and cross-cultural perspectives. Abingdon, Routledge, 2018. 408 p.
23. Hareven T. K. The life course and aging in historical perspective. In: *Life course: Integrative theories and exemplary populations*. Abingdon, Routledge, 2019, pp. 9–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бегунова Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований;
e-mail: lab6510@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/000-0002-9704-7096>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila A. Begunova – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Laboratory of the Scientific Foundations of Applied Child Psychology of Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research;
e-mail: lab6510@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9704-7096>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бегунова Л. А. История семьи в системе предпосылок формирования мировоззрения в юношеском возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 65–81.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81

FOR CITATION

Begunova L. A. Family history in the system of prerequisites for the formation of world view in youth. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 65–81. DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-65-81

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА НА ЛИЧНОСТЬ И ПСИХИКУ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ванновская О. В.

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10,
Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить важнейшие аспекты влияния цифровой образовательной среды (ЦОС) на личность и психику обучающихся вуза.

Процедура и методы. Проведено теоретическое исследование проблемы с помощью мета-исследования 35 полнотекстовых статей зарубежных и отечественных авторов.

Результаты. В научной литературе затрагиваются позитивные и негативные аспекты влияния ЦОС на психику, такие как когнитивная перегруженность, расстройство внимания, редукция речи, повышенная утомляемость, а также влияние на коммуникативную, мотивационную, эмоционально-волевую сферы личности. Но эти исследования достаточно противоречивы и требуют дополнительного осмысления. Основой для таких изысканий в дальнейшем может стать средовой подход, реализуемый практически через психологическое сопровождение учебного процесса в условиях ЦОС.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в выводах и практических рекомендациях: субъектам ЦОС предлагается обратить внимание на создание безопасной для психики обучающихся ЦОС, на развитие цифровой культуры студентов, на формирование единого пространства коммуникации.

Ключевые слова: личность, обучающийся вуза, психика, цифровая образовательная среда, цифровая трансформация образования

IMPACT OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY ON THE PERSONALITY AND PSYCHE OF THE STUDENT

O. Vannovskaya

*Pushkin Leningrad State University,
Petersburgskoye shosse, 10, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russian Federation*

Abstract

Aim: to identify the most important aspects of the influence of the digital educational environment (DEE) on the personality and psyche of university students.

Methodology. A theoretical study of the problem was carried out using a meta-study of 35 full-text articles by foreign and Russian authors.

Results. The scientific literature touches upon the positive and negative aspects of the influence of DEE on the psyche, such as cognitive overload, attention disorders, speech reduction, increased fatigue, as well as the impact on the communicative, motivational, emotional and volitional spheres of the personality. However, these studies are quite contradictory and require additional reflection. The basis for such research in the future can be an environmental approach, implemented practically through the psychological support of the educational process in the conditions of the DEE.

Research implications lies in the conclusions and practical recommendations: DEE subjects are invited to pay attention to the creation of a safe DEE for the psyche of students, to the development of students' digital culture and on the formation of a single space of communication.

Keywords: personality, university student, psyche, digital educational environment, digital transformation of education

Введение

Существование каждого члена современного общества в условиях цифрового пространства стало реальностью в нашей жизни. Цифровые технологии стремительно внедряются в сферу коммуникаций, производство, медицину, искусство, бизнес, медиаресурсы и, конечно, образование. Можно с уверенностью говорить о формировании особого типа образовательного пространства – цифровой образовательной среды (ЦОС), под которой понимают «подсистему образовательной среды, совокупность специально организованных педагогических условий обучения, воспитания и развития личности, реализуемых на основе цифровых технологий» [26, с. 781]. Трансформации в условиях цифровой образовательной среды вуза подвергаются все элементы, традиционно присущие образовательной среде в её более общем понимании: предметная среда, взаимоотношения между субъектами образовательного процесса, структура учебных коллективов, воспитательная работа, внутренний распорядок образовательных организаций, их традиции; средства, формы, методы, технологии обучения, матери-

альное оснащение учебного процесса и т. п. [31, с. 166–170]. Данные трансформации достаточно подробно анализируются многими современными исследователями, причём особое внимание уделяется возможной дегуманизации образования, его излишней технологизации, доминированию индивидуализма и прагматизма, распространению культа технического прогресса, исследованию экономических и управленческих аспектов цифровизации образования [5], организации в условиях ЦОС воспитательной работы с обучающимися [14], внедрению инновационных образовательных практик [10], изменениям в характере работы преподавателей [20; 21] и другим аспектам деятельности вуза. Однако исследования относительно психологических аспектов цифровизации образования, и в частности того, какое влияние оказывает цифровая образовательная среда вуза на личности и психику обучающихся, достаточно противоречивы, разрознены, фрагментарны и требуют дополнительного осмысления.

В связи с этим цель данного исследования – провести теоретический анализ и выявить наиболее важные аспекты влияния цифровой образова-

тельной среды вуза на личность студента и на его психику.

Описание процедуры и метод исследования

Для реализации цели исследования было проведено «мета-исследование», или «мета-синтез» как вариант качественного (описательного) подхода к изучению уже проведённых другими авторами исследований воздействия ЦОС на личность и психику обучающихся. Согласно Т. Л. Уильямсу, Р. Л. Шоу [38] и Б. Л. Патерсон [36], мета-исследование представляет собой особый подход к критической интерпретации качественных исследований путём обращения к теоретическим, методологическим и аналитическим компонентам исследований. На наш взгляд, этот метод был выбран обосновано, т. к. в настоящий момент требуется систематизация и обобщение накопленного опыта, а ценность мета-исследования заключается в том, что оно позволяет формулировать новые теоретические, методологические и практические выводы на основе уже полученных ранее данных, а также определять потенциальные направления для будущих исследований.

В рамках данного метода был проведён систематический поиск опубликованных научных статей по трём базам данных: eLIBRARY, Cyberleninka и Web of Science. В результате этого поиска было отобрано 309 статей. На основе названий и аннотаций были рассмотрены полные тексты 63 статей, а затем отобраны 35 статей (5 статей зарубежных авторов и 30 статей отечественных авторов) как наиболее соответствующие выбранному методу для систематического анализа трёх

основных компонентов: мета-теории, мета-метода и анализа метаданных. В таблице 1 приведены вопросы, которые использовались для проведения мета-исследования.

Результаты мета-исследования и их обсуждение

Относительно влияния ЦОС на психику обучающихся существует целый ряд исследований зарубежных авторов, которые первыми предположили, что цифровизация оказывает негативное влияние [35]. Так, психиатр и нейробиолог М. Спитцер [37] утверждает, что компьютеры – это машины, которые мешают обучению, являются причиной плохой успеваемости и дефицита внимания. Многозадачность и неконтролируемое использование медиа приводят к симптомам стресса с высоким кровяным давлением, язвой желудка, нарушениями роста, бессонницей, ожирением, потерей либидо и цифровым слабоумием или цифровой деменцией. Цифровую деменцию учёный определил как патологическую зависимость человека от гаджетов и неспособность индивида решать интеллектуальные, бытовые и другие задачи без доступа к сети Интернет. В конечном итоге, по мнению автора, это разрушает нервные клетки, ограничивает качество жизни и приводит к более ранней смерти. Это одна из наиболее радикальных негативных позиций, не учитывающая позитивных возможностей использования компьютера как очень мощного инструмента, способного сделать человеческий ум ещё более острым и «быстрым».

М. Дж. Джордж и С. Д. Оджерс [33] анализируют наиболее часто высказываемые опасения по поводу влияния

Таблица 1 / Table 1

Вопросы для мета-исследования научных статей по трем компонентам / Questions for meta-study of scientific articles on three components

Компонент	Вопросы для мета-исследования
Мета-теория	Какие теории и методологические подходы лежали в основе исследования в статье? На основе чего был осуществлён выбор теоретико-методологических подходов?
Мета-метод	Чем обусловлен выбор дизайна исследования? На основании чего выбраны эмпирические (психодиагностические) методы исследования? Чем обусловлен выбор методов сбора и анализа данных?
Анализ мета-данных	Каковы основные выводы, насколько они подтверждены данными? Какие основания использовались для интерпретации полученных данных?

мобильных технологий на подростков, такие как киберзапугивание, онлайн-домогательства, снижение когнитивных способностей, нарушение сна и др. Авторы приходят к выводу, что эффекты мобильных технологий неоднородны и могут проявляться неодинаково для разных по индивидуальным характеристикам подростков.

Сходную умеренную позицию поддерживают авторы С. Ливингстоун и П. К. Смит [35], которые в своём исследовании предлагают оценивать онлайн-риски в зависимости от трёх групп факторов риска:

- личностные факторы: низкая самооценка, поиск острых ощущений, психологические трудности;
- социальные факторы: отсутствие родительской поддержки, нормы референтных групп;
- цифровые факторы: цифровые навыки, конкретные интернет-сайты и онлайн-практики.

В статье М. Х. Лин, Х. К. Чен и К. С. Лиу [34] проводится исследование влияния цифрового обучения на мотивацию обучения и представляют-

ся результаты обучения в традиционном обучении и цифровом обучении. Авторы приходят к следующему выводу: цифровое обучение положительно влияет на мотивацию обучения в целом, на его результаты; авторы дают оптимистичные прогнозы для дальнейшего развития электронного обучения. А в исследовании Дж. П. Фишер, Ю. С. Гонсалес и А. де ла Каридад Мартинес Тена [32] речь идёт о том, что виртуальная реальность может даже помочь устранить или уменьшить психические расстройства и последствия черепно-мозговых травм.

Психологические проблемы цифровой трансформации системы образования затрагивают также многие отечественные авторы [6; 9; 30 и др.]. Для исследователей несомненно, что внедрение в практику современного преподавания ЦОС проходит достаточно сложно, поскольку «неготовность к работе в условиях цифровой трансформации и использования цифровых сервисов – это именно психологическая проблема» [17], связанная с влиянием цифровых технологий на психику и

личность. Новые условия деятельности педагогов и обучающихся требуют психологического сопровождения, «создания системы психолого-педагогического обеспечения цифровой трансформации системы высшего образования РФ» [7]. В научной литературе возникают новые понятия, связанные с психологической оценкой цифровых процессов в образовании, например, «цифровая психодидактика» – область междисциплинарных исследований, которые проводятся на стыке «общей и педагогической психологии, нейропсихологии и психолингвистики, когнитивной и социальной психологии с учётом индивидуально-психологических особенностей обучающихся» [6]. Очевидно, что цифровая дидактика должна строиться на основе системных и междисциплинарных исследований влияния цифровой образовательной среды на психику и личность обучающихся. Какие же исследования могут стать этой основой?

Обучение в ЦОС предполагает взаимодействие обучающихся с большими потоками информации, поэтому многие отечественные исследования посвящены влиянию обучения с использованием ДОТ именно на когнитивные психические процессы. Поскольку электронная среда стимулирует постоянную «многозадачность», то, по мнению исследователей, обучение в ЦОС может приводить к таким негативным последствиям, как «когнитивная перегруженность» [1; 2; 8; 13; 28], снижение критичности мышления, расстройство внимания, редукция речи, что, в свою очередь, вызывает повышенную утомляемость и нервно-психическое истощение. Исследователи чаще всего связывают негативные последствия от

использования цифровых устройств с электромагнитным излучением и продолжительностью времени, проводимого в цифровом пространстве и пытаются установить временные нормы работы за компьютером. Помимо этого, негативное воздействие информационных технологий объясняют тем, что систематическое их использование приводит к деформации познавательных функций, утрате когнитивных навыков и к изменению самого процесса мышления и переработки информации.

В то же время есть исследования [4], указывающие на положительное влияние обучения в ЦОС на когнитивную сферу: активизация разных форм восприятия за счёт включения разных каналов восприятия, развитие образного мышления, креативности, образной памяти и способности удерживать внимание за счёт наглядности информации и визуализации.

Помимо влияния ЦОС на психику обучаемых, проводятся исследования влияния цифровых технологий **на все сферы личности** обучающихся: коммуникативную, мотивационную и эмоционально-волевою, – которые вследствие этого должны находиться под пристальным вниманием педагогов – субъектов ЦОС. Так, например, в исследовании Г. У. Солдатовой и Е. И. Рассказовой [22] о личностных характеристиках и психологической саморегуляции студентов онлайн и офлайн используются результаты собственных межпоколенческих исследований, основанных на концепции цифровой социализации, и делаются выводы, что студенты, учащиеся онлайн, более эмоционально стабильны, менее доброжелательны и добро-

совестны и, несмотря на более яркие эмоции, переживаемые респондентами онлайн, их возможности регуляции этих эмоций в интернете выражены слабее.

Важнейшей составляющей структуры личности, оказывающей влияние на её формирование и развитие в течение всей жизни, является *коммуникативная сфера*. Именно во взаимодействии субъектов образования происходит самореализация личности преподавателя и студента [15], т. е. коммуникация важна для всех субъектов образовательного процесса. В условиях ЦОС иначе реализуется коммуникативная потребность студента, по-другому проходит восприятие партнёров по общению и несколько иначе формируется и развивается его коммуникативная компетентность. Коммуникативное взаимодействие, перешедшее в цифровую среду, в виртуальное пространство, утрачивает некоторые свои привычные черты, такие как непосредственный характер, ведущая роль невербальных средств, мгновенное взаимодействие субъектов общения, значимое влияние личностей коммуникантов друг на друга и др. В то же время многие стороны коммуникативного поведения личности остаются неизменными: следование коммуникативным нормам и традициям, ориентация на реакцию адресата, стремление повлиять на эту реакцию и др. Можно отметить и новые особенности межличностной коммуникации, формируемые (становящиеся более заметными, выходящие на передний план) в условиях ЦОС: перенесение акцента с группового коммуникативного поведения (преподаватель – группа) на межличностное (преподаватель

– студент). Понимая это, исследователи полагают, что ЦОС должна стать, наоборот, «единым пространством коммуникации всех участников педагогического процесса» [16], т. е. коллективная коммуникация должна превалировать над межличностной. Отметим, что на практике так происходит далеко не всегда, и при организации ЦОС необходимо учитывать важность создания единого коммуникативного пространства (например, в виде общего чата). Кроме того, актуализация межличностного взаимодействия может быть использована и как эффективный инструмент влияния на личность отдельного студента, установки с ним контакта, положительно сказывающегося на его личностном и психическом статусе.

Для студента очень важным является *социализация* и соотношение собственного поведения, своих ощущений с деятельностью группы. Студент вуза функционирует в составе учебной группы, а также как компонент более крупных групп: всего вуза (сообщества студентов, сообщества студентов и преподавателей) и студенчества вообще. В структуре групп происходит самоидентификация личности обучающегося, развивается его воображение, во взаимодействии с коллективом корректируется поведение, с группой соотносятся личностные потребности и намерения. В условиях ЦОС влияние группы ослабевает, актуализируются индивидуальные особенности студентов, личность начинает формироваться как обособленная, ориентированная на собственные ощущения, смыслы и ценности. Если обучение в условиях ЦОС будет длиться долго, может произойти даже атомизация личности –

акцент её внимания перенесётся на собственные проблемы, утратится соотнесение себя с коллективом. Препятствуют распространению данных негативных внутриличностных процессов хорошо развитые коммуникации, осуществляемые студенческими сообществами в социальных сетях и различных мессенджерах. Данные технические системы являются суррогатом непосредственного взаимодействия в студенческом коллективе, но в то же время имитируют это взаимодействие, вплоть до использования эмодзи вместо невербальных средств общения для характеристики эмоций и ощущений коммуникантов.

В *эмоционально-волевой сфере* также происходят значимые изменения в условиях ЦОС: авторы говорят о повышении тревожно-депрессивных эмоциональных состояний, о снижении волевой саморегуляции, трудностях с самоорганизацией своей учебной деятельности.

Воздействие ЦОС на *мотивационную сферу личности* изучено недостаточно, однако прослеживается тенденция к снижению учебной мотивации и её упрощению, когда обучающиеся ждут неременной геймификации в учебном процессе, при отсутствии которой интерес к изучаемой дисциплине заметно падает.

Помимо описанных выше аспектов влияния ЦОС на личность и психику обучающихся исследователи затрагивают также следующие важные вопросы:

– Т. А. Нестик и Г. У. Солдатова описывают такие социально-психологические феномены, как технофобия и технофилия, связанные с индивидуальными факторами, такими как открытость новому, уровень тре-

вожности, пользовательский опыт и цифровая компетентность, а также с межличностными, групповыми и межгрупповыми факторами, требующими дальнейшего исследования [18];

– Н. С. Крамаренко рассматривает проблемы цифровой потребности и информационной перегруженности современного поколения и делает вывод, что необходимо не просто искать пути для адаптации к цифровой среде, но и искать пути для успешного существования в ней, подчёркивая, что это одна из основных задач выживания человеческого вида [13];

– А. А. Орлов описывает особенности когнитивной, эмоциональной и ценностной сферы так называемой «сетевой личности» современного обучающегося в контексте теории поколений (поколение Z и поколение iGen, для которых свойственны прагматизм, меркантилизм, склонность к избыточной технологизации, обесценивание знаний) и подчёркивает важность развития мотивационно-ценностных установок [22];

– М. С. Ясницкий пишет о серьёзных изменениях ценностно-смысловых ориентаций личности в ЦОС и субъективном обесценивании знаний [29];

– есть исследования, посвящённые критериям готовности обучающихся к обучению в условиях ЦОС [25];

– много работ посвящено психологической и информационной безопасности в цифровой образовательной среде [12; 19], когнитивным и эмоциональным [27] рискам, а также риску трансгуманизации сознания человека [11] и путям их преодоления;

– особую ценность представляют аналитические обзоры и сравнительные исследования, обобщающие опыт

цифровизации, в том числе в образовательной среде [3; 5; 23].

Подводя итоги мета-исследования, можно говорить о том, что современные отечественные и зарубежные авторы сходятся во мнении, что в условиях ЦОС необходимо ещё больше внимания, чем до процесса цифровизации, уделять развитию психики и личности студента. Главной целью преподавателя должно стать «формирование интеллектуальной, творческой и культурно развитой личности» [16]. Часто обсуждаемым также является вопрос формирования у студентов цифровой культуры как одной из важнейших составляющих культуры наряду с социальной, профессиональной, коммуникативной, информационной, технологической.

Авторы предлагают уделять больше внимания творческой деятельности студентов вузов. Исследователи полагают, что в условиях цифрового обучения она выступает как средство всестороннего развития личности студентов, которые должны «научиться мыслить прагматично, креативно» [24]. Создавая новое в формате учебной творческой деятельности (при написании сочинений и эссе, в ходе выполнения различных научно-исследовательских проектов, заданий, работ и т. д.), студент развивает свои личностные качества, обогащает свой внутренний мир, а также готовится к продуктивной профессиональной деятельности, предстоящей ему в дальнейшем.

Ещё один аспект, о котором необходимо упомянуть, – это целенаправленное воздействие средств ЦОС на личность студента, его воспитание и развитие. Отметим, что воспитание и развитие осуществляется в процессе

любого обучения во все времена, причём даже в том случае, если субъекты образовательного процесса об этом не знают, специально об этом не осведомлены. У педагогов в условиях ЦОС может создаться впечатление (скорее всего, обманчивое), что данное воздействие ослаблено. Возникает соблазн компенсировать его с помощью значительного количества воспитательных и развивающих заданий, проектов, мероприятий. Несложно представить, что отследить действенность данного воздействия в условиях ЦОС сложно и есть опасность сделать его чрезмерным, что только оттолкнёт студентов, превратит обучение, воспитание и развитие в формальность, а значит, сделает их неэффективными.

Заключение

Несмотря на достаточно большое число публикаций по влиянию цифровизации образовательной среды на психику, этот вопрос ещё требует тщательного исследования и разработки норм и рекомендаций по безопасному использованию цифровых технологий в образовании, которые бы позволили не просто защитить психику от негативных воздействий, но и сделать учебный процесс даже более эффективным, чем при очном обучении. Необходимы научно-обоснованные рекомендации для преподавателей, чтобы они могли учитывать те изменения, которые под влиянием ЦОС происходят в когнитивных психических процессах студентов.

В результате мета-исследования можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация образовательной среды отразилась на содержании и структуре образования, на характере

взаимоотношений субъектов образовательного процесса. Можно говорить о том, что цифровая образовательная среда по сравнению с традиционной образовательной средой вуза обладает специфическими особенностями, к которым необходимо адаптироваться всем участникам образовательного процесса.

2. Определённому влиянию в условиях цифровизации подвергается психика (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, речь и воображение), а также коммуникативная, мотивационная и эмоционально-волевая сферы личности обучающихся вузов. В настоящее время это влияние ещё недостаточно описано в рамках эмпирических и экспериментальных исследований и требует дальнейшего изучения.

3. Изучение того, как ЦОС влияет на психику и личность обучающихся, должно быть комплексным, междисциплинарным и системным. Его можно строить на основе средового подхода, у истоков которого находятся исследования В. И. Вернадского. Согласно его теории, среда формирует психофизические изменения в человеке, влияет на его личность, а трансформация среды, соответственно, изменяет и личность, её психическое состояние. Личность одновременно является и предпосылкой, формирующей среду, определяющей её свойства и гарантирующей её развитие, и её результатом, поскольку личность оказывается под воздействием сформированной среды и продолжает своё развитие в зависимости от неё. Данный процесс является постоянным, непрерывным, и в его ходе постепенно всё усложняется взаимодействие личности и среды.

4. Перспективы данного исследования состоят в практическом анализе воздействия ЦОС на личность и психику молодёжи для повышения адаптации обучающихся к новым условиям и разработки научно-обоснованной программы психолого-педагогического сопровождения цифровой трансформации в современном российском вузе.

5. Чтобы влияние ЦОС не стало деструктивным, а наоборот, служило развитию личности студентов, считаем возможным дать организациям, осуществляющим образовательный процесс в условиях ЦОС, и их педагогам следующие рекомендации:

- способствовать разнообразным способам групповой коммуникации студентов, являющихся субъектами образовательного процесса, как в официальном формате (на сайте организации, в корпоративной информационной системе), так и в неофициальном (в социальных сетях и мессенджерах);

- сочетать индивидуализацию обучения и учебную деятельность в формате группового взаимодействия: таким образом будет обеспечено уважение к личности каждого студента и введение этой личности в структуру группы;

- организовывать студентов для выполнения совместных творческих проектов, в рамках которых будет обеспечено их широкое взаимодействие на основе использования информационных технологий, развитие у них мышления и воображения;

- тщательно продумывать воспитательное воздействие на личность студентов, её эмоциональное, интеллектуальное, нравственное, культурное, творческое развитие, с тем чтобы это

воздействие не было слишком явным и назидательным. Излишняя дидактичность и позиция «сверху» только оттолкнул студентов, а условия ЦОС не позволяют нивелировать когнитивные сложности усвоения информации

с помощью уравнивающих механизмов (влияния личности педагога, его харизмы и др.).

Статья поступила в редакцию 02.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Е. А., Корнилова О. А. Влияние цифровой электронной среды на когнитивные функции школьников и студентов // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № 3. С. 43–50. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3331.
2. Агеев Н. Я., Токарчук Ю. А., Токарчук А. М. Связь цифровых технологий с развитием когнитивных и коммуникативных процессов подростков и юношей: обзор эмпирических исследований // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15. № 1. С. 37–55.
3. Байгужин П. А., Шибкова Д. З., Айзман Р. И. Факторы, влияющие на психофизиологические процессы восприятия информации в условиях информатизации образовательной среды // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 5. С. 48–70.
4. Безбородова Н. Я. Влияние компьютерных технологий на когнитивные процессы школьников // International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3. № 2. С. 109–113.
5. Бермус А. Г. Цифровая трансформация высшего образования с позиций междисциплинарного подхода: обзор гуманитарных исследований // Kant. 2022. № 1 (42). С. 6–16. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.1.
6. Булат Р. Е., Ванновская О. В. Проблемы и перспективы цифровой психодидактики в системе высшего образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2022. № 4. С. 258–278. DOI: 10.35231/18186653_2022_4_258.
7. Ванновская О. В. Психолого-педагогические проблемы цифровой трансформации высшего образования в Российской Федерации // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы V Всероссийской научной конференции, Чебоксары, 22 декабря 2022 г. Чебоксары: Среда, 2022. С. 111–113. DOI: 10.31483/r-105038.
8. Габдуллина А. Ш. Влияние цифровизации на когнитивные функции обучающихся в вузе в рамках иноязычного обучения // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 395–403.
9. Гафурова Н. В. Особенности современного студента как представителя цифрового поколения // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 6-1 (45). С. 389–394.
10. Голиченков А. К., Воронин М. В., Есипов Н. А. Цифровая образовательная среда юридического вуза: механизм реализации и инновационные образовательные практики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 2. С. 3–21.
11. Гордин А. И., Гордина О. В. Трансгуманизм как следствие возможной тотальной цифровизации образования (опыт психолого-педагогического анализа) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 537–547. DOI: 10.30853/ped210086.
12. Гребенкина Н. Н. Информационная безопасность участников образовательного процесса: проблемы, задачи, опыт // Информационная безопасность личности субъектов образовательного процесса в цифровой информационно-образовательной среде: сборник научных статей. М.: Российский государственный университет нефти и газа, 2021. С. 24–31.
13. Крамаренко Н. С. Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z // Педагогика. 2020. № 4. С. 37–42.

14. Круподерова Е. П., Сорокин М. Ю. Организация воспитательной работы в вузе в условиях цифровой образовательной среды // Педагогический вестник. 2020. № 13. С. 22–24.
15. Крылова М. Н. Взаимодействие субъектов исследовательской деятельности как фактор самореализации личности преподавателя и студента // Концепт. 2016. № 40. С. 24–29.
16. Кутепова Л. И., Попкова А. А., Жидков А. А. Проектирование цифровой образовательной среды // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 229–232.
17. Маклаков А. Г., Ванновская О. В. Психологические проблемы цифровой трансформации системы образования и дальнейшего развития дистанционного обучения // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса обучающихся разного возраста: монография. СПб.: Издательство Ленинградского государственного университета, 2022. С. 129–140.
18. Нестик Т. А., Солдатова Г. У. Основные модели цифровой компетентности // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 107–119.
19. Овсяницкая С. С. Угрозы психологической безопасности участников образовательного процесса в цифровой век // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 187–190.
20. Орлов А. А. Портрет «сетевой личности» в контексте теории поколений // Педагогика. 2019. № 10. С. 5–16.
21. Павлова Т. Б. Изменения в функциональных компонентах деятельности преподавателя вуза в цифровой образовательной среде // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. № 6. С. 1081–1086.
22. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Личностные характеристики и психологическая саморегуляция студентов онлайн и офлайн: некоторые особенности цифровой социальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 1. С. 24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102.
23. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409.
24. Солнцев М. Н. Творческая деятельность студентов вузов как средство всестороннего развития личности в условиях цифрового обучения // Психология образования в поликультурном пространстве. 2022. № 4 (60). С. 67–75. DOI: 10.24888/2073-8439-2022-60-4-67-75.
25. Усольцева В. В. Готовность студентов-психологов к обучению в условиях цифровой образовательной среды // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12-3 (114). С. 175–177. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.113.
26. Хапаева С. С. Цифровая образовательная среда: проблемы взаимодействия // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2021. Т. 17. № 3. С. 781–789. DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781-789.
27. Храпов С. А., Баева Л. В. Цифровизация образовательного пространства: эмоциональные риски и эффекты // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 16–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-16-24.
28. Хрипунова У. В., Кудаква В. С., Тимофеева Э. А. Проблема цифрового слабоумия в XXI в. // Психология личности, актуальные исследования: сборник научных трудов / под ред. Е. М. Наумовой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2020. С. 29–33.

29. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2 (34). С. 38–44.
30. Яруллина Л. Р. Трансформация высшего образования в цифровую эпоху: психологический взгляд на проблему // Инновации и качество профессионального образования: материалы 15 Международной научной конференции, Казань, 21 мая 2021 г. Казань: Школа, 2021. С. 91–95.
31. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
32. Fisher E. J. P., González Y. S., Caridad Martinez Tena A. Bringing the Virtual to Reality-How Virtual Reality Can Enhance People's Health and Social Lives // *Neurology: Research and Surgery*. 2019. № 2 (1). P. 2–10. DOI: 10.33425/2641-4333.1015.
33. George M. J., Odgers C. L. Seven fears and the science of how mobile technologies may be influencing adolescents in the digital age // *Perspectives on psychological science*. 2015. T. 10. № 6. P. 832–851. DOI: 10.1177/1745691615596788.
34. Lin M. H., Chen H. C., Liu K. S. A Study of the Effects of Digital Learning on Learning Motivation and Learning Outcome // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2017. № 13 (7). P. 3553–3564. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00744a.
35. Livingstone S., Smith P. K. Annual research review: Harms experienced by child users of online and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2014. № 55 (6). P. 635–654. DOI: 10.1111/jcpp.12197.
36. Paterson B. L. It looks great but how do I know if it fits? An introduction to meta-synthesis research // *Synthesizing qualitative research: Choosing the right approach*. London: BMJ books, 2012. P. 3–21.
37. Spitzer M. Digital Demenz: Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. Munich: Droemer Knaur, 2021. 368 p.
38. Williams T. L., Shaw R. L. Synthesizing qualitative research // *International handbook of qualitative methods in sport and exercise*. London: Routledge, 2016. P. 274–287. DOI: 10.1002/9781119959847.

REFERENCES

1. Aydeeva E. A., Kornilova O. A. [The use of digital electronic environment on the cognitive functions of schoolchildren and students]. In: *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Cardiovascular therapy and prevention], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 43–50. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3331.
2. Ageev N. Ya., Tokarchuk Yu. A., Tokarchuk A. M. [Communication of digital technologies with potentially cognitive and communicative processes of adolescents and young men: a review of empirical research]. In: *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 37–55.
3. Bajguzhin P. A., Shibkova D. Z., Ajzman R. I. [Factors influencing the psychophysiological processes of information discovery in informatization of the educational environment]. In: *Science for Education Today*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 48–70.
4. Bezborodova N. Ya. [Use of computer technologies for cognitive processes of schoolchildren]. In: *International Journal of Medicine and Psychology*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 109–113.
5. Bermus A. G. [Digital transformation of higher education from the standpoint of interdisciplinary research: a review of humanitarian research]. In: *Kant*, 2022, no. 1 (42), pp. 6–16. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-42.1.

6. Bulat R. E., Vannovskaya O. V. [Problems and prospects of psychodidactics in higher education]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2022, no. 4, pp. 258–278. DOI: 10.35231/18186653_2022_4_258.
7. Vannovskaya O. V. [Psychological and pedagogical problems of digital transformation of higher education in the Russian Federation]. In: *Pedagogika, psihologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike: materialy V Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Cheboksary, 22 dekabrya 2022 g.* [Pedagogy, psychology, society: from theory to practice: materials of the V All-Russian scientific conference, Cheboksary, December 22, 2022]. Cheboksary, Sreda Publ., 2022, pp. 111–113. DOI: 10.31483/r-105038.
8. Gabdullina A. Sh. [The impact of digitalization on the cognitive functions of students in the framework of foreign language education]. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice], 2022, vol. 7, no. 4, pp. 395–403.
9. Gafurova N. V. [Features of the modern student as a representative of the generation]. In: *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk* [European Journal of Social Sciences], 2014, no. 6-1 (45), pp. 389–394.
10. Golichenkov A. K., Voronin M. V., Esipov N. A. [Digital educational environment, legal university: implementation mechanism and innovative educational practices]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11: Law], 2021, no. 2, pp. 3–21.
11. Gordin A. I., Gordina O. V. [Transhumanism as a possible total digitalization of education (the experience of psychological and pedagogical analysis)]. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice], 2021, vol. 6, no. 4, pp. 537–547. DOI: 10.30853/ped210086.
12. Grebenkina N. N. [Information security of participants in the educational process: problems, experience, tasks]. In: *Informacionnaya bezopasnost' lichnosti sub'ektiv obrazovatel'nogo processa v cifrovoj informacionno-obrazovatel'noj srede* [Information security of subjects of the educational process in the digital information and educational environment]. Moscow, Russian State University of Oil and Gas Publ., 2021, pp. 24–31.
13. Kramarenko N. S. [Problems of "digital need" and information overload of students of generation Z]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2020, no. 4, pp. 37–42.
14. Krupoderova E. P., Sorokin M. Yu. [Organization of educational work at the university in a digital educational environment]. In: *Pedagogicheskij vestnik* [Pedagogical Bulletin], 2020, no. 13, pp. 22–24.
15. Krylova M. N. [Interaction of subjects of research activity as a factor of self-realization of the personality of a teacher and a student]. In: *Koncept* [Concept], 2016, no. 40, pp. 24–29.
16. Kutepova L. I., Popkova A. A., Zhidkov A. A. [Designing a digital educational environment]. In: *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* [Azimut of scientific research: pedagogy and psychology], 2021, vol. 10, no. 2 (35), pp. 229–232.
17. Maklakov A. G., Vannovskaya O. V. [Psychological digital problems of transformation of the education system and long-term development of distance learning]. In: *Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo processa obuchayushchihsya raznogo vozrasta* [Psychological and pedagogical support of the educational process of students of different ages]. St. Petersburg, Leningrad State University Press, 2022, pp. 129–140.
18. Nestik T. A., Soldatova G. U. [Basic models of digital competence]. In: *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Nauka. Culture. Society], 2016, no. 1, pp. 107–119.

19. Ovsyanickaya S. S. [Threats to the psychological safety of participants in the educational process in the digital age]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2020, no. 66-3, pp. 187–190.
20. Orlov A. A. [Portrait of a "network personality" in the field of cultural science]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2019, no. 10, pp. 5–16.
21. Pavlova T. B. [Changes in the functional components of the activities of a university teacher in a digital educational environment]. In: *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice], 2021, vol. 6, no. 6, pp. 1081–1086.
22. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Personal characteristics and psychological self-regulation of students online and offline: some features of digital sociality]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 24–37. DOI: 10.21638/spbu16.2023.102.
23. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Total digital transformation: from online reality to mixed reality]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2020, vol. 16, no. 4, pp. 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409.
24. Solncev M. N. [Creative activity of university students as a means of comprehensive development personality in the context of digital learning]. In: *Psihologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space], 2022, no. 4 (60), pp. 67–75. DOI: 10.24888/2073-8439-2022-60-4-67-75.
25. Usol'ceva V. V. [Readiness of psychology students to study in a digital educational environment]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2021, no. 12-3 (114), pp. 175–177. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.113.
26. Hapaeva S. S. [Digital educational environment: problems of interaction]. In: *Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie* [Modern information technologies and IT education], 2021, vol. 17, no. 3, pp. 781–789. DOI: 10.25559/SITITO.17.202103.781-789.
27. Hrapov S. A., Baeva L. V. [Digitalization of the educational space: emotional risks and effects]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2022, no. 4, pp. 16–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-16-24.
28. Hripunova U. V., Kudakova V. S., Timofeeva E. A. [The problem of digital dementia in the 21st century]. In: Naumova E. M., ed. *Psihologiya lichnosti, aktual'nye issledovaniya* [Personality psychology, current research]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University Publ., 2020, pp. 29–33.
29. Yanickij M. S. [Psychological aspects of digital education]. In: *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Vocational education in Russia and abroad], 2019, no. 2 (34), pp. 38–44.
30. Yarullina L. R. [Transformation of higher education in the digital age: a psychological view of the problem]. In: *Innovacii i kachestvo professional'nogo obrazovaniya: materialy 15 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kazan', 21 maya 2021 g.* [Innovations and the quality of professional education: materials of the 15th International Scientific Conference, Kazan, May 21, 2021]. Kazan, Shkola Publ., 2021, pp. 91–95.
31. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 365 p.
32. Fisher E. J. P., González Y. S., Caridad Martinez Tena A. Bringing the Virtual to Reality-How Virtual Reality Can Enhance People's Health and Social Lives. In: *Neurology: Research and Surgery*, 2019, no. 2 (1), pp. 2–10. DOI: 10.33425/2641-4333.1015.
33. George M. J., Odgers C. L. Seven fears and the science of how mobile technologies may be influencing adolescents in the digital age. In: *Perspectives on psychological science*, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 832–851. DOI: 10.1177/1745691615596788.

34. Lin M. H., Chen H. C., Liu K. S. A Study of the Effects of Digital Learning on Learning Motivation and Learning Outcome. In: *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2017, no. 13 (7), pp. 3553–3564. DOI: 10.12973/eurasia.2017.00744a.
35. Livingstone S., Smith P. K. Annual research review: Harms experienced by child users of on-line and mobile technologies: The nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age. In: *Journal of child psychology and psychiatry*, 2014, no. 55 (6), pp. 635–654. DOI: 10.1111/jcpp.12197.
36. Paterson B. L. It looks great but how do I know if it fits? An introduction to meta-synthesis research. In: *Synthesizing qualitative research: Choosing the right approach*. London, BMJ books, 2012, pp. 3–21.
37. Spitzer M. Digital Demenz: Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. Munich, Droemer Knaur, 2021. 368 p.
38. Williams T. L., Shaw R. L. Synthesizing qualitative research. In: *International handbook of qualitative methods in sport and exercise*. London, Routledge, 2016, pp. 274–287. DOI: 10.1002/9781119959847.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванновская Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина;

e-mail: vannovskaya@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7645-6173>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga. V. Vannovskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General and Applied Psychology, Pushkin Leningrad State University;

e-mail: vannovskaya@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7645-6173>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ванновская О. В. Воздействие цифровой образовательной среды вуза на личность и психику обучающихся // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 82–96.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-82-96

FOR CITATION

Vannovskaya O. V. Impact of the digital educational environment of the university on the personality and psyche of the student. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 82–96.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-82-96

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-97-108

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД С ПРЕДПОЧИТАЕМОМ СТИЛЕМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Удальцова М. О.

Вологодский институт права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

160002, Вологодская обл., г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить содержательные характеристики ответственности сотрудников ОВД с разным стилем принятия решений.

Процедура и методы. В качестве основного метода выступил метод психодиагностики, реализуемый с помощью следующих методик: «Мельбурнский опросник принятия решений», методика «Многомерно-функциональной диагностики ответственности» В. П. Прядеина. В качестве методов математической обработки данных выступили частотный анализ и корреляционный анализ Р. Спирмена.

Результаты. Определены соотношения долей представленности выраженности характеристик каждого компонента ответственности. Выявлен доминирующий стиль принятия решений среди сотрудников ОВД – бдительность. Установлена связь между стилем принятия решений – бдительностью со стенической эмоциональностью – и решением трудностей, между сверхбдительностью и динамической эргичностью, когнитивной осмысленностью, результативностью предметной, эмоциональностью стенической, регуляторной интернальностью и решением трудностей.

Теоретическая и/или практическая значимость. С учётом сложившихся теоретических положений по изучаемой проблеме определены содержательные характеристики ответственности сотрудников ОВД во взаимосвязи с их предпочитаемым стилем принятия решений. Полученные данные позволяют расширить представления о психологических характеристиках специалистов изучаемой профессиональной области и могут использоваться в практике психолога по сопровождению в профессиональном самоопределении, прогнозировании успешности и определении рисков в процессе становления и развития профессионалов.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, компоненты ответственности, ответственность, сотрудники ОВД, стиль принятия решений, характеристика личности

THE RELATIONSHIP BETWEEN RESPONSIBILITY AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTIC OF POLICE OFFICERS' PERSONALITY AND THEIR PREFERRED DECISION-MAKING STYLE

M. Udal'tsova

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
ul. Shchetinina, 2, Vologda, 160002, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the content characteristics of responsibility of police officers with different decision-making styles.

Methodology. The main method was the method of psychodiagnostics, implemented using the following methods: the Melbourne Decision-making Questionnaire, the method of "Multidimensional functional Diagnostics of responsibility" by V. P. Pryadein. The methods of mathematical data processing were frequency analysis and correlation analysis by R. Spearman.

Results. The study determines how strongly the characteristics of the different components of responsibility are represented. It is revealed that the dominant decision-making style of police officers is a sense of vigilance. The relationship between vigilance as a style of decision-making with stenic emotionality and the ability to overcome difficulties has been established. The relationship between vigilance and dynamic ergidity, cognitive meaningfulness, subject performance, stenic emotionality, regulatory internality and ability to overcome difficulties has been proved.

Research implications. Taking into account the existing theoretical provisions on the problem under study, the substantive characteristics of police officers' responsibility in the relationship with the way they prefer to make decisions were determined. The obtained data expand the understanding of the psychological characteristics of specialists in the studied professional field. These data can be used by psychologists to support specialists in their professional self-determination, to predict success and identify risks in the process of their professional development.

Keywords: individual style, components of responsibility, responsibility, police officers, decision-making style, personality characteristics

Введение

Изучение социально-психологических характеристик личности профессионалов не теряет своей актуальности. Оно относится к ключевым практическим задачам в пространстве исследований социальных психологов. Одной из таких характеристик является ответственность. Изучению данного феномена посвящены работы как отечественных, так и зарубежных учёных (Б. Г. Ананьев, С. В. Быков, Н. А. Бернштейн, В. П. Зинченко, Л. И. Дементий, А. В. Карпов, А. Г. Ко-

валёв, И. С. Кон, К. К. Платонов, С. И. Рубинштейн, В. П. Прядин, В. В. Столин, И. М. Чеснокова, Р. Бернс, С. Клаус, В. Кристен, С. Уайли, Дж. Миллер и др.). Обширность взглядов и многоплановость исследований ответственности подчёркивает важность дальнейшего её изучения.

Сотрудники ОВД в силу прохождения оценки развития личностных и профессиональных качеств, специфической профессиональной подготовки имеют соответствующие компетенции и особый личностный профиль,

а также поведенческие шаблоны при осуществлении своей профессиональной деятельности. При этом каждый сотрудник является носителем уникального социального опыта, в котором отражается весь спектр связей и отношений с миром, с окружающими, с самим собой. Этот опыт содержит ценности, мотивы и убеждения, которые не зависят от требований профессионального сообщества. Опыт выражается в качествах и характеристиках личности сотрудника ОВД, формирует индивидуальный стиль деятельности, в том числе, в ситуациях, в которых необходимо сделать выбор. Оперативно-служебная деятельность сотрудников ОВД часто сопряжена с принятием быстрых и ответственных решений в эмоционально-напряженных ситуациях, в условиях неопределённой оперативной обстановки, ограничений по времени и чрезвычайных обстоятельств [12, с. 33]. На сегодняшний день в обществе в период политической и социальной нестабильности важность роли проявления ответственности сотрудниками ОВД нельзя переоценить.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение содержательных характеристик ответственности сотрудников ОВД с разным стилем принятия решений.

Были поставлены следующие задачи: определить основные содержательные характеристики ответственности как социально-психологической характеристики личности сотрудников ОВД; выделить основной стиль поведения сотрудников ОВД в ситуациях принятия решений; установить взаимосвязь между показателями ответственности и индивидуальным стилем принятия решений сотрудников ОВД.

Теоретический обзор исследуемой характеристики

Ответственность В. С. Юркевич рассматривает как конструктивное волевое качество, которое позволяет: спланировать собственную деятельность, поставить цель, выделить определённые этапы, в соответствии с которыми цель может быть достигнута, а также подчинить собственные личные мотивы, убеждения, принципы, нравственные категории выполняемой деятельности [14, с. 65]. Ответственность, с точки зрения Л. И. Дементий, предполагает наличие высокого уровня саморегуляции и самоконтроля личности, сформированность и произвольность по отношению к внешним нормам [5]. Ответственность, по мнению С. А. Гаврилушкина, является одним из наиболее значимых качеств личности: по его мнению, она представляет собой ядро профессионально важных качеств, от которых зависит эффективность профессиональной деятельности [4, с. 155]. Ответственность работающего специалиста, как правило, рассматривается с позиции волевого регуляторного качества, включающего принятие риска, понимание задач деятельности и мотивацию выполнить реализованное намерение [1, с. 71].

Ответственность является для человека средством регуляции не только своего поведения, но и всего процесса жизнедеятельности, а следовательно, во многом определяет и степень эффективности его профессиональной деятельности [6, с. 77]. Так, ответственность можно отнести к волевым субъектным проявлениям.

Существуют различные подходы к изучению ответственности, но если

опираться на существующие в науке обобщения, то основные подходы в исследовании ответственности заключаются в исследовании отдельных аспектов ответственности и системных исследованиях ответственности. В исследованиях отдельных сторон ответственности можно выделить следующие направления: соотношение свободы и ответственности, социальная и личная ответственность, ответственность как нравственная категория, соотношение внутреннего и внешнего в ответственности личности, ответственность как действие, ответственность с позиций каузальной атрибуции, воспитание ответственности. С позиции системного подхода ответственность исследуется со следующих сторон: анализ взаимодействия функциональных блоков, системный анализ качества ответственности [8, с. 8].

По мнению В. П. Прядеина, рассмотрение ответственности как системного качества личности предполагает рассмотрение функционального единства мотивационных, эмоциональных, когнитивных, динамических, регуляторных и результативных составляющих [8, с. 21].

При всём многообразии взглядов на проблему социальной ответственности стоит подчеркнуть, что данный феномен постоянно меняется по мере развития общества, он совершенствуется и видоизменяется. Следовательно, требуется поиск новых научно обоснованных и современных подходов к организации процесса её формирования [10, с. 48]. Изучение ответственности применительно к профессиональной деятельности и выделение категории «профессиональная ответственность» подробно представлены в работах

С. В. Быкова. Им рассматривается ответственность как специфический феномен личности, проявляющийся в системе регуляции и саморегуляции поведения человека [3].

Ответственность, будучи постоянной социально-психологической характеристикой личности, может проявляться в разных жизненных ситуациях, однако нигде не является настолько важной, как в ситуациях выбора, когда личность принимает решение.

В современных исследованиях всё больше появляется попыток рассмотреть процесс принятия решений в контексте повседневности человека и выявить связи с отдельными личностными характеристиками, состояниями личности [2; 15].

Социальная ответственность связывает личное поведение с ожиданиями общества и играет ключевую роль в воздействии на эмоциональное состояние личности после принятия решения [15; 16].

Исходя из цели исследования и представленного теоретического обзора, сформулировано предположение о том, что существует взаимосвязь между выраженностью компонентов ответственности как социально-психологической характеристики личности и стилем принятия решений у сотрудников ОВД.

Организация процедуры и методы исследования

Исследование проводилось в два этапа, соответствующих поставленной цели. На первом этапе были изучены и проанализированы теория и практические наработки по проблеме исследования, в том числе федеральные

законы, нормативные правовые акты, регламентирующие служебную деятельность сотрудников полиции.

Второй (эмпирический) этап предусматривал решение основных задач исследования и проверку выдвинутой гипотезы.

В исследовании были использованы следующие методики: «Мельбурнский опросник принятия решений», МОПР (Melbourne Decision Making Questionnaire, MDMQ), направленный на диагностику одного из индивидуальных стилей принятия решений (бдительность, избегание, прокрастинация и сверхбдительность) [7]; методика «Многомерно-функциональной диагностики ответственности» (ОТВ-70) В. П. Прядеина, позволяющая комплексно диагностировать все компоненты ответственности и их переменные (динамический (ДЭ – динамическая эргичность, ДАЭ – динамическая аэргичность); мотивационный (МС – мотивация социоцентрическая, МЭ – мотивация эгоцентрическая); когнитивный (КО – когнитивная осмысленность, КОС – когнитивная осведомлённость); результативный (РП – результативность предметная, РС – результативность субъектная); эмоциональный (ЭС – эмоциональность стеническая, ЭА – эмоциональность астеническая); регуляторный (РИ – регуляторная интернальность, РЕ – регуляторная экстернальность) [9, с. 52].

Методом статистической обработки данных являлся частотный анализ, для изучения связи основных исследуемых параметров применялся коэффициент корреляции «r» Р. Спирмена [11, с. 223].

В исследовании приняли участие сотрудники ОВД мужского пола в количестве 30 человек в возрасте от 22

до 38 лет, проходящие службу в УМВД России по г. Вологда Вологодской области.

Результаты исследования

В таблице 1 представлены результаты первичной обработки по распределению встречаемости показателей отдельных переменных ответственности среди сотрудников ОВД по методике «Многомерно-функциональной диагностики ответственности» (ОТВ-70) В. П. Прядеина.

Анализируя таблицу, можно отметить, что чаще встречаются сотрудники, имеющие высокий показатель регуляторной интернальности (66,7%), т. е. люди, ориентированные регулировать трудовой процесс самостоятельно и выполнять ответственные дела, не опираясь на внешние обстоятельства. Выраженной характеристикой у сотрудников ОВД также являются показатели эргичности (63,3%), т. е. сотрудники зачастую являются самостоятельными, могут обходиться без организации контрольных мероприятий, характеризуются скрупулёзным выполнением профессиональных задач и важных поручений. У 63,3% сотрудников выражена характеристика «когнитивная осмысленность», у 56,7% – «эмоциональность стеническая».

Получается, большинство сотрудников ОВД понимают суть ответственности, у них сложилось целостное представление о ней, а выполнение ответственных дел вызывает положительные эмоции. Часто встречается ситуативное проявление таких компонентов ответственности, как мотивация социоцентрическая (63,3%) и мотивация эгоцентрическая (70%). Сотрудники в зависимости от

Таблица 1 / Table 1

Показатели ответственности сотрудников ОВД / Indicators of responsibility of police officers

Компоненты ответственности	Выраженность характеристики	Ситуативность проявления	Невыраженность характеристики
	%	%	%
ДЭ	63,3	33,3	3,3
ДАЭ	3,3	70	26,7
МС	36,7	63,3	0
МЭ	10	70	20
КО	63,3	36,7	0
КОС	6,7	66,7	26,7
РП	53,3	46,7	0
РС	43,3	50	6,7
ЭС	56,7	43,3	0
ЭА	23,3	66,7	10
РИ	66,7	30	3,3
РЭ	40	53,3	6,7
ТР	10	70	20
ИС	6,7	80	6,7

Источник: данные автора.

ситуации проявляют социально-значимую и личностно-значимую мотивации. Ситуативность проявления характерна для таких компонентов ответственности, как когнитивная осведомлённость (66,7% сотрудников), результативность субъектная (50% сотрудников), эмоциональность астеническая (66,7% сотрудников), регуляторная экстернальность (53,3% сотрудников). Отметим, у 70% сотрудников отмечается ситуативное проявление динамической азгичности, т. е. появление нерешительности, перенос ответственных дел. Такие данные объясняются нами большим объёмом работы у респондентов, работой в режиме многозадачности у сотрудников ОВД, возрастом респондентов, достаточной искренностью при запол-

нении опросников; не исключается объяснение результатов проявлением личностных характеристик, что говорит о необходимости реализации психологической работы с сотрудниками на стадиях адаптации, становления и продвижения на профессиональном пути.

Рассмотрим результаты диагностики по методике диагностики индивидуального стиля принятия решений, сотрудников ОВД. Из таблицы 2 видно, что среди испытуемых доминирующим стилем принятия решений сотрудников ОВД является бдительность (100%).

Как доминирующий стиль принятия решений стратегию бдительности выбирают 66,6% сотрудников ОВД, стратегии избегания и сверхбдитель-

Таблица 2 / Table 2

Показатели стиля принятия решений сотрудников ОВД / Indicators of the decision-making style of police officers

Стили принятия решений	Высокий уровень показателей	Средний уровень показателей	Низкий уровень показателей
	%	%	%
Бдительность	66,6	33,3	0
Избегание	3,3	73,3	23,3
Прокрастинация	0	10	90
Сверхбдительность	3,3	20	76,6

Источник: данные автора.

ности выбирают по 3,3% респондентов. Совсем не выбирают стратегию прокрастинации – не встречаются сотрудники, у которых высокий уровень показаний был бы по этому критерию.

Полученные данные в отношении предпочтений сотрудниками ОВД ведущей стратегии принятия решений согласуются с данными других исследований [12, с. 36–37]. Так, ориентация на стиль принятия решений «бдительность» является самой предпочитаемой у участников исследования. Такая ориентация включает в себя учёт возможностей, связанных с оценкой выбора и поиском информации.

Обращает на себя внимание и распространённость выбора стиля принятия решений «избегание» (у 73,3% сотрудников встречается средний уровень его проявления). Допускаем, что это может быть связано с достаточной регламентированностью профессионального сообщества. Выбор стиля принятия решений «избегание» также может быть связан с внешними ограничениями в самостоятельности принятия решений их сотрудников.

С помощью корреляционного анализа были получены взаимосвязи между содержательными характери-

стиками ответственности сотрудников ОВД и предпочитаемым стилем принятия решений. Данные представлены в таблице 3.

Установлена связь между стилем принятия решений «бдительность» с эмоциональностью стенической ($r_s=0,371$, при $p<0,05$) и решением трудностей ($r_s=0,372$, при $p<0,05$). Установлена связь между сверхбдительностью и динамической эргичностью ($r_s=0,494$, при $p<0,01$), когнитивной осмысленностью ($r_s=0,408$, при $p<0,05$), результативностью предметной ($r_s=0,456$, при $p<0,05$), эмоциональностью стенической ($r_s=0,518$, при $p<0,01$), регуляторной интернальностью ($r_s=0,56$, при $p<0,01$) и решением трудностей ($r_s=0,39$, при $p<0,05$). Показатели по стилям принятия решений «избегание», «прокрастинация» и компонентами ответственности близки к 0, что свидетельствует об отсутствии связи.

Так, те сотрудники, которые выбирают стиль принятия решений «бдительность» (в нашем исследовании эту стратегию выбирает большинство сотрудников), относятся внимательно к своим ответственным профессиональным задачам, относят их к трудностям, но при этом испытывают в процессе

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь стилей принятия решений и показателей ответственности у сотрудников ОВД / The relationship between decision-making styles and indicators of responsibility among police officers

Название шкал	Бдительность	Избегание	Прокрастинация	Сверхбдительность
ДЭ	0,295	0,104	0,169	0,494**
ДАЭ	-0,042	-0,007	0,091	-0,003
МС	0,08	-0,058	-0,097	0,264
МЭ	0,222	-0,226	0,147	0,213
КО	0,201	0,052	-0,041	0,408*
КОС	0,026	0,019	0,048	0,035
РП	0,294	0,081	-0,098	0,456*
РС	0,233	0,122	0,256	0,325
ЭС	0,371*	-0,077	0,046	0,518**
ЭА	0,21	-0,174	0,164	0,296
РИ	0,207	-0,094	-0,135	0,56**
РЭ	0,183	0,061	0,244	0,023
ТР	0,372*	-0,119	-0,021	0,39*
ИС	0,289	0,132	0,088	0,023

** $p < 0,01$, * $p < 0,05$

Источник: данные автора.

выполнения или завершения профессиональных задач положительные эмоции.

Выбор стиля принятия решений «избегание» или «прокрастинация» не связан с выраженностью характеристик ответственности. Сверхбдительные сотрудники ОВД ориентированы на высокий внутренний контроль деятельности, они проявляют высокую самоотдачу, работают осмысленно, ориентированы на результат. Сотрудников с преобладающим данным стилем в исследовании меньшинство, но здесь обозначаются риски профессионального выгорания.

Заключение

В процессе достижения цели исследования по изучению содержательных характеристик ответственности со-

трудников ОВД с разным стилем принятия решений нам удалось сделать несколько заключений в соответствии с сформулированными задачами:

- основными содержательными характеристиками ответственности у сотрудников ОВД являются следующие компоненты ответственности: регуляторная интернальность, динамическая эргичность, когнитивная осмысленность и эмоциональность стеническая. Это указывает на то, что сотрудники умеют брать ответственность на себя, понимают её суть, являются самостоятельными, внимательными к выполнению профессиональных задач, выполнение ответственных дел вызывает у них положительные эмоции;

- преобладающим индивидуальным стилем поведения сотрудников ОВД в ситуациях принятия решений является

бдительность. Бдительность включает в себя рациональное и неимпульсивное рассмотрение альтернатив, уточнение задачи и цели. Этот стиль принятия решений также относят к единственному копингу, который позволяет принимать рациональные решения [7]. Сотрудники, использующие такую стратегию, склонны более подробно изучать все варианты решения проблемы, часто готовы возлагать на себя ответственность за принятое ими решение;

– установлена взаимосвязь между показателями ответственности «эмоциональная стеничность», «трудности» и преобладающим индивидуальным стилем принятия решений

«бдительность» у сотрудников ОВД, что указывает на то, что сотрудники при таком стиле принятия решений хотя и переживают трудности, но и испытывают в процессе выполнения или завершения профессиональных задач положительные эмоции.

Полученные выводы подтверждают возможность прогнозировать ответственное поведение сотрудников ОВД при выборе ими стиля принятия решений и делать выбор в пользу того или иного способа организации работы психологов и руководителей с данной профессиональной категорией.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер К. А., Быстрова Е. В. Выгорание и аутентичность военного специалиста с позиций профессиональной ответственности // Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 8–10 октября 2020 г. Омск: Омский государственный университет, 2020. С. 71–73.
2. Булавина В. Н. Исследование личностных особенностей принятия решений // Интерактивная наука. 2022. № 4 (69). С 39–41. DOI: 10.21661/r-556560.
3. Быков С. В. Психология профессиональной ответственности (теория, исследования, тренинг): монография. Харьков: Гуманитарный центр, 2021. 148 с.
4. Гаврилушкин С. А. Ответственность как профессиональное качество личности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1 (15). С. 155–157.
5. Дементий Л. И. Ответственность как ресурс личности: монография. М.: Информ-Знание, 2005. 188 с.
6. Ежова О. Н., Ушков Ф. И. Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Психология и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 72–85. DOI: 10.17759/psylaw.2021110206 (дата обращения: 06.08.2023).
7. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования: [сайт]. 2013. № 6 (31). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671> (дата обращения: 06.08.2023).
8. Пряжеин В. П. Ответственность как системное качество личности. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 209 с.
9. Пряжеин В. П. Психодиагностика личности: избранные психологические тесты. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2014. 215 с.
10. Рерке В. И., Демако В. И., Портна Я. А. Методологические аспекты изучения категории «ответственность» в научной литературе // Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: материалы

- Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 8–10 октября 2020 г. Омск: Омский государственный университет, 2020. С. 46–48.
11. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.
 12. Стрельникова Ю. Ю., Пашечко Е. Б. Особенности социального интеллекта и стратегий принятия решений у сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3 (56). С. 30–39. DOI: 10.33463/2072-8336.2021.3(56).030-039.
 13. Тимофеева В. А. Ответственность как системное качество личности и ее существенные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 3. С. 40–44.
 14. Юркевич В. С. Об индивидуальном подходе в воспитании волевых привычек. М.: Знание, 2016. 367 с.
 15. Li P., Shen Y., Sui X. The Neural Basis of Responsibility Attribution in Decision-Making [Электронный ресурс] // PLoS ONE. № 8 (11). URL: <https://journals.plos.org/plosone> (дата обращения: 07.08.2023).
 16. Schlenker B. R., Miller M. L., Johnson R. M. Moral identity, integrity, and personal responsibility // Personality, Identity, and Character: Explorations in Moral Psychology. New York: Cambridge University Press, 2009, pp. 316–340.
 17. Wake S., Wormwood J., Satpute A. B. The influence of fear on risk taking: A meta-analysis // Cognition & Emotion. 2020. № 34 (6). P. 1143–1159. DOI: 10.1080/02699931.2020.1731428.

REFERENCES

1. Bocharov K. A., Bystrova E. V. [Burnout and authenticity of a military specialist from the standpoint of professional responsibility]. In: *Social'naya, professional'naya i personal'naya otvetstvennost' lichnosti v sovremennoy obshchestve: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Omsk, 8–10 oktyabrya 2020 g.* [Social, professional and personal responsibility of the individual in modern society: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Omsk, 8–10 October 2020]. Omsk, Omsk State University Publ., 2020, pp. 71–73.
2. Bulavina V. N. [Study of personal characteristics of decision making]. In: *Interaktivnaya nauka* [Interactive science.], 2022, no. 4 (69), pp. 39–41. DOI: 10.21661/r-556560.
3. Bykov S. V. *Psikhologiya professional'noy otvetstvennosti (teoriya, issledovaniya, treniny)* [Psychology of professional responsibility (theory, research, training)]. Harkov, Humanitarian Center Publ., 2021. 148 p.
4. Gavrilushkin S. A. [Responsibility as a professional quality of a person]. In: *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of science of Togliatti State University], 2011, no. 1 (15), pp. 155–157.
5. Dementij L. I. *Otvetstvennost' kak resurs lichnosti* [Responsibility as a personal resource]. Moscow, Inform-Znanie Publ., 2005. 188 p.
6. Ezhova O. N., Ushkov F. I. [Responsibility as a professionally significant quality of prison officers of the Russian Federation]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 72–85. DOI: 10.17759/psylaw.2021110206 (accessed: 06.08.2023).
7. Kornilova T. V. [Melbourne Decision Making Questionnaire: Russian-language adaptation]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2013, no. 6 (31). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671> (accessed: 06.08.2023).
8. Pryadein V. P. *Otvetstvennost' kak sistemnoe kachestvo lichnosti* [Responsibility as a systemic quality of personality]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 209 p.

9. Pryadein V. P. *Psihodiagnostika lichnosti: izbrannyye psihologicheskie testy* [Psychodiagnostics of personality: selected psychological tests]. Surgut, Surgut State Pedagogical University Publ., 2014. 215 p.
10. Rerke V. I., Demako V. I., Portna Ya. A. [Methodological aspects of studying the category "responsibility" in scientific literature]. In: *Social'naya, professional'naya i personal'naya otvetstvennost' lichnosti v sovremennom obshchestve: materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Omsk, 8–10 oktyabrya 2020 g.* [Social, professional and personal responsibility of the individual in modern society: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, Omsk, October 8–10, 2020]. Omsk, Omsk State University Publ., 2020, pp. 46–48.
11. Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoy obrabotki v psihologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2003. 350 p.
12. Strelnikova Yu. Yu., Pashechko E. B. [Features of social intelligence and decision-making strategies among employees of internal affairs bodies]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied legal psychology], 2021, no. 3 (56), pp. 30–39. DOI: 10.33463/2072-8336.2021.3(56).030-039.
13. Timofejcheva V. A. [Responsibility as a systemic quality of a person and its essential features]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and pedagogy], 2008, no. 3, pp. 40–44.
14. Yurkevich V. S. *Ob individual'nom podhode v vospitanii volevyh privyчек* [On an individual approach to the education of volitional habits]. Moscow, Znanie Publ., 2016. 367 p.
15. Li P., Shen Y., Sui X. The Neural Basis of Responsibility Attribution in Decision-Making. In: *PLoS ONE*, no. 8 (11). Available at: <https://journals.plos.org/plosone> (accessed: 07.08.2023).
16. Schlenker B. R., Miller M. L., Johnson R. M. Moral identity, integrity, and personal responsibility. *Personality, Identity, and Character: Explorations in Moral Psychology*. New York, Cambridge University Press, 2009, pp. 316–340.
17. Wake S., Wormwood J., Satpute A. B. The influence of fear on risk taking: A meta-analysis. In: *Cognition & Emotion*, 2020, no. 34 (6), pp. 1143–1159. DOI: 10.1080/02699931.2020.1731428.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Удальцова Мария Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: m_ydalcova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria O. Udaltsova – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Assoc. Prof. of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service;
e-mail: m_ydalcova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Удальцова М. О. Взаимосвязь ответственности как социально-психологической характеристики личности сотрудников ОВД с предпочитаемым стилем принятия решений // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 97–108.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-97-108

FOR CITATION

Ydal'sova M. O. The relationship of responsibility as a socio-psychological characteristic of the personality of ATS employees with the preferred decision-making style. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 3, pp. 97–108.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-97-108

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-109-122

ТРУДНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В РОССИИ

Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Кучева Н. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация

Цель. Эмпирическое обоснование модели и апробация схемы изучения психологических трудностей профессионализации специалистов информационных технологий в разных условиях и ситуациях профессиональной деятельности: индивидуально, в команде, в качестве руководителя проекта.

Процедура и методы. Проанализировано 87 статей и 32 интернет-ресурса, характеризующих особенности труда ИТ-специалистов. Выявлены положительные и негативные стороны такого труда. Проведены опросы с использованием специально разработанной анкеты по выявлению трудностей профессионализации, тестирование по определению индивидуальных особенностей. Использованы тест Е. Хейма, мотивационный профиль Ш. Ричи и П. Мартин в адаптации А. В. Булгакова, ассоциативные методики изучения профессиональной идентичности Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева, диагностика организационной культуры К. Камерон, Р. Куинн. Выборка составила 148 человек, из них 12 – руководители ИТ-организаций, 48 – люди, работающие индивидуально, 88 человек – коллективно. Полученные данные подверглись математико-статистической обработке. Использован критерий Краскела-Уоллиса для независимых выборок на уровне $p \leq 0,01$.

Результаты. Определены негативные стороны труда ИТ-специалистов: работа после работы, низкий старт в карьере, высокая конкуренция в будущем, высокие умственные нагрузки, сидячая работа, нагрузка на органы зрения. Выявлены основные группы психологических трудностей. *На индивидуальном уровне:* различаются: 1) мотивы профессиональной деятельности среди социальных контактов, завоевания признания со стороны других людей, влияния и власти, совершенствования; 2) в когнитивной сфере: наличие критического мышления; умение искать взаимосвязи между явлениями; усидчивость; внимательность; самоорганизованность; нестандартный подход к решению поставленных и неожиданно возникающих задач; понимание необходимости постоянно учиться; использование иностранного языка с коллегами в профессиональном взаимодействии, в работе документами; знание компьютера, современных ИТ-технологий и ИТ-

© СС ВУ Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Кучева Н. А., 2023.

программ; 3) в эмоциональной сфере различаются уровни эмоционального выгорания, самообладания. На уровне межличностного и внутригруппового взаимодействия трудности определяются: в навыках презентации сделанного; ответственности; умении работать в команде; проявлениях исполнительности. Выявлены трудности, детерминированные отличиями в структурах организационных культур компаний, связанных с вхождением ИТ-специалиста в её подразделения: порядок и творчество. Отличий в профессиональной идентичности не выявлено. Профессиональная идентичность всех сравниваемых категорий ИТ-специалистов имеет высокий и средний уровни. Определены отличия в использовании копинг-стратегий: разрешение проблем; социальная поддержка; избегание проблем. Выявлено различие в распределении адаптивных когнитивных стратегий, неадаптивных когнитивных стратегий, поведенческих копингов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана модель схемы изучения психологических трудностей профессионализации ИТ-специалистов в разных условиях и ситуациях профессиональной деятельности. Результаты могут быть положены в основу сопровождения профессионального становления ИТ-специалистов.

Ключевые слова: психологические трудности, профессионализация, ИТ-специалист, профессиональная деятельность, работа, преодоление, мотивация, организационная культура, условия и ситуации профессиональной деятельности

DIFFICULTIES OF PROFESSIONALIZATION OF IT SPECIALISTS IN RUSSIA

A. Bulgakov, E. Bulgakova, N. Kucheva

State University of Education

ul. Very Voloshinoy, 24, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Empirical substantiation of the model and approbation of the scheme for studying the psychological difficulties of the professionalization of IT specialists in different conditions and situations of professional activity: individually, in a team, as a project manager.

Procedure and methods. 87 articles and 32 Internet resources were analyzed to characterize the peculiarities of the work of IT specialists. The positive and negative aspects of the work of IT specialists are revealed. Surveys were conducted using a specially designed questionnaire to identify the difficulties of professionalization, testing to determine individual features. The test of E. Heim, the motivational profile of S. Ritchie and P. Martin, adapted by A.V. Bulgakov, associative methods of studying social identity L.B. Schneider, V.V., Khrustaleva diagnostics of organizational culture K., Cameron R. Quinn. The sample was 148 people, of which 12 are managers, 48 are individually working people, 88 are members of a team. The obtained data were subjected to mathematical and statistical processing. The Kruskal-Wallis test was used for independent samples at $p \leq 0.01$.

Results. The negative aspects of the work of IT specialists are identified: work after work, low start in a career, high competition in the future, high mental stress, sedentary work, strain on the organs of vision. The main groups of psychological difficulties are revealed. At the individual level: there are 1) motives for professional activity in social contacts, at the level of significance, in gaining recognition from other people, in influence and power, in improvement. 2) In the cognitive sphere: the presence of critical thinking; the ability to look for relationships between phenomena; perseverance; mindfulness; self-organization; non-standard approach to solving

the set and unexpectedly arising tasks; understanding of the need to constantly learn. Use of a foreign language with colleagues in professional interaction, in work with documents; computer knowledge; modern IT technologies and IT programs. 3) In the emotional sphere, the levels of emotional burnout are different; self-control. At the level of interpersonal and intragroup interaction, difficulties are determined in the skills of presenting what has been done; responsibility; ability to work in a team; manifestations of diligence. Difficulties determined by differences in the structures of organizational cultures of companies associated with entering its divisions are revealed: order and creativity. There were no differences in professional identity. Professional identity of all compared categories of IT professionals have high and medium levels of professional identity. Differences in the use of coping strategies were determined: problem solving; social support; problem avoidance. A difference was found in the distribution of adaptive cognitive strategies; maladaptive cognitive strategy; behavioral copings.

Theoretical and/or practical significance. A model of a scheme for studying the psychological difficulties of the professionalization of IT specialists at different stages of professional activity has been developed. The results can be used as the basis for supporting the professional development of IT specialists.

Ключевые слова: psychological difficulties, professionalization, IT specialist, professional activity, work, overcoming, motivation, organizational culture, conditions and situations of professional activity.

Введение

В России в аккредитованных ИТ-компаниях работает до полумиллиона человек¹. Однако такого количества явно не хватает в реальной экономике, востребованность на рынке труда очевидна. «ИТ-специалист – широкое понятие, объединяющее в себе представителей многих профессий, работающих в области информационных технологий: программистов, разработчиков, администраторов сетей и баз, модераторов, специалистов по робототехнике, по информационной безопасности, web-дизайнеров и даже 3D-аниматоров. С проникновением информационных технологий во все новые сферы деятельности появляются новые профессии для ИТ-специалистов»².

¹ Чернышенко Д. Полмиллиона айтишников получили поздравления от Дмитрия Чернышенко [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comnews.ru> (дата обращения: 06.01.2023).

² ИТ-образование в Чехии. Выбираем специ-

Характеристики работы ИТ-специалистов, с одной стороны, прозрачны. «Значительную часть рабочего времени такие сотрудники проводят перед компьютером. Большинство из них применяют в своей работе знания языков программирования, языков разметки, применяют различные графические редакторы»³. С другой – карьера ИТ-специалистов не оканчивается индивидуальным уровнем профессионализма. «ИТ-специалист – творческая профессия. Он создаёт что-то новое, разрабатывает программы и приложения, реализует идеи. Конечно, в работе ИТ-специалиста много и рутины: написание кода для программы или сайта, или создание целой системы защиты для

альность и вуз [Электронный ресурс]. URL: http://studyagency.org/it_education_in_cz (дата обращения: 10.05.2023).

³ ИТ-специалист. Центр опережающей профессиональной подготовки Самарской области [Электронный ресурс]. URL: <http://corp63.ru/professions/1> (дата обращения: 10.05.2023).

компьютерной сети занимают не одну неделю. Чтобы получить задуманный результат, ИТ-специалист вынужден снова и снова проверять и перепроверять свою работу, исправлять ошибки, устранять баги»¹; «Как правило, работа ИТ-специалистов всегда ограничена сроками, поэтому этим специалистам должна быть присуща исполнительность и ответственность, самоконтроль. Им нужны внимательность, склонность к критическому мышлению и хорошая память. ИТ-специалистам приходится взаимодействовать с людьми: заказчиками, начальством, подчинёнными, коллегами, пользователями. Им требуются коммуникабельность, вежливость и умение работать в команде»²; «Работа над серьёзными проектами или работа в крупных государственных структурах (например, министерствах) может потребовать от ИТ-специалистов ещё и хладнокровности и самообладания, особенно в случае возникновения каких-либо сбоев или ошибок в системе. ИТ-специалисты могут работать на себя, удалённо выполняя заказы, либо в офисе, лично взаимодействуя с другими специалистами. По результатам анкетирования, ИТ-специалисты имеют минимальные карьерные возможности. Это совсем не зависит от самого человека, просто профессия ИТ-специалиста не имеет схемы карьерного роста»³.

¹ ИТ-специалист. Центр опережающей профессиональной подготовки Самарской области [Электронный ресурс]. URL: <http://сorr63.ru/professions/1> (дата обращения: 10.05.2023).

² ИТ-специалист. Описание профессии [Электронный ресурс]. URL: https://moeobrazovanie.ru/professions_it_specialist.html (дата обращения: 10.05.2023).

³ Там же.

Нами разделяются представления о ситуации и условиях профессиональной деятельности. Рамки ситуации ограничиваются «отношением субъективной интерпретации и оценки внешних условий к оценке личностных ресурсов в соответствии с целью и наличным опытом, а механизм связывается с рефлексивной регуляцией деятельности»⁴. В статье рассмотрены ситуации обычные, в которых сложившиеся способы действий соответствуют требованиям заказчика работ. Такие работы, скорее, производят те ИТ-специалисты, которые действуют индивидуально. Коллективная работа более ресурсна, здесь подключаются потенциал функциональных систем профессиональной деятельности, содержательно раскрывается опыт членов профессиональной группы. Такие ИТ-специалисты функционируют в ситуациях напряжённых, «характеризующихся необходимостью действовать на пределе возможностей при наличии опыта» [9]. В ситуациях неопределённости работают руководители ИТ-организаций.

Затруднения, барьеры, трудности профессионализации изучались в контексте проблемы профессионального становления специалиста [4; 11; 12], традиционно понимаемого как двуединый процесс и формирования отношения к профессии, степени эмоционально-личностной вовлечённости в неё, и накопления опыта практической деятельности, профессионального со-

⁴ Использован фрагмент выводов из аннотации статьи: Солнцева Г. Н. Условия и ситуации профессиональной деятельности – типы и перспективы изменений // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 2. С. 74.

вершенствования и приобретения мастерства¹ [8]. Результаты вошли в концепции профессиональной надёжности личности специалистов различных областей деятельности [5; 7; 10; 11], стали основой технологий преодоления проблемных ситуаций², психологического совладания со стрессом [6], ежегодно обсуждаемых на научных конференциях³.

Дизайн исследования

Целью исследования является обоснование модели и схемы изучения психологических трудностей в обычных условиях и ситуациях профессиональной деятельности ИТ-специалистов, работающих индивидуально, в команде, в качестве руководителя проекта, подразделения, компании. Результаты могут быть положены в основу сопровождения профессионального становления ИТ-специалистов.

Используя лучшие и часто цитируемые научные работы [2; 3], сформируем гипотезы, которые реализуют цели исследования:

1. ИТ-специалисты сталкиваются с основными группами психологических трудностей, негативно влияющих на их профессионализацию, которые можно разделить на три группы:

- во-первых, личностные, связанные с индивидуальными особенностями – мотивационными, психодинамическими, операциональными;

- во-вторых, социально-психологические, представленные межличностным и внутригрупповым взаимодействием;

- в-третьих, организационно-психологические, включающие культурно-организационные аспекты компании, её подразделений.

2. Стратегии преодоления психологических трудностей профессионализации у ИТ-специалистов амбивалентны и разнонаправлены. Конструктивные стратегии способствуют росту профессионализма, деструктивные приводят к затруднениям в профессиональной деятельности, смене профессии, к увольнению [2].

Процедура, модель изучения, методы и результаты

Представленное в статье исследование проходило в два этапа.

На первом этапе на основе психологического анализа научной и научно-практической литературы определялась степень разработанности проблемы изучения трудностей в профессиональной деятельности ИТ-специалистов, конкретизировались сущность и специфика предмета исследования, его составляющие и характеристики, определялся и апробировался комплекс методик, позволивших осуществить проверку выдвинутых гипотез [2].

¹ Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.

² Набиуллина Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): учебное пособие. Казань: Казанская государственная медицинская академия, 2003. С. 17–44.

³ VI Международная научная конференция «Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределённости», 22–24 сентября 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coping-kostroma.com/index.php/2-pages/139-vi-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya> (дата обращения: 10.05.2023).

Здесь использовались такие методы, как:

1. Анализ источников, раскрывающих различные аспекты профессионализации ИТ-специалистов. Использовались: должностные инструкции; учебно-методические пособия, научные исследования, диссертации, статьи и др.

2. Опросы для корректировки гипотез и инструментария проводимого исследования. Изучались мнения о содержании процесса профессионализации, о её условиях и ситуациях, выявлялись трудности.

На втором этапе выявлялась специфика трудностей ИТ-специалистов и разрабатывалась их типология, устанавливались особенности их преодоления, оценивалась эффективность

преодолевающих стратегий [2]. Была построена модель изучения трудностей профессионализации ИТ-специалиста (рис. 1), подобраны диагностические инструменты. На данном этапе изучение проводилось при помощи следующих инструментов:

1) специально разработанного для данного исследования опросника, созданного с помощью Гугл-формы;

2) тестирования специалистов информационных технологий с применением теста Е. Хейма¹, выявляющего когнитивные, эмоциональные и по-

¹ Набиуллина Р. Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): учебное пособие. Казань: Казанская государственная медицинская академия, 2003. С. 17–44.

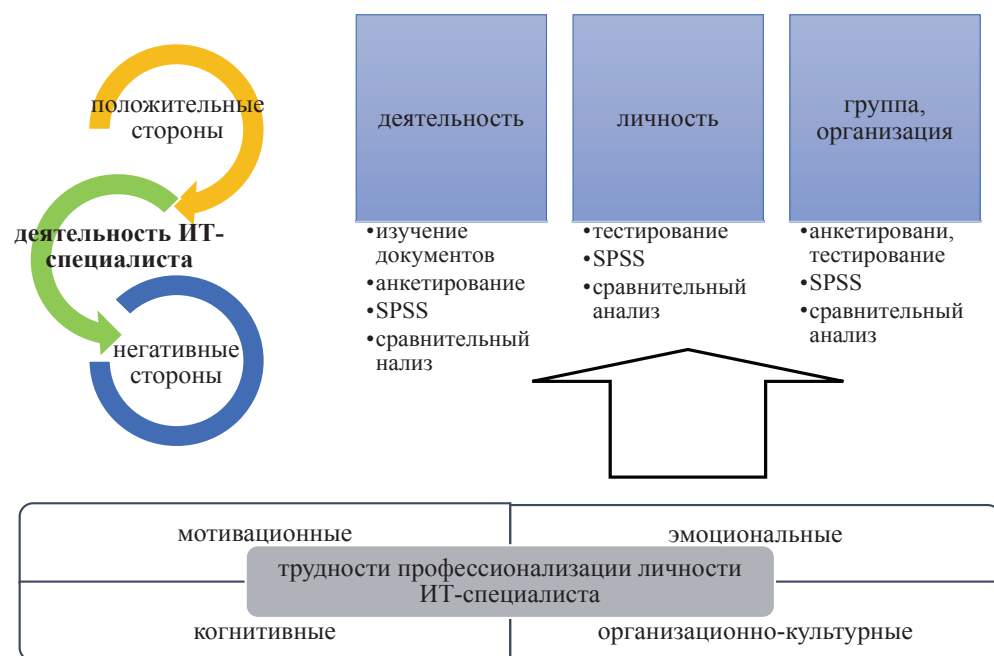

Рис. 1 / Fig. 1. Модель изучения трудностей профессионализации ИТ-специалиста / Model study of the difficulties of professionalization of an IT specialist

Источник: данные авторов.

веденческие составляющие, используемые в проблемных ситуациях для преодоления трудностей; методики «Индикатор копинг-стратегий»¹, направленной на определение 3 базисных стратегий преодоления трудностей: разрешение проблемы, поиск социальной поддержки, избегание проблемы, – а также их соотношения в структуре поведения по преодолению трудных ситуаций;

3) изучения организационной культуры [4], профессиональной мотивации [1], профессиональной идентичности², структуры профессиональной группы в рамках модели Такмана [13];

4) корреляционного анализа для определения связей между показателями, полученными в результате применения различных методик и обеспечения достоверности результатов.

Модель изучения трудностей профессионализации ИТ-специалиста включает изучение трудностей, вызванных собственно деятельностью ИТ-специалиста, и трудностей, детерминированных особенностями его личности. При этом изучение личности в контексте мотивационной, эмоциональной, когнитивной, организационно-культурной сфер личности ИТ-специалиста нас интересует в большей степени, т. к. оно позволит оптимизировать процесс профессионализации ИТ-специалистов с помощью психологических методов, работать в базовой для психологии труда области – изуче-

ние субъекта труда. Деятельность ИТ-специалиста – в значительной степени закрытая область. Здесь психолог в основном использует экспертные методы её оценки. Авторская интроспекция, обращение к собственному профессиональному опыту как ИТ-специалиста, рефлексия деятельности отсутствуют.

Результаты изучения трудностей профессионализации ИТ-специалиста

Результаты 1 этапа исследования.

Нами проанализировано 87 статей и 32 интернет-ресурса. Данные, характеризующие особенности труда ИТ-специалистов, были сведены в единую схему, в основу которой был положен принцип амбивалентности при изучении психологических явлений [1]. Представим результаты.

Труд ИТ-специалиста одновременно творческая профессия со значительным количеством рутины, однообразных, повторяющихся операций. ИТ-специалист часто создаёт что-то новое, оригинальное, разрабатывает программы и приложения, реализует идеи. «Но написание кода для программы или сайта, или создание целой системы защиты для компьютерной сети занимает не одну неделю»³.

Многообразие форм труда: индивидуальный, совместный, смешанный. Так, «ИТ-специалисты могут работать на себя, удалённо выполняя заказы, либо в офисе, лично взаимодействуют с другими специалистами. Без специалистов по информационным технологиям сегодня не обойдутся ни коммер-

¹ Амирхан Дж. Индикатор копинг-стратегий [Электронный ресурс]. URL: <https://psytests.org/coping/csi.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Фуколова Ю. Кадров под цифрой [Электронный ресурс]. URL: http://www.interface.ru/iarticle/files/39884_49142845.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

³ Порядина В. Р. ИТ-специальности – ключ к успешному будущему? [Электронный ресурс]. URL: <https://school-science.ru/3/4/32116> (дата обращения: 10.05.2023).

ческие структуры, ни государственные организации»¹.

Образование. «С одной стороны, для работы по профессии ИТ-специалиста обязательно нужно иметь диплом о высшем профессиональном образовании по соответствующей специальности или по такой специальности, которая позволяет работать ИТ-специалистом (смежная или похожая специальность). Среднего профессионального образования недостаточно для того, чтобы стать ИТ-специалистом»². С другой – в профессию приходят люди, постоянно повышающие свой уровень владения ИТ, владеющие навыками, ценностями и идеями, позволяющими развивать область деятельности компании.

ИТ-специалист должен иметь одно- временно хорошую физическую подготовку, высокую силовую выносливость и крепкое здоровье и высокий интеллектуальный уровень. Такая дихотомия ломает представление, стереотип восприятия обществом ИТ-специалиста.

Условия труда. Заработная плата напрямую зависит от уровня профессиональных компетенций. Она может быть больше, чем у топ-менеджеров компании. Чаще к работе с ИТ-специалистами наряду со стандартным соцпакетом (официальным трудоустройством, оплачиваемым отпуском и больничным, прибавкой к жалованию за выслугу лет) применя-

ют: гибкий график работы, оплачиваемые обеды, бесплатный абонемент в спортзал или бассейн.

Значительная зарплата и минимальные карьерные возможности ИТ-специалистов. «Профессия ИТ-специалиста не имеет схемы карьерного роста»³.

Работа вне времени и пространства, где главное – исполнительность и ответственность, самоконтроль. Работа ИТ-специалиста не ограничена офисным пространством и строгими рамками рабочего дня. Здесь проявляются когнитивные особенности: внимательность, склонность к критическому мышлению и хорошая память. «Аналитический склад ума позволит специалисту проводить самые сложные операции, разрабатывать компьютерные программы, работать с вычислительной техникой. Работа в крупных государственных структурах может потребовать от ИТ-специалиста хладнокровности и самообладания, в случае возникновения каких-либо сбоев или ошибок в системе»⁴.

Одновременная работа с компьютером и взаимодействие с людьми: заказчиками, руководителями, подчинёнными, коллегами, пользователями. «Отсюда для ИТ-специалистов важны такие качества, как коммуникабельность, вежливость и умение работать в команде»⁵, хорошее знание английского языка, ставшего международным в

¹ ИТ-специалист. Центр опережающей профессиональной подготовки [Электронный ресурс]. URL: <http://corp63.ru/professions/1> (дата обращения: 10.05.2023).

² ИТ-специалист. Описание профессии [Электронный ресурс]. URL: https://moeobrazovanie.ru/professions_it_specialist.html (дата обращения: 10.05.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Что такое специалист ПО. Кто такой специалист по персоналу и чем он занимается [Электронный ресурс]. URL: <https://zobiki.ru/agribusiness/chto-takoe-specialist-po-kto-takoi-specialist-po-personalu-i-chem-on> (дата обращения: 10.05.2023).

сфере информационных технологий, и одновременное знание математики: Data Scientists, Machine Learning, Big Data, Data Engineer.

Таким образом, положительное и негативное в профессии ИТ-специалиста, по материалам собственных данных и результатов образовательного ИТ-портала GeekBrains, представлены в таблице 1.

Нарушение гармонии в представленной дихотомии является основой проявления трудностей профессионализации. Основным диагностическим инструментом здесь является изучение результатов ранее проведённых исследований (изучение документов), опрос ИТ-специалистов, работающих в разных формах совместной деятельности (индивидуальной, коллективной, в качестве руководителя) с последующим сравнением полученных результатов.

Собственно трудности профессионализации можно разделить на мотивационные, когнитивные, эмоциональные, организационно-культурные (рис. 1), которые также было возможно

выявить в ходе сравнительного анализа результатов тестирования соответствующими методиками 3-х групп ИТ-специалистов.

Результаты 2-го этапа исследования.

После опросов, проведённых на трёх выборках ИТ-специалистов общим составом 148 чел. (12 руководителей, 48 человек, работающих индивидуально, 88 человек – коллективно), полученные данные подверглись математико-статистической обработке. Использование критерия Краскела-Уоллиса для независимых выборок показало, что группы различаются.

Мотивационные различия в психологических трудностях ИТ-специалистов, негативно влияющие на их профессионализацию:

– имеются отличия в мотивационном профиле: МФ4 (потребность в социальных контактах: общение с широким кругом людей, доверительность, тесная связь с коллегами), уровень значимости $p=0,015$, МФ6 (потребность в завоевании признания со стороны дру-

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнительного анализа положительных и отрицательных сторон профессиональной деятельности ИТ-специалиста / The results of a comparative analysis of the positive and negative aspects of the professional activity of an IT specialist

Положительное	Негативное
Хорошая зарплата	Работа после работы
Возможности для роста	Низкий старт в карьере
Большая востребованность на рынке труда	Высокая конкуренция в будущем
Качество труда	Высокие умственные нагрузки
Работа интеллектуальная	Сидячая работа
Возможность работать удалённо	Нагрузка на органы зрения

Источник: данные авторов;

Павленко А. ИТ-специалист – кто это? [Электронный ресурс].

URL: <https://otus.ru/nest/post/1396> (дата обращения: 10.05.2023);

Уйти в ИТ: чем хороша и чем плоха отрасль информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://hh.ru/article/305224> (дата обращения: 10.05.2023);

Таблица 2 / Table 2

Характеристика выборки ИТ-специалистов / Characteristics of the sample of IT professionals

Работают	Всего	Мужчины	Женщины	Возраст, диапазон	Образование высшее
Индивидуально	88	63	23	23–28	67%
В группе	48	28	20	24–43	85%
Руководитель	12	9	3	26–52	100%
Всего	148	102	46	23–52	84%

гих людей, в том, чтобы окружающие ценили заслуги, достижения и успехи индивидуума), уровень значимости $p=0,001$, МФ8 (потребности во влиятельности и власти, стремление руководить другими; настойчивое стремление к конкуренции и влиятельности), уровень значимости $p=0,017$, МФ11 (потребность в совершенствовании, росте и развитии как личности), уровень значимости $p=0,006$.

Организационно-культурные различия, влияющие на профессионализацию ИТ-специалистов:

– выявлены отличия в структурах организационных культур: порядок – $p=0,018$ и творчество – $p=0,014$

Отличий в профессиональной идентичности не выявлено. Профессиональная идентичность всех сравниваемых категорий ИТ-специалистов имеет высокий и средний уровни.

Когнитивные различия в психологических трудностях ИТ-специалистов, негативно влияющих на их профессионализацию, связанные с личностными особенностями познавательной сферы:

– в когнитивной сфере личности профессионала: наличие критического мышления – $p=0,026$; умение искать взаимосвязи между явлениями – $p=0,008$; усидчивость – $p=0,006$;

внимательность – $p=0,000$; самоорганизованность – $p=0,000$; нестандартный подход к решению поставленных и неожиданно возникающих задач – $p=0,001$; понимание необходимости постоянно учиться $p=0,003$.

– в стандартных компетенциях профессионала: использование иностранного языка с коллегами в профессиональном взаимодействии – $p=0,000$; использование иностранного языка в работе документами – $p=0,003$; знание компьютера – $p=0,000$; знания современных ИТ-технологий – $p=0,004$; знание современных ИТ-программ – $p=0,022$.

Эмоциональные различия в психологических трудностях ИТ-специалистов, негативно влияющих на их профессионализацию, связанными с вовлеченность в профессиональную деятельность:

– в эмоциональной сфере: эмоциональное выгорание – $p=0,020$; самообладание – $p=0,000$.

Различия в психологических трудностях ИТ-специалистов, негативно влияющих на их профессионализацию, в поведенческих трудностях, связанных с вхождением в организационную культуру компании, её подразделения, в межличностном и внутригрупповом взаимодействии:

– в условиях профессионализации на рабочем месте: низкий старт в карьере – $p=0,014$; удалённая работа – $p=0,027$; сидячая работа – $p=0,036$; профессиональное развитие – $p=0,009$; дружба на работе нецелесообразна – $p=0,002$; предоставлена возможность учиться – $p=0,000$;

– использовании копинг-стратегий в зависимости от характера профессионального взаимодействия: разрешение проблем – $p=0,022$; социальная поддержка – $p=0,004$; избегание проблем – $p=0,000$;

– в овладении базовыми компетенциями: навыки презентации сделанного – $p=0,019$; навык ответственности – $p=0,008$; умение работать в команде – $p=0,016$; умение быть исполнительным – $p=0,002$.

В целом в копинг-стратегиях в зависимости от сферы личности ИТ-специалиста: распределение адаптивных когнитивных стратегий – $p=0,027$; неадаптивных когнитивных стратегий – $p=0,035$; поведенческие копинги – $p=0,001$.

Именно здесь под адаптивными когнитивными копинг-стратегиями понимаются: «маскировка», «поддержание самоконтроля», «анализ проблемы», «относительность». Придача смысла, установка собственной ценности лежит в основе адаптивных методов познания [12]. Неадаптивные когнитивные стратегии: «смирение», «игнорирование» – это пассивные способы поведения: намеренное недооценивание проблемы, отказ от преодоления трудностей из-за неверия в собственные силы и интеллектуальные ресурсы. В основе поведенческих копинг-стратегий лежат «компенсация», «отвлечение внимания», «конструк-

тивная активность», позволяющие на время уйти от решения проблем с помощью алкоголя или лекарственных средств, погрузиться в любимое дело, или путешествовать.

Заключение

Исследованием достигнуты сформулированные цели. Теоретически разработана и эмпирически обоснована модель выявления психологических трудностей профессионализации ИТ-специалистов, работающих в разных ситуациях и условиях профессиональной деятельности: индивидуально, в команде, в качестве руководителя проекта. Считаем, что полученные результаты могут быть положены в основу сопровождения профессионального становления ИТ-специалистов.

Выявлены по меньшей мере три основных группы психологических трудностей, затрудняющие профессионализацию ИТ-специалистов: во-первых, личностные, связанные с индивидуальными особенностями – мотивационными, психодинамическими, операциональными; во-вторых, социально-психологические, связанные с межличностным и внутригрупповым взаимодействием; в-третьих, организационно-психологические, связанные с вхождением в организационную культуру компании, её подразделения.

Определены конструктивные и деструктивные стратегии преодоления психологических трудностей профессионализации у ИТ-специалистов, которые как способствуют росту профессионализма, так и приводят к затруднениям в профессиональной деятельности, смене профессии, к увольнению из организации, уходу из профессии.

Комплексная диагностика трудностей, вызванных собственно деятельностью ИТ-специалиста, и трудностей, детерминированных особенностями его личности, позволила выявить мотивационные, когнитивные, организационно-культурные трудности ИТ-специалистов. Выявлено отсутствие влияния на них профессиональной идентичности. В свою очередь, подтверждены значение стандартных компетенций в области ИТ, значение уровня овладения базовыми компетенциями выстраивания коммуникаций в межличностном и внутригрупповом взаимодействиях. Определено значение условий профессионализа-

ции на рабочем месте и использования копинг-стратегий в преодолении трудностей.

Намечены следующие шаги по изучению трудностей ИТ-специалистов: 1) сравнение результатов, представленных в статье, и данных, полученных в октябре–ноябре 2022 г. (после завершения мобилизации в ходе СВО), – необычной ситуации с применением разработанной комплексной диагностической методики; 2) разработка и апробация программ преодоления трудностей в разных условиях совместной деятельности ИТ-специалистов.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков А. В., Иванова М. С., Павлютенкова О. А. Вовлечённость в профсоюзное движение: междисциплинарный подход: монография. М.: Диона, 2018. 208 с.
2. Драчева Ю. В. Психологические трудности профессионального становления выпускников высших образовательных учреждений МВД России и пути их преодоления: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
3. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 35–44.
4. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
5. Крук В. М. Психологическое обеспечение личностной надёжности специалиста силовых структур: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 45 с.
6. Лебедев И. М. Социально-психологические условия внедрения цифровизации в строительстве: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 24 с.
7. Магера Т. Н. Потенциальные возможности эмоционального компонента межгрупповой адаптации руководителей различных подразделений в поликультурной строительной организации // Человеческий капитал. 2018. № 10 (118). С. 61–71.
8. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 313 с.
9. Солнцева Г. Н. Условия и ситуации профессиональной деятельности - типы и перспективы изменений // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 2. С. 74–80.
10. Федотов А. Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надёжности специалиста силовых структур: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2020. 548 с.
11. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник Российской международной академии туризма. 2014. № 13. С. 83–97.

12. Nilsson S., Hertzberg F. On the Professionalism and Professionalisation of Career Guidance and Counselling in Sweden // *Nordic Journal of Transitions, Careers and Guidance*. 2022. № 3 (1). P. 3–15.
13. Tuckman B. W., Jensen M. A. Stages of small-group development revisited // *Group & Organization Studies*. 1977. № 2 (4). P. 419–427.

REFERENCES

1. Bulgakov A. V., Ivanova M. S., Pavlyutenkova O. A. *Vovlechyonnost' v profsoyuznoe dvizhenie: mezhdisciplinarnyj podhod* [Involvement in the trade union movement: an interdisciplinary approach]. Moscow, Diona Publ., 2018. 208 p.
2. Dracheva Yu. V. *Psihologicheskie trudnosti professional'nogo stanovleniya vypusnikov vysshih obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii i puti ih preodoleniya: avtoref. ... kand. psihol. nauk* [Psychological difficulties in the professional development of graduates of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ways to overcome them: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2004. 24 p.
3. Zeer E. F., Symanyuk E. E. [Crises of professional development of personality]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1997, no. 6, pp. 35–44.
4. Cameron K., Quinn R. Diagnosing and Changing Organizational Culture (Rus. ed.: Andreeva I. V., transl. *Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury*. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 320 p.).
5. Kruk V. M. *Psihologicheskoe obespechenie lichnostnoj nadyozhnosti specialista silovyh struktur: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk* [Psychological support of personal reliability of a specialist in power structures: abstract of Dr. Sci. thesis in Philosophy]. Moscow, 2013. 45 p.
6. Lebedev I. M. *Social'no-psihologicheskie usloviya vnedreniya cifrovizacii v stroitel'stve: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Socio-psychological conditions for the introduction of digitalization in construction: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2019. 24 p.
7. Magera T. N. [The potential of the emotional component of intergroup adaptation of the leaders of various departments in a multicultural construction organization]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2018, no. 10 (118), pp. 61–71.
8. Markova A. K. *Psihologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, International humanitarian fund "Knowledge" Publ., 1996. 313 p.
9. Solnceva G. N. [Conditions and situations of professional activity – types and prospects for changes]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2021, no. 2, pp. 74–80.
10. Fedotov A. Yu. *Psihologicheskoe obespechenie professional'noj nadyozhnosti specialista silovyh struktur: dis. ... d-ra psihol. nauk* [Psychological support of professional reliability of a specialist in power structures: Dr. Sci. thesis in Psychology]. Moscow, 2020. 548 p.
11. Shnejder L. B., Hrustaleva V. V. [Associative test as a basis for constructing a methodology for studying social identity]. In: *Vestnik Rossijskoj mezhdunarodnoj akademii turizma* [Bulletin of the Russian International Academy of Tourism], 2014, no. 13, pp. 83–97.
12. Nilsson S., Hertzberg F. On the Professionalism and Professionalisation of Career Guidance and Counselling in Sweden. In: *Nordic Journal of Transitions, Careers and Guidance*, 2022, no. 3 (1), pp. 3–15.
13. Tuckman B. W., Jensen M. A. Stages of small-group development revisited. In: *Group & Organization Studies*, 1977, no. 2 (4), pp. 419–427.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Государственного университета просвещения;

e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X

Булгакова Екатерина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Государственного университета просвещения;

e-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0844-7336

Кучева Наталья Александровна – соискатель кафедры психологии труда и организационной психологии Государственного университета просвещения;

e-mail: nkucheva@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4795-5093

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Bulgakov – Dr. Sci. (Psychology), Prof. of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology of State University of Education;

e-mail: av_bulgakow@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9438-832X

Ekaterina A. Bulgakova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychological Counseling of State University of Education;

e-mail: ea-bulgakowa@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0844-7336

Natalya A. Kucheva – Applicant of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology of State University of Education;

e-mail: nkucheva@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4795-5093

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Кучева Н. А. Трудности профессионализации ИТ-специалистов в России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 109–122.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-109-122

FOR CITATION

Bulgakov A. V., Bulgakova E. A., Kucheva N. A. Difficulties of professionalization of IT specialists in Russia. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 109–122.

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-109-122

УДК 331.453

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-123-132

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВАЛИДНОСТЬ МЕТОДИКИ ОПЕРАТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ УРОВНЯ КОНЦЕНТРАЦИИ И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ («КРАСНЫЕ ПИКИ») В ПРИЛОЖЕНИИ ДЛЯ СМАРТФОНА

Ермолаев В. В.¹, Четверикова А. И.², Воронцова Ю.², Насонова Д. К.²

¹Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, с. 1, Российская Федерация

²Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проверка эмпирической валидности методики оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания для смартфона «Красные пики» в контексте превентивного подхода к реагированию на риски человеческого фактора.

Процедура и методы. Процедура валидации представляла собой последовательное использование трёх методик: 1) бланковая методика диагностики работоспособности Ландольта; 2) методика «Чёрно-красная таблица Ф. Д. Горбова – Э. Шульте»; 3) разработанная нами методика «Красные пики».

Результаты. Методика «Красные пики» обладает необходимыми показателями эмпирической валидности. Выявлены достоверные связи на уровне $p \leq 0,01$ между показателями методики «Красные пики» и показателями методик «Чёрно-красная таблица Ф. Д. Горбова – Э. Шульте» и диагностики работоспособности Ландольта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Подтверждена валидность методики, обладающей большим практическим потенциалом для её применения среди сотрудников опасных профессий, в том числе на производстве.

Ключевые слова: дистанционная диагностика, концентрация внимания, методика «Красные пики», переключение внимания, эмпирическая валидность

EMPIRICAL VALIDITY OF THE METHOD, “RED SPADES”: A RAPID MEASUREMENT OF THE LEVEL OF CONCENTRATION AND SWITCHING OF ATTENTION IN A SMARTPHONE APPS

V. Ermolaev¹, A. Chetverikova², J. Voroncova², D. Nasonova²

¹ Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya, 1, str. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

² an Independent researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. Verification of the empirical validity of the method of rapid measurement of the level of concentration and attention switching for the smartphone "Red peaks" in the context of a preventive approach to responding to the risks of the human factor.

© СС BY Ермолаев В. В., Четверикова А. И., Воронцова Ю., Насонова Д. К., 2023.

Methodology. The validation procedure was a sequential presentation of three methods: 1) a standardized blank method of the Landolt working capacity diagnostic; 2) technique Black and red table F.D. Gorbov – E. Schulte; 3) "Red Spades" methodology developed by us.

Results. The Red Peaks method has the necessary indicators of empirical validity. Reliable connections at the level of $p \leq 0.01$ were revealed between the indicators of the "Red Spades" technique and the indicators of the methods of the Black-red Table of F.D. Gorbov – E. Schulte and diagnostics of Landolt's operability.

Research implications. Has been confirmed the validity of the technique, which has practically great potential for its use among workers of dangerous professions and industries.

Keywords: remote diagnostics, concentration of attention, "Red spades" method, switching of attention, empirical validity

Введение

Одной из основных причин аварийности на производстве, а также дорожно-транспортных происшествий по-прежнему остаётся человеческий фактор, связанный со снижением внимания [2; 13]. Усилению роли человеческого фактора в аварийности способствуют глобальные социальные, политические и экономические изменения, детерминирующие рост напряжённости психических состояний сотрудников промышленных предприятий во многих странах мира [11; 12; 14; 15], выражающиеся в усилении социальных страхов [4], которые влияют на эффективность выполнения профессиональной деятельности, оказывая негативное воздействие на процессы внимания [3]. Указанные тенденции приобретают особый интерес при их рассмотрении в ключе устойчивости функционального и эмоционального состояний сотрудников опасных производств [1], т. к. науке достоверно известно, что одним из ключевых факторов, обеспечивающих надёжность деятельности, является концентрация и переключение внимания. На сегодняшний день существует значительное количество способов и приёмов измерения различных

показателей внимания: «Экспресс-диагностика работоспособности и функционального состояния человека М. П. Мороз»^{1, 2, 3, 4, 5}, [5; 7; 10; 13], и др.,

¹ Вариационная хронорефлексометрия. Диагностика функционального состояния и прогноз работоспособности // Компания «Иматон»: [сайт]. 2008–2023. URL: <https://imatton.com/catalog/variacionnaya-hronorefleksometriya> (дата обращения: 13.04.2023).

² Устройство психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 «Психофизиолог» // Медиком МТД: [сайт]. 1997–2023. URL: <http://medicom-mtd.com/htm/Products/psychophysiol.html> (дата обращения: 13.04.2023).

³ Универсальный психодиагностический комплекс УПДК-МК // Нейроком: [сайт]. 2022. URL: <https://www.neurocom.ru/search/index.php?q=%D1%83%D0%BF%D0%B4%D0%BA> (дата обращения: 13.04.2023).

⁴ АППДК Мультипсихометр // Мультипсихометр: [сайт]. 1994–2023. URL: <http://www.multipsychoctr.ru> (дата обращения: 13.04.2023).

⁵ Программа для ЭВМ: «НС-Психотест. NET» с модулем «Базовый блок методик (Старт)» и дополнительными модулями «Профессиональная психодиагностика (Кандидат)», «Клиническая психодиагностика и психофизиология (Медицинский)», «Детская психодиагностика (Детство)», «Блок психологических методик для транспортных профессий (Транспорт)», «Специальный блок психологических методик для спорта (Спорт)», «Специальный блок методик (Эксперт)», «Программный модуль для обеспечения тестирования

которые при их высокой надёжности и валидности не отличаются достаточной оперативностью. Это вызывает трудности в осуществлении системного предсменного контроля, в том числе удалённого контроля концентрации и переключения внимания сотрудников в условиях реальной профессиональной деятельности.

В то же время с учётом усложнения производства, негативной динамики психических состояний в постпандемийный период [8] риски человеческого фактора на опасных производствах не только возрастают, но и требуют дистанционной оперативной диагностики внимания в связи с отмеченной Минтрудом России необходимостью реализации превентивного подхода к реагированию на риски человеческого фактора. Констатация необходимости создания средств и методик оперативной диагностики внимания сотрудников, позволяющих обеспечить превентивное реагирование на риски человеческого фактора, привела нас к разработке методики оперативного дистанционного измерения концентрации и переключения внимания «Красные пики» в приложении для смартфона¹ (далее – «Красные пики»).

в рамках локальной сети (Сеть)»: пат. 2017616049 Рос. Федерация. № 2017618884 [Электронный ресурс] / Блохин М. Ю. [и др.]; заявл. 26.06.2017; опубл. 10.08.2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39368242> (дата обращения: 13.04.2023).

¹ Способ определения концентрации внимания и/или переключения внимания испытуемого: пат. 2772663 Рос. Федерация. № 2021110566 [Электронный ресурс] / Ермолаев В. В. [и др.]; заявл. 15.04.2021; опубл. 23.05.2022, Бюл. № 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48770627> (дата обращения: 13.04.2023).

Стимульный материал методики «Красные пики» (рис. 1) представляет собой игральные карты различной колористики, демонстрируемые на экране смартфона в виде таблицы карт, иногда с изменённым цветом карточной масти (например, красные пики, красные червы, чёрные пики, чёрные червы и т. д.). Таблица представляет собой набор карт двух мастей, который включает несколько цветов (красный и чёрный). Стимульный материал позволяет измерять уровень концентрации и переключения внимания, а также помехоустойчивости при влиянии сложившегося стереотипа восприятия цвета масти игровых карт вне зависимости от культуры и уровня образования респондентов. Изменение привычного цвета масти игровых карт требует удерживать концентрацию внимания во время выполнения задания при влиянии устоявшегося представления, провоцирующего шаблонное восприятие информации, не соответствующего реальности цвета масти игровых карт. Преодоление стереотипа восприятия цвета масти игровых карт, увеличивающее когнитивную нагрузку на респондента, позволяет обеспечить фокус методики на измерении уровня концентрации и переключения внимания при сохранении оперативности процедуры диагностики².

Необходимость практического применения методики оперативного из-

² Способ определения концентрации внимания и/или переключения внимания испытуемого: пат. 2772663 Рос. Федерация. № 2021110566 [Электронный ресурс] / Ермолаев В. В. [и др.]; заявл. 15.04.2021; опубл. 23.05.2022, Бюл. № 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48770627> (дата обращения: 13.04.2023).

Рис. 1 / Fig. 1. Пример стимульного материала методики «Красные пики» / An example of the stimulus material of the “Red Spades” technique

мерения уровня концентрации и переключения внимания «Красные пики» определила цель исследования – проверку эмпирической валидности разработанной методики.

Объектом исследования выступила методика оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания «Красные пики». Предметом – эмпирическая валидность методики оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания «Красные пики» в приложении для смартфона. В качестве гипотезы выступило предположение о том, что методика оперативного измерения уровня

концентрации и переключения внимания «Красные пики» в приложении для смартфона обладает необходимыми показателями эмпирической валидности.

Метод исследования

Методологической базой исследования выступили научные взгляды А. А. Ухтомского о том, что концентрация внимания связана с особенностями функционирования доминантного очага возбуждения в коре мозга. По мнению учёного, концентрация является следствием возбуждения в доминантном очаге при одновременном торможении остальных зон коры головного мозга и рассматривается как степень или интенсивность сосредоточенности внимания [6; 9]. В то же время переключение внимания представляет собой сознательное и осмысленное перемещение внимания с одного объекта на другой, способность быстро ориентироваться в сложной изменяющейся ситуации [6].

Процедура исследования представляла собой последовательное использование трёх методик: 1) стандартизированная бланковая методика диагностики работоспособности Ландольта¹; 2) методика «Чёрно-красная таблица Ф. Д. Горбова-Э. Шульте»²; 3) разработанная нами методика «Красные пики»³.

¹ Сысоев В. Н. Тест Ландольта диагностика работоспособности: методическое руководство. СПб.: Иматон, 2007. 32 с.

² Сборник психологических тестов. Часть I: пособие / сост. Е. Е. Миронова. Мн.: Женский институт Энвила, 2005. 155 с.

³ Способ определения концентрации внимания и/или переключения внимания испытуемого: пат. 2772663 Рос. Федерация. № 2021110566 [Электронный ресурс] / Ермолаев В.В. [и др.]; заявл. 15.04.2021;

Предъявление методик диагностики работоспособности Ландольта и «Черно-красная таблица Ф. Д. Горбова-Э. Шульте»¹ соответствовало методическим рекомендациям по их использованию. Порядок предъявления методики «Красные пики» представлял собой следующую процедуру.

Во время объяснения инструкции к выполнению методики респонденту предлагалось выполнить тренировочное задание с целью указания на действие стереотипа восприятия цвета масти игровых карт и убеждения исследователя в том, что респондент осознал стереотип восприятия цвета масти и готов выполнять задание с его учётом. Респонденту предлагалось выбрать и идентифицировать одну из двух карт, цвет масти которой не соответствует существующему стереотипу восприятия игровых карт. Например, идентифицировать карту, масть которой прорисована другим цветом, отличным от существующего стереотипа (пики красного цвета, червы чёрного цвета). Если респондент идентифицировал карту неверно, ему сообщалось об ошибке и предлагалось заново продолжить выбор до получения правильного ответа. После верной идентификации карты респонденту предлагалось выполнить три серии заданий.

При выполнении первой серии предъявлялось изображение 24 карт (12 карт масти пик и 12 карт масти червей), масти которых были прорисованы разными цветами (одна и та же масть

была прорисована и красным, и чёрным цветом). Респонденту предлагалось отыскать карты масти червей в возрастающей последовательности. После завершения первой серии респонденту предлагалось отыскать карты масти пик в убывающей последовательности. В третьей серии теста предъявлялось новое изображение набора 24 карт с предложением попеременно отыскать карты червей в возрастающей последовательности, а карты пик в убывающей последовательности.

Обработка результатов теста предполагает фиксацию времени выполнения каждой серии и количество ошибок на каждом этапе выполнения теста.

Выборку исследования составили 242 профессиональных водителя мужского пола в возрасте от 22 до 60 лет ($M = 44,55$; $SD = 10,81$) со стажем от 4 до 39 лет ($M = 10,81$; $SD = 6,98$).

Результаты выполнения респондентами всех трёх методик были подвергнуты проверке на наличие корреляционных связей согласно общепринятой процедуре выявления коэффициента эмпирической валидности. Статистический анализ эмпирических данных проводился с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции r -Спирмена в программе SPSS Statistics 23.

Результаты

В результате расчёта коэффициентов ранговой корреляции Спирмена на уровне $p \leq 0,01$ выявлены достоверные связи между показателями методики «Красные пики» и показателями методики «Чёрно-красная таблица Ф. Д. Горбова – Э. Шульте». Результаты приведены в таблице 1.

опубл. 23.05.2022, Бюл. № 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48770627> (дата обращения: 13.04.2023).

¹ Коровкин С. Ю. Общая психология: внимание: практикум. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 72 с.

Таблица 1 / Table 1

Коэффициенты корреляции Спирмена между показателями методик «Красные пики» и «Чёрно-красная таблица» (N=242, $p \leq 0.01$) / Spearman's correlation coefficients between the indicators of the methods “Red Spades” and “Black and red table” (N = 242, $p \leq 0.01$)

Шкала		Красные пики		
		Общее количество выбранных карт верной масти	Скорость выбора карт масти червей	Скорость выбора карт масти пик
Чёрно-красная таблица	Общее количество верно названных цифр	0,518	0,639	0,631
	Скорость выбора чёрных цифр	0,326	0,505	0,392
	Скорость выбора красных цифр	0,308	0,533	0,387

По таблице 1 видно, что показатели скорости выбора карт масти червей и масти пик при попеременном выборе в методике «Красные пики» находятся в положительной взаимосвязи с показателями скорости выбора чёрных и красных цифр при попеременном выборе в методике «Чёрно-красная таблица». Показатель общего количества выбранных карт верной масти при попеременном выборе в методике «Красные пики» также находится в положительной взаимосвязи с показателем общего количества верно названных цифр при попеременном выборе в методике «Чёрно-красная таблица».

Результаты расчёта коэффициентов ранговой корреляции Спирмена на уровне $p \leq 0,01$ свидетельствуют о наличии достоверных связей между показателями методики «Красные пики» с показателями методики диагностики работоспособности Ландольта. Результаты приведены в таблице 2.

Согласно данным, представленным в таблице 2, видно, что показатели скорости выбора карт масти червей и масти пик при попеременном выборе в методике «Красные пики» находятся во взаимосвязи с показателями скорости переработки информации, средней продуктивности и точности, с показателями коэффициентов выносливости и точности, а также с показателем надёжности. Выявленные отрицательные взаимосвязи с коэффициентами выносливости и точности свидетельствуют о связи скорости выбора карт масти червей и масти пик при попеременном выборе в методике «Красные пики» с более высокой способностью водителей к длительному поддержанию выявленного уровня продуктивности и точности без признаков утомления.

Кроме того, количество выбранных карт верной масти при попеременном выборе в методике «Красные пики» находится в положительной взаимосвязи с показателями скорости переработки

Таблица 2 / Table 2

Коэффициенты корреляции Спирмена между показателями методики «Красные пики» и методики диагностики работоспособности Ландольта» (N = 242, $p \leq 0,01$) / Spearman's correlation coefficients between the indicators of the "Red Spades" method and the Landolt method for diagnosing performance (N = 242, $p \leq 0.01$)

Шкала		Красные пики		
		Общее количество выбранных карт верной масти	Скорость выбора карт масти червей	Скорость выбора карт масти пик
Диагностика работоспособности Ландольта	Скорость переработки информации	0,446	0,631	0,472
	Показатель средней продуктивности	0,602	0,730	0,609
	Коэффициент выносливости		-0,186	-0,185
	Показатель средней точности	0,538	0,538	0,530
	Коэффициент точности		-0,335	
	Надёжность	0,187	0,340	0,197

информации, средней продуктивности, средней точности и надёжности.

Наиболее сильными выступили связи между показателями скорости и правильности выбора карт масти червей и масти пик при попеременном выборе в методике «Красные пики» с показателем средней продуктивности, свидетельствующим о способности к переработке объёма информации в единицу времени.

Заключение

Полученные в ходе статистического анализа коэффициенты корреляции валидируемой методики «Красные пики» с данными методик «Чёрно-красная таблица Ф. Д. Горбова – Э. Шульте» и диагностика работоспособности Ландольта, эмпирическая валидность которых научно подтверждена в отношении исследования по-

казателей внимания представителей опасных профессий, свидетельствуют о высокой эмпирической валидности методики «Красные пики». Полагаем, что достоинством представленной методики является обеспечение оперативности процедуры диагностики концентрации и переключения внимания при характерном увеличении когнитивной нагрузки на респондента, связанной с преодолением стереотипа восприятия цвета масти игральных карт.

Выводы:

1. Методика оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания «Красные пики» в приложении для смартфона обладает необходимыми показателями эмпирической валидности.
2. Методика оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания «Красные пики» в

приложении для смартфона обладает большим практическим потенциалом для её применения среди сотрудников опасных профессий и производств. Она перспективна в отношении реализации принципов превентивного

реагирования по снижению рисков человеческого фактора, обозначенных Министерством труда и социальной защиты РФ.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекеева С. А., Еселханова Г. А. Влияние вахтового метода и сменного режима труда на функциональное состояние организма работников // Безопасность труда в промышленности. 2019. № 6. С. 30–37. DOI: 10.24000/0409-2961-2019-6-30-37.
2. Беляков Г. И. Охрана труда и техника безопасности. Люберцы: Юрайт, 2016. 404 с.
3. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Психологические особенности внимания в неравновесных психических состояниях: типология профессиональных водителей // Человеческий капитал. 2021. № 9 (153). С. 112–126. DOI: 10.25629/НС.2021.09.12.
4. Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 / В. В. Ермолаев, Ю. Воронцова, Д. К. Насонова, А. И. Четверикова // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 27–38. DOI: 10.11621/nprj.2021.0103.
5. Дятлов М. Н. Приборы психофизиологического обследования водителей // Молодой учёный. 2013. № 4 (51). С. 59–61.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 713 с.
7. Системные критерии дифференциальной экспресс-диагностики донозологических нарушений профессионального здоровья работников объектов использования атомной энергии / А. Ф. Бобров, Т. М. Новикова, В. И. Седин, Л. И. Фортунатова // Медицинская радиология и радиационная безопасность. 2023. № 2 (67). С. 29–34. DOI: 10.33266/1024-6177-2023-68-2-29-34.
8. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов / Д. В. Ушаков, А. В. Юревич, Т. А. Нестик, М. А. Юревич // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S020595920011074-7.
9. Ухтомский А. А. Избранные труды / сост., комм. Э. Ш. Айрапетьянца. Л.: Наука, 1978. 358 с.
10. Эффективность аппаратно-программных комплексов в оценке психофизиологического состояния лиц экстремальных профессий / М. А. Брагин, Е. В. Голобородько, Н. В. Котенко, А. С. Самойлов, М. Ю. Калинина // Вестник восстановительной медицины. 2021. № 6 (20). С. 110–118. DOI: 10.38025/2078-1962-2021-20-6-111-118.
11. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesia // Psychological trauma: theory, research, practice, and policy. 2020. Vol. 12. № 5. P. 488–490.
12. The effect of COVID-19 on youth mental health [Электронный ресурс] / L. Liang, H. Ren, R. Cao, Hu Yu., Z. Qin // Psychiatric quarterly. 2020. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles> (дата обращения: 13.04.2023).
13. The role of attention control in complex real-world tasks / C. Draheim, R. Pak, A. Draheim, R. W. Engle // Psychonomic Bulletin Review. 2022. № 29. P. 1143–1197. DOI: 10.3758/s13423-021-02052-2.
14. COVID stress syndrome: concept, structure, and correlates / S. Taylor, C. Laundry, M. M. Paluszek, T. Fergus, D. McKay // Depress. Anxiety. 2020. № 37 (8). P. 706–714. DOI: 10.1002/da.23071.

15. Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review / J. Xiong, O. Lipsitz, F. Nasri, L. Lui, H. Gill, L. Phan // *Journal of affective disorders*. 2020. № 277. P. 55–64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001.

REFERENCES

1. Bekeeva S. A., Eselhanova G. A. [The influence of shift work and shift work on the functional state of the body of workers]. In: *Bezopasnost' truda v promyshlennosti* [Labor safety in industry], 2019, no. 6, pp. 30–37. DOI: 10.24000/0409-2961-2019-6-30-37.
2. Belyakov G. I. *Ohrana truda i tekhnika bezopasnosti* [Labor protection and safety equipment]. Lyubercy, Yurajt Publ., 2016. 404 p.
3. Voroncova Yu., Ermolaev V. V. [Psychological features of attention in non-equilibrium mental states: typology of professional drivers]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2021, no. 9 (153), pp. 112–126. DOI: 10.25629/HC.2021.09.12.
4. Ermolaev V. V., Voroncova Yu., Nasonova D. K., Chetverikova A. I. [Dynamics of social fears among Russian citizens during the first and second waves of COVID-19]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National psychological journal], 2021, no. 1 (41), pp. 27–38. DOI: 10.11621/npj.2021.0103.
5. Dyatlov M. N. [Devices for psychophysiological examination of drivers]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2013, no. 4 (51), pp. 59–61.
6. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 713 p.
7. Bobrov A. F., Novikova T. M., Sedin V. I., Fortunatova L. I. [System criteria for differential express diagnostics of pre-nosological disorders of professional health of workers at nuclear energy facilities]. In: *Medicinskaya radiologiya i radiacionnaya bezopasnost'* [Medical radiology and radiation safety], 2023, no. 2 (67), pp. 29–34. DOI: 10.33266/1024-6177-2023-68-2-29-34.
8. Ushakov D. V., Yurevich A. V., Nestik T. A., Yurevich M. A. [Social and psychological aspects of the COVID-19 pandemic: results of an expert survey of Russian psychologists]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2020, vol. 41, no. 5, pp. 5–17. DOI: 10.31857/S020595920011074-7.
9. Uhtomskij A. A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 358 p.
10. Bragin M. A., Goloborod'ko E. V., Kotenko N. V., Samojlov A. S., Kalinina M. Yu. [The effectiveness of hardware and software systems in assessing the psychophysiological state of persons in extreme professions]. In: *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny* [Bulletin of Restorative Medicine.], 2021, no. 6 (20), pp. 110–118. DOI: 10.38025/2078-1962-2021-20-6-111-118.
11. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesia. In: *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 2020, vol. 12, no. 5, pp. 488–490.
12. Liang L., Ren H., Cao R., Yu H., Qin Z. The effect of COVID-19 on youth mental health. In: *Psychiatric quarterly*, 2020. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles> (accessed: 13.04.2023).
13. Draheim C., Pak R., Draheim A., Engle R. W. The role of attention control in complex real-world tasks. In: *Psychonomic Bulletin Review*, 2022, no. 29, pp. 1143–1197. DOI: 10.3758/s13423-021-02052-2.
14. Taylor S., Laundry C., Paluszek M. M., Fergus T., McKay D. COVID stress syndrome: concept, structure, and correlates. In: *Depress. Anxiety*, 2020, no. 37 (8), pp. 706–714. DOI: 10.1002/da.23071.
15. Xiong J., Lipsitz O., Nasri F., Lui L., Gill H., Phan L. Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review. In: *Journal of affective disorders*, 2020, no. 277, pp. 55–64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермолаев Виктор Владимирович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования Московского педагогического государственного университета, генеральный директор ООО «АЛГА»;
e-mail: evv21@mail.ru

Четверикова Алёна Ивановна – директор по контролю качества ООО Центра инновационных технологий «Транспортная психология и безопасность»;
e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Воронцова Юлия – научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний АО НЕЙРОКОМ;
e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Насонова Дария Камилевна – директор по развитию ООО Центра инновационных технологий «Транспортная психология и безопасность»;
e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor V. Ermolaev – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. Chair of Labor Psychology and Psychological Counseling of Moscow Pedagogical State University; General Director of LLC “ALGA”;
e-mail: evv21@mail.ru

Alena I. Chetverikova – Quality Control Director of LLC Center of Innovative Technologies “Traffic Psychology and Safety”;
e-mail: alenachetverikova@yandex.ru

Julija Voroncova – Researcher Functional State Diagnostic Methods Development Department of JSC NEUROCOM;
e-mail: jl.voroncova@gmail.com

Daria K. Nasonova – Development Director of LLC Center of Innovative Technologies “Traffic Psychology and Safety”;
e-mail: d.k.nasonova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Эмпирическая валидность методики оперативного измерения уровня концентрации и переключения внимания («Красные пики») в приложении для смартфона / В. В. Ермолаев, А. И. Четверикова, Ю. Воронцова, Д. К. Насонова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-123-132

FOR CITATION

Ermolaev V. V., Chetverikova A. I., Voroncova Ju., Nasonova D. K. Empirical validity of the method, “Red spades”: a rapid measurement of the level of concentration and switching of attention in a smartphone apps. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2023, no. 3, pp. 123–132.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-123-132

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-133-151

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖИЗНЕННОЙ УСПЕШНОСТИ КАК ЛИЧНОСТНОГО МЕТАРЕСУРСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СРАВНЕНИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДРУГИХ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Семенова Н. А.*Краснодарский университет МВД России**350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить классификационные характеристики метаресурса жизненной успешности в выборке сотрудников органов внутренних дел в сравнении с представителями других социэкономических профессий.

Процедура и методы. Для исследования была сформирована выборка из 757 респондентов, из них 544 – сотрудники органов внутренних дел и 213 – представители других социэкономических профессий. Исследование проводилось анонимно с учётом пола, возраста и характера профессиональной деятельности респондентов посредством электронной опросной формы. Применена авторская исследовательская методика «Жизненная успешность». Обработка эмпирических данных производилась при помощи кластерного анализа по методу Варда и статистического пакета IBM SPSS Statistics 26.

Результаты. Выявлены классификационные характеристики метаресурса жизненной успешности в выборке представителей социэкономических профессий. Проведён анализ распределения по кластерам в зависимости от пола и возраста. Выявлена выраженность кластеров в выборке сотрудников органов внутренних дел, которые заключаются в наличии кластера со сниженными эмоциональными переживаниями.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в развитии понимания личностных метаресурсов и их роли в осуществлении конструктивной жизни личности, в развитии концепции жизненной успешности личности как метаресурса конструктивной жизни. Практическая значимость заключается в получении эмпирических данных, которые могут быть использованы в программах профессионально-личностного роста представителей социэкономических профессий, в том числе сотрудников органов внутренних дел с учётом классификационных характеристик метаресурса жизненной успешности.

Ключевые слова: жизненная успешность, личностные ресурсы, метаресурсы личности, психологические ресурсы, социэкономические профессии

CLASSIFICATION CHARACTERISTICS OF LIFE SUCCESSFULNESS AS A PERSONAL METARESOURCE OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS OFFICERS IN COMPARISON WITH REPRESENTATIVES OF OTHER SOCIONOMIC PROFESSIONS

N. Semenova

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Yaroslavskaya, 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the classification characteristics of the meta-resource of life success in the sample of internal affairs officers in comparison with representatives of other socionomic professions.

Methodology. For the study, a sample of 757 respondents aged 18 to 60 was formed, of which 544 were employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and 213 were representatives of other socionomic professions. The study was conducted anonymously, taking into account the gender, age and nature of the professional activity of the respondents, using an electronic questionnaire. The author's research methodology "Life success" was applied. Empirical data were processed using Ward's cluster analysis and the statistical package IBM SPSS Statistics 26.

Results. The classification characteristics of the metaresource of life successfulness in the sample of representatives of socionomic professions are revealed. The analysis of distribution by clusters depending on gender and age was carried out. The peculiarities of the severity of clusters in the sample of employees of the internal affairs bodies, which consist in the presence of a cluster with reduced emotional experiences, are revealed.

Research implications. The theoretical significance lies in the development of understanding of personal metaresources and their role in the implementation of the constructive life of the individual. In the development of the concept of life successfulness of the individual as a meta-resource of constructive life. The practical significance lies in obtaining empirical data that can be used in programs for the professional and personal growth of representatives of socionomic professions, including employees of internal affairs bodies, taking into account the classification characteristics of the life success metaresource.

Keywords: life successfulness, personal resources, personality metaresources, psychological resources, socionomic professions

Введение

Исследование жизненной успешности как личностного метаресурса у представителей социномических профессий является актуальным в связи с рядом взаимосвязанных факторов, таких как:

1) значимость выявления и обоснования понятия, видов содержания и структуры метаресурсов личности [14; 16; 24]. Метаресурсы, занимая высшую

степень в иерархической системе личностных ресурсов, выполняют функции её мобилизации, оформления и наиболее эффективного функционирования для осуществления конструктивной жизни в современных условиях;

2) значимость развития ресурсного подхода в психологии труда, который открывает возможности наиболее глубокого изучения процессов профессионализации [5; 9; 21]. Именно исследо-

вания метаресурсов позволят подойти наиболее целостно и системно к данным процессам;

3) особенности и проблемы ресурсных возможностей личности, осуществляющей профессиональную деятельность в социэкономической сфере. Так, высокий уровень психологической нагрузки, общественный характер, напряжённость и экстремальность, подчас несоответствие общественному стереотипу престижности, особенности понимания значимости и смысла своей профессиональной деятельности обуславливают необходимость поиска, актуализации и формирования метаресурсов личности, которые бы способствовали конструктивной жизни профессионала;

4) данные факторы имеют особую актуальность по отношению к специфике деятельности сотрудников органов внутренних дел, которая заключается в постоянной готовности сохранять стабильность общества, быстро и чётко ориентироваться в нештатных ситуациях, решительно и жёстко противодействовать преступности¹.

Как и для любого современного профессионала, для представителей социэкономических профессий, в том числе и для сотрудников органов внутренних дел, важно осознание собственной жизненной успешности как метаресурса. Это обеспечивает выбор правильной стратегии профессионального развития, с учётом своих слабых и сильных сторон, даёт возможность сохранить психологическое здоровье и соответствовать морально-нравственным требованиям профессии.

Гипотеза исследования: предположительно, классификационные характеристики метаресурса жизненной успешности у сотрудников органов внутренних дел будут иметь эмоционально-рефлексивные особенности, связанные с наиболее высокой напряжённостью служебной деятельности в сравнении с представителями других социэкономических профессий.

Метаресурсы личности: понимание, функции, структура

Интерес к ресурсным возможностям личности уже стал традиционным для психологической науки (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн, Д. Канеман, В. Франкл, Э. Фромм и др.). Обозначилась суть ресурсного подхода, предполагающая обращение к конструктивному стержню личности, представляющему совокупность её сильных сторон (качеств, процессов, регулятивов, состояний и т. п.), задействуя которые, личность может продуктивно преодолевать трудности, улучшать свою жизнь, быть эффективной и успешной в различных сферах. Исследователи чётко указывают на то, что психологические ресурсы выполняют буферную роль по отношению к воздействию негативных факторов на личность и способствуют поиску позитивных возможностей для преодоления трудных ситуаций [24]. При этом в психологии не существует единого мнения о сущностных характеристиках ресурсов, их функциях, структуре и системной организации.

Психологические ресурсы понимают как экзистенциальные возможности подлинной жизни [22], как возможности различных уровней психики личности в конструктивном

¹ Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34LGMB> (дата обращения: 10.03.2023).

преодолении стресса [4; 5], как интегральные субъектные образования составляющих потенциальные возможности личности в адаптации, жизнестойкости, психологическом здоровье, реализации жизненной стратегии и т. п. [12; 13], как психические регулятивные конструкты [5], в том числе как система осознанной саморегуляции [16; 17], обеспечивающие позитивные эффекты регуляции [21].

Отметим, что ресурсный подход занимает одно из значимых мест в изучении психологии трудовой деятельности, позволяет исследовать возможности реализации и успешности личности как профессионала [5; 21]. Исследователи отмечают, что успешность профессиональной и социальной реализации связана с наличием личностных ресурсов [9].

Личностные ресурсы имеют сложную системную организацию, которая обеспечивает эффективность регуляции и взаимодействия личности с внешним миром. Упорядочивание данной системы происходит за счёт метаресурсов [16]. Метаресурсы обеспечивают эффективность всей системы саморегуляции и показывают, удалось ли личности эффективно управлять своими ресурсами [14].

Исходя из данных обширного анализа данной проблематики, а также из изучения феномена жизненной успешности, мы пришли к выводу, что обобщённую условную структуру, лежащую в основе метаресурса личности, можно представить через соотношение таких компонентов, как механизм, свойство и состояние [8; 19]. Косвенно на наличие такой структуры также указывается в систематизации ресурсов, предложенной Н. Е. Водопьяновой,

где ресурсы подразделяются на аналогичные группы; ресурсы представляются как: механизмы психической регуляции деятельности и поведения; психические свойства и их взаимосвязи; определённые состояния [5]. Механизмы в данном случае выполняют рефлексивно-регулятивные функции; свойства определяют наличие необходимых качеств и характеристик личности; состояния выполняют сигнальную и энергетическую функции.

Таким образом, метаресурсы в иерархии личностных ресурсов являются высшим уровнем интегративных психологических образований, включающих во взаимосвязи механизмы, свойства и состояния, которые систематизируют и мобилизуют систему ресурсов личности для конструктивного решения жизненных задач. С позиций такого понимания жизненная успешность личности выполняет роль метаресурса.

Жизненная успешность личности как метаресурс

Анализ культурно-исторических и философских оснований становления феномена жизненной успешности позволил утверждать, что она является порождением социокультурной реальности и постепенно оформляется как отдельный феномен, выражающий основные ценностные тенденции и устремления личности и общества, имеющий ресурсный потенциал. Основные модели успешности, заложенные в период Античности, трансформируются в образцы, насыщают форму различным ценностно-смысловым содержанием, приобретают концептуальность и динамичность.

Продуктивный пласт для изучения проблематики жизненной успешности представляет социально-философское знание, где успешность в целом понимается в трёх взаимосвязанных аспектах: механизм, свойство, состояние (Е. В. Кархарян, Д. И. Канарский, С. Ю. Ключников и др.).

Различные аспекты жизненной успешности и вопросы, связанные с ними, затрагиваются во многих ведущих направлениях психологии. Существенный вклад в понимание данного феномена вносит позитивная психология, где успешность рассматривается во взаимосвязи с ресурсным потенциалом, подлинностью и долговременностью успеха [25]. Широкий взгляд на субъектно-деятельностную парадигму в психологии позволяет очертить пересечение проблематики жизненной успешности с такими областями исследований, как стратегия жизни, целеполагание, самореализация, личностный потенциал, психологическое здоровье, осознанная саморегуляция и т. п. В наиболее современных исследованиях возрастает интерес к феномену жизненной успешности [2; 6; 23 и др.]. В целом успешность понимается авторами как сложное психологическое образование [3], зависящее от различных внешних и внутренних факторов, взаимосвязанное с определёнными личностными ресурсами, которые обуславливают конструктивность жизни и профессиональной деятельности [7; 10; 17 и др.].

Важно обратить внимание и на то, что жизненная успешность является узловым феноменом многих наиболее значимых работ в области практической психологии (С. Кови, Дж. Лусиани, Ф. МакГро, А. Паттакос,

Б. Трейси, Д. Чопра и др.). Данные работы условно можно описать как практико-прагматическое направление. Именно в нём наиболее чётко выделяются структурные компоненты жизненной успешности как метаресурса личности: рефлексивный механизм, который разворачивается в процесс достижения цели, сопоставление цели и результата в выработке и функционировании «универсальных» жизненных принципов, стратегическом и рефлексивном осмыслении и сопоставлении, соотнесении ценностей, целей и смыслов, выбора наиболее оптимальных средств достижения в динамичном взаимодействии внутреннего и внешнего мира; как комплексы свойств и качеств личности (направленность, продуктивная рефлексия и саморегуляция, soft-skills); наличие положительных эмоциональных переживаний.

Жизненная успешность и успех личности являются взаимосвязанными феноменами. Успех – это, по сути, эффект, достигаемый в результате функционирования жизненной успешности. Данный эффект даёт личности возможность соприкоснуться с границей своего существования в виде полученного результата и тем самым подтвердить своё существование. Успех как эффект возникает в результате работы акцептора и окончательно сигнализирует о полученном результате. Сам же механизм работы акцептора включает в себя возможность правильно предвосхитить результат с учётом опыта и складывающейся ситуации, своего внутреннего состояния, а также умение сопоставить данный результат с созданным образом, продумать варианты его коррекции и т. п.

Если провести аналогию с теорией функциональных систем, жизненная успешность реализует акцепторную функцию [1], которая выражается в предвосхищении будущего результата действия, в возможности совершать выборы, принимать решения с учётом внутреннего состояния, внешних условий и имеющегося опыта, сопоставлять цели и результаты и создавать программы действий, а также создавать критерии успеха. Следовательно, данный метаресурс является регулятивом, который позволяет личности понять то, будет ли успех, будет ли он подлинным, каким образом можно его достичь исходя из осмысления себя, своей деятельности, значимости и т. п. В свою очередь, успех обеспечивается сформированностью данного метаресурса, а любой дефект процесса саморегуляции существенно ограничивает эффективность (успешность) в самых различных видах деятельности [11]. При этом критерии оценки успеха результатов деятельности носят субъективный характер и отличаются у разных людей в зависимости от уровня развития саморегуляции, умения ставить цели и моделировать ситуацию [15].

Таким образом, жизненная успешность личности – один из важнейших метаресурсов, осуществляющий акцепторную функцию, которая выражается в рефлексивном соотношении жизненных целей с результатами субъектной активности в пространстве «цель-ценность-смысл» и выступает как система взаимосвязанных механизмов, свойств и состояний: рефлексивные механизмы, интегральные свойства личности, эмоциональные переживания [8; 19].

Феноменология жизненной успешности разворачивается в трёх взаимосвязанных содержательных контекстах ценностно-смысловой сферы: цели-ценности-смыслы.

В контексте целей жизненная успешность проявляется в постановке и сопоставлении целей и результатов деятельности, умении их корректировать в соответствии с изменяющимися условиями. В контексте ценностей жизненная успешность проявляется в сопоставлении индивидуальных и социальных ценностей, в понимании личностью значимости своих успехов с позиций оценки общества и личных принципов. В данном случае сложность, многогранность, а также целостность феномена жизненной успешности будут связаны с иерархизированностью и оформленностью системы ценностей. В контексте смыслов жизненная успешность проявляет себя на уровне экзистенции личности посредством системы жизненных принципов, модусов бытия, бытийных переживаний; это не просто достижение целей и значимость этих достижений, это осмысленность своей деятельности и жизнедеятельности, выстраивание собственной стратегии жизненной успешности, понимание своего предназначения.

В каждом из представленных контекстов ценностно-смыслового содержания жизненная успешность проявляется как механизм, свойство и состояние.

Механизмы жизненной успешности являются рефлексивными по своей природе. Их рефлексивность проявляется в том, как личность «работает» со своими целями, ценностями и смыслами с учётом контекстов событий жизни, как она проектирует и прогно-

зирует в этой связи свои возможности и действия. Механизмы представлены тремя разновидностями: рефлексивно-технологическим, рефлексивно-аксиологическим и рефлексивно-онтологическим.

Рефлексивно-технологический механизм связан с целями личности, благодаря ему происходят анализ, прогнозирование наиболее оптимальных путей достижения цели, технологическая работа с целевой иерархией. Технологичность в данном случае проявляется в видении связи и сопоставленности цели и результата, чётком представлении результата и возможностях его коррекции, гибкости в выборе способов и средств достижения. Рефлексивно-аксиологический механизм связан с ценностями личности. Благодаря данному механизму жизненной успешности личность может воплощать свои ценности в реальной жизни, понимать значимость основных направлений жизни и видов деятельности. Работа данного механизма происходит на стыке ценностей социума и ценностей личности. Рефлексивно-онтологический механизм связан со смыслами личности. Его работа представлена в обнаружении и понимании смыслов, осознании собственных жизненных принципов в соотношении с внешней реальностью.

Как интегральное свойство личности жизненная успешность детерминирована совокупностью субъектных качеств, которые можно структурировать в функциональные комплексы в зависимости от контекста «цель-ценность-смысл»: инструментальные качества, качества, характеризующие направленность и жизненную позицию личности.

Инструментальные качества в большей степени связаны с целевым контекстом и рефлексивно-технологическим механизмом жизненной успешности. Комплекс данных качеств обуславливает когнитивно-поведенческие и волевые возможности личности в постановке и достижении целей. Комплекс качеств, характеризующих направленность личности на успех, в большей степени связан с ценностным контекстом жизненной успешности и функционированием рефлексивно-аксиологического механизма. Сформированность этих качеств обуславливает способность личности расставлять ценностные приоритеты, изменять стереотипы, соизмерять свои амбиции и возможности, а также ценность собственного успеха с общественными нормами, находить баланс между эгоизмом и альтруизмом, увлечённостью процессом и желанием получить результат. Совокупность качеств, характеризующих жизненную диспозицию личности, в наибольшей степени связана со смысловым контекстом жизненной успешности и функционированием рефлексивно-онтологического механизма. Данные качества оформляют жизненную диспозицию личности по отношению к успешности. Это проявляется в особенностях осмысления реальности, создании и выборе стратегий жизнедеятельности с опорой на экзистенциальные ценности и смыслы, жизненные принципы.

Наиболее согласованное и продуктивное функционирование механизмов и качеств, характеризующих жизненную успешность, оказывает в целом активизирующее влияние на личность и связано с возникновением особых эмоциональных переживаний

в контекстном поле «цель-ценность-смысл».

В целевом контексте успешности функционирование рефлексивно-технологического механизма во взаимосвязи инструментальных качеств сопровождается возникновением переживаний, которые можно охарактеризовать с позиций их близости к процессу деятельности как практические (деятельностные): удовлетворённость и увлечённость процессом деятельности, усталость от деятельности, удовлетворённость результатом деятельности и связанные с этим более яркие эмоции (восторг, радость и т. п.). Ценностный контекст жизненной успешности, в котором разворачивается рефлексивно-аксиологический механизм во взаимосвязи с направленностью личности на успех, характеризуется проявлением эмоциональных переживаний, связанных с морально-нравственной проблематикой. Нравственные эмоциональные переживания возникают в результате рефлексии ценностей, расстановки приоритетов, выбора оптимальной направленности: чувства собственного достоинства, чувства значимости своей деятельности (профессии), гордости, любви, альтруистических чувств, чувств патриотизма, долга. На уровне контекста смыслов, где функционирует рефлексивно-онтологический механизм и разворачиваются основные диспозиции жизнедеятельности личности, возникают бытийные переживания: переживание наполненности, осмысленности и значимости своей жизни, пиковые экзистенциальные переживания.

Жизненная успешность и характер профессиональной деятельности личности

Жизненная успешность как метарекурс в системе саморегуляции включает в себя интеграцию успешности всех сфер жизни личности (семейная жизнь, увлечения, здоровье, образование, физическая активность, профессиональная деятельность и др.) как основных видов жизнедеятельности [20], занимающих в пространстве и времени жизни личности значительную долю и имеющих в своём основании определённые ценностные конфигурации, способы деятельности, поведенческие паттерны.

Особое место в этом пространстве жизненных сфер занимает профессиональная деятельность, в которой человек самореализуется, самоопределяется, находит своё место и обретает смыслы жизни, принося пользу обществу. Например, Е. А. Климов определил дефиницию «профессия» как необходимую для общества и сложившуюся в нём ограниченную (вследствие разделения труда) область осуществления человеком трудовых функций, позволяющих ему получить взамен приложенного им труда средства существования и развития¹. Из данного определения следует, что именно осознание человеком необходимости своей профессии при одновременной удовлетворённости её результатами (и материальными, и моральными) даёт возможность ему саморазвиваться, реализовывать не только профессиональные, но и жизненные планы.

¹ Климов Е. А. Пути в профессионализм (психологический взгляд): учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. С. 22.

Если же профессиональная деятельность не является источником смысла и не имеет значимости для личности и общества, то тогда у человека возникают проблемы, связанные с потерей смысла, снижением собственной значимости, обесцениванием результатов своего труда, безответственным отношением к работе и т. п.

Данные проблемы особенно остро встают перед представителями социномических профессий. Социномические профессии предполагают субъект-субъектное взаимодействие, являются обширной профессиональной областью и дифференцируются в зависимости от ведущих функций профессионала на исполнительские, творческие, руководящие. Вне зависимости от функционала перед представителями профессий «человек-человек» стоят задачи, связанные с пониманием значимости и смысла своей профессиональной деятельности, со способностью быстро учиться, осваивать совершенно новые компетенции и реализовываться в профессиональной деятельности. При этом у человека может быть такое представление о своей профессиональной деятельности, которое не отвечает сценариям жизненной успешности. Так, нужные в обществе, но не отвечающие критериям престижности профессии зачастую попадают в разряд неуспешных. Личности как профессионалу приходится находить дополнительные ресурсы для осмысления собственной профессиональной деятельности в контексте жизненной успешности либо погружаться в стагнацию, деградацию с последующими негативными последствиями.

У сотрудников органов внутренних дел специфика профессиональной деятельности связана с правовым регулированием, высоким уровнем психологической нагрузки, организацией социального взаимодействия сотрудников (ярко выраженный общественный характер), экстремальностью и риском для жизни [18].

Функциональный характер профессиональной деятельности и особенности компонентов метаресурса жизненной успешности связаны посредством профессионально-личностных особенностей субъекта труда, которые формируются в процессе профессионализации и могут иметь как позитивный, так и негативный характер. Так, социальная значимость профессии, профессиональная самореализация и саморазвитие, экстремальность и напряжённость профессии, процессы профессиональной деформации и выгорания связаны с рефлексивными процессами в плане осознания целей и смыслов профессиональной деятельности, формированием определённых личностных качеств и особенностей эмоциональной сферы.

Методики и выборка исследования

В исследовании приняли участие 757 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет, из них 544 являются сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации (339 мужчин и 235 женщин) и 213 респондентов, профессиональная деятельность которых связана со сферой социальных профессий: образование, социальные услуги, медицина, психология (50 мужчин и 153 женщины). Сбор данных происходил анонимно (учитывался пол, возраст и характер профессиональной

деятельности) посредством опроса с использованием Google Формы. Все респонденты давали согласие на обработку и обобщение полученных данных.

Для исследования компонентов жизненной успешности была применена надёжная и валидная авторская исследовательская методика «Жизненная успешность» [8]. Методика носит самооценочный характер и состоит из четырёх частей, выделенных в соответствии с теоретическим конструктом жизненной успешности.

Обработка эмпирических данных производилась при помощи кластерного анализа по методу Варда с использованием таблиц сопряжённости, частотного анализа и подсчёта средних. Математическая обработка данных, полученных в результате исследования, проводилась с помощью IBM SPSS Statistics 26.

Результаты исследования

В результате проведения кластеризации всей выборочной совокупности по компонентам жизненной успешности было выделено четыре кластера (рис. 1).

Далее при помощи частотного анализа был произведён количественный и процентный подсчёт респондентов в каждом кластере (табл. 1).

При проведении кластеризации были исключены неполные наблюдения в количестве 91. Таким образом, окончательную выборочную совокупность составили 757 респондентов.

Далее были выявлены средние значения компонентов в каждом кластере (рис. 2).

Для более детального понимания картины наполнения каждого кластера были использованы таблицы сопряжённости, при помощи которых было выявлено распределение респондентов по кластерам по признакам возраста (табл. 2), пола (табл. 3) и профессиональной принадлежности (рис. 3).

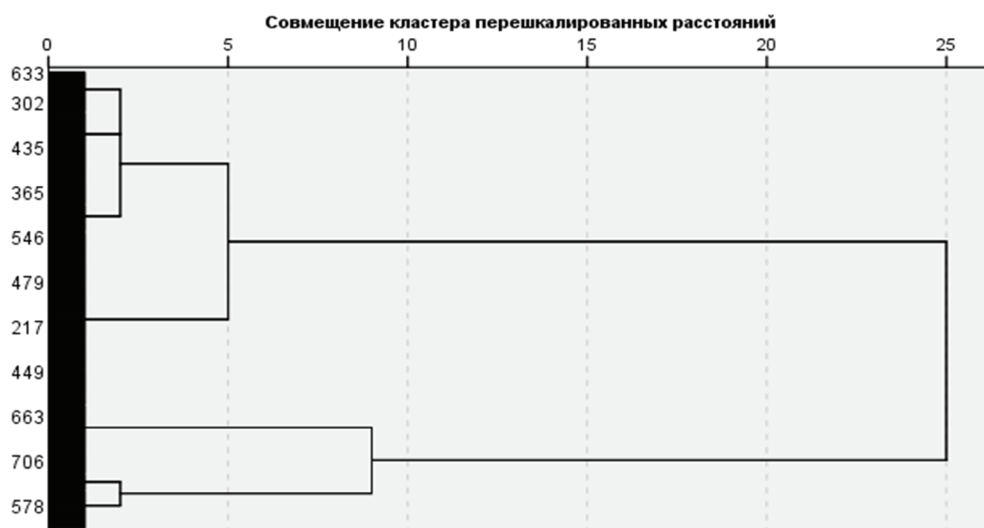

Рис. 1 / Fig. 1. Дендрограмма с использованием метода Варда / Dendrogram using Ward's method

Таблица 1 / Table 1

Результаты кластеризации по методу Варда / Clustering results by Ward Method

Метод Варда					
		Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Валидные	1	114	13,4	15,1	15,1
	2	265	31,3	35,0	50,1
	3	287	33,8	37,9	88,0
	4	91	10,7	12,0	100,0
	Всего	757	89,3	100,0	
Пропущенные	Системные	91	10,7		
Всего		848	100,0		

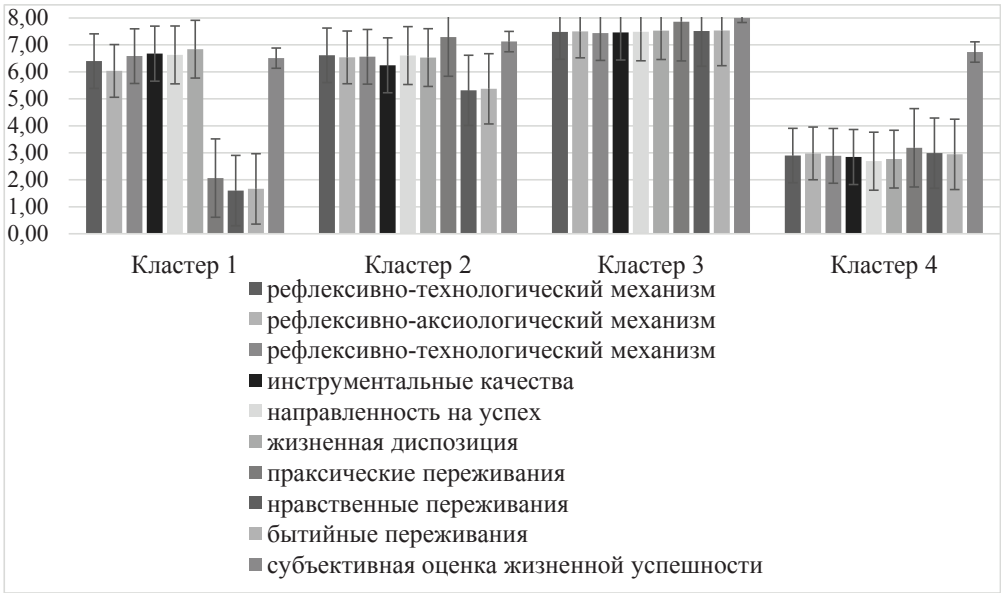

Рис. 2 / Fig. 2. Выраженность компонентов жизненной успешности в выделенных кластерах в общей выборочной совокупности / The severity of the components of life successfulness in the selected clusters in the total sample

Таблица 2 / Table 2

Комбинационная таблица по признаку возраста (метод Варда) / Combination table based on age Ward Method

Метод Варда				
Возрастные группы	1	2	3	4
18–22	13,40%	33,10%	41,00%	12,60%
23–30	26,20%	32,80%	34,40%	6,60%
31–40	33,80%	30,90%	29,40%	5,90%
41–50	10,80%	47,70%	29,20%	12,30%
51–60	3,60%	53,60%	32,10%	10,70%

Таблица 3 / Table 3

Комбинационная таблица по признаку пола (метод Варда) / Combination table by gender Ward Method

Метод Варда				
пол	1	2	3	4
мужской	14,10%	30,00%	41,40%	14,60%
женский	16,00%	39,80%	34,60%	9,60%

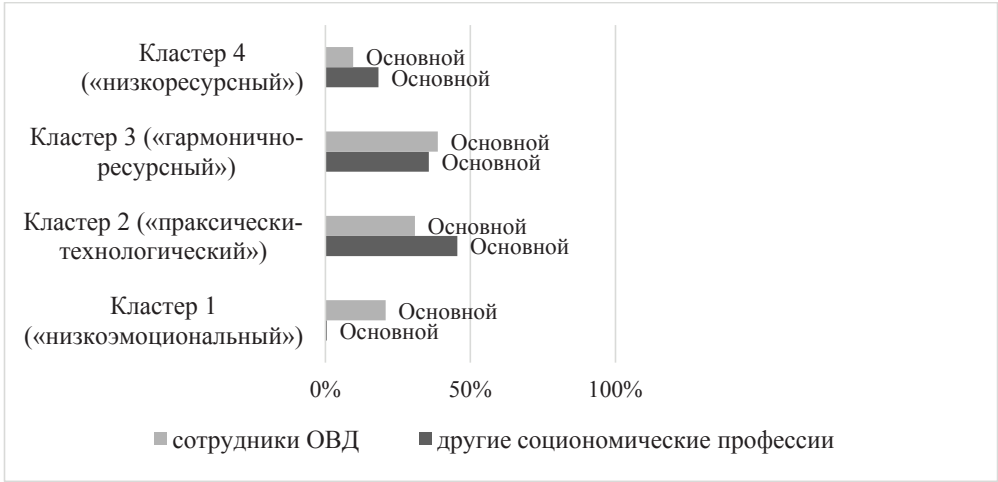

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение выборочных совокупностей по кластерам / Distribution of sampling sets by clusters

Обсуждение результатов исследования

Из результатов исследования видно, что сочетание компонентов метаресурса жизненной успешности имеет классификационные особенности. В выделенных четырёх кластерах наблюдается неравномерное распределение респондентов (табл. 1). Выраженность компонентов метаресурса жизненной успешности в каждом кластере позволяет дать им содержательную характеристику (рис. 2).

Первый кластер («низкоэмоциональный») (15,1% респондентов) характеризуется чрезвычайно низкими показателями всех групп эмоциональных переживаний (практических, нравственных и бытийных) при средней степени выраженности остальных компонентов. Отсутствие выраженных эмоциональных переживаний при функционировании метаресурса жизненной успешности обедняет данный метаресурс, т. к. слабые переживания не сигнализируют о значимости чего-либо, не помогают обнаружить нужные ценностные ориентиры и дать понять человеку, что он действительно достиг успеха. Человек также стремится к определённому успеху (результату, достижению), он затрачивает много сил и эмоций, а когда настает момент достижения, то полученный результат может не приносить эмоционального удовлетворения, т. к. человек долгое время находился на пределе своих возможностей. Либо перманентное воздействие экстремальных факторов приводит к эмоциональному выгоранию личности и метаресурс жизненной успешности не функционирует в полном объеме. В любом случае, метаресурс жизненной успешности как

бы лишается энергии. Об этом свидетельствует сниженный по сравнению с другими кластерами показатель субъективной оценки жизненной успешности (6,51 баллов из 8 возможных, что соответствует низкому уровню по стандартным значениям методики).

Второй кластер («практически-технологический») (35%) имеет несколько сниженные показатели рефлексивных механизмов (в большей степени выражен рефлексивно-онтологический механизм по сравнению с остальными) и качеств, при этом ярко выражены практические переживания, а наиболее низкая выраженность характерна для нравственных и бытийных переживаний, что говорит о прагматической направленности респондентов, успешность для них – это в первую очередь постановка целей и их достижение. Этот процесс может быть достаточно продуктивен, т. к. остальные компоненты механизмов жизненной успешности выражены на среднем уровне, средняя субъективная оценка собственной жизненной успешности составляет 7,12 баллов.

Третий кластер («гармонично-ресурсный») (37,9%) характеризуется гармонично высокой выраженностью всех компонентов жизненной успешности, что говорит о сформированности данного метаресурса. Респонденты достаточно эффективно ставят цели и достигают их, осознают свои возможности и значимость выполняемой, в том числе профессиональной, деятельности, осмысливают принципы собственной жизни и, исходя из них, принимают решения, испытывают разнообразную гамму эмоциональных переживаний, связанных с процессом и результатом деятельности, нравственными ориентирами и экзистенциаль-

ной наполненностью. Субъективная оценка жизненной успешности также является высокой. Большой процент респондентов, входящих в данный кластер, свидетельствует о благоприятной картине функционирования метаресурса жизненной успешности в исследуемой выборке представителей социально-экономических профессий.

Четвёртый кластер («низкоресурсный») (12%) характеризуется равномерно низкими показателями всех компонентов жизненной успешности, что говорит о несформированности и слабом функционировании метаресурса у данных респондентов. Вероятно, это выражается в проблемах определения целей, жизненных приоритетов, понимания своего предназначения, своих возможностей и т. п. При беседе с некоторыми респондентами полученные данные подтвердились. Респонденты не могут объяснить, что для них успех и успешности, как они понимают, что достигли успеха, каковы их цели жизни. Причин такой ситуации может быть много: от наличия жизненного кризиса до различных болезненных состояний. Данная проблема требует дальнейшего исследования. И полученный небольшой процент в данном кластере в пересчёте на количество людей и в масштабе требует к себе пристального внимания.

Распределение респондентов в кластерах по возрастному признаку показало следующее (табл. 2). В первый «низкоэмоциональный» кластер входит наибольший процент респондентов в возрасте 23–30 и 31–40 лет. Данные возрастные интервалы являются одними из наиболее эффективных по отношению к жизненным и профессиональным достижениям. При этом снижение эмоционального компонента

жизненной успешности может препятствовать достижению полноценного успеха. Во второй «практически-технологический» кластер входит наибольший процент респондентов в возрасте 41–50 и 51–60 лет. Они в большей степени используют метаресурс жизненной успешности как прагматический инструмент для достижения целей. В третий «гармонично-ресурсный» кластер входит наибольший процент респондентов в возрасте 18–22 года и 23–30 лет. Молодёжь более гармонично использует метаресурс жизненной успешности, оценивает его как более полноценный. В четвёртый «низкоресурсный» кластер входят респонденты как молодого (18–22 года), так и зрелого возраста (41–50 и 51–60 лет). Данный факт является интересным для дальнейшего исследования, т. к. причинами здесь могут быть как изначальная несформированность метаресурса, так и его угасание с возрастом.

Таким образом, в исследуемых выборках были обнаружены возрастные особенности метаресурса жизненной успешности. Наибольшая гармоничность данного метаресурса свойственна для позднего юношества и молодёжи, прагматическая направленность в большей степени присуща респондентам более зрелого возраста, низкая эмоциональность проявляется в более ранние периоды зрелости, в то время как слабая развитость данного метаресурса присуща двум возрастным периодам – поздней юности и зрелости.

Распределение респондентов по признаку пола показало достаточно равномерное распределение респондентов в каждом кластере (табл. 3). Обратим внимание на то, что в «практически-технологический» кластер

женщин входит на 9% больше, чем мужчин, тогда как в «гармонично-ресурсном» и «низкоресурсном» кластерах мужчины преобладают.

Анализ распределения респондентов по профессиональной принадлежности показал, что представители различных профессиональных групп присутствуют во всех кластерах (рис. 3). Отдельно остановимся на сотрудниках органов внутренних дел. Так, наибольший процент сотрудников входит во второй и третий кластеры. В целом метаресурс жизненной успешности в выборке сотрудников органов внутренних дел достаточно сформирован. При этом в первый «низкоэмоциональный» кластер вошли только сотрудники (за исключением 0,5% представителей других социономических профессий), что может быть связано с напряжённостью и экстремальностью их профессиональной деятельности, эмоциональным выгоранием. Это может затруднять поиск и определение значимых направлений жизни, осмысления её целей. Данный факт является настораживающим и требует дополнительного исследования и обоснования.

Заключение

Метаресурс жизненной успешности представителей социономических профессий и сотрудников органов внутренних дел в исследуемой выборке имеет классификационные особенности в зависимости от выраженности её компонентов, обе выборки распределены по кластерам, условно названным: «низкоэмоциональный», «гармонично-ресурсный», «практически-технологический», «низкоресурсный».

У сотрудников органов внутренних дел выявлены рефлексивно-эмоци-

ональные особенности метаресурса жизненной успешности, связанные с напряжённостью служебной деятельности: «низкоэмоциональный» кластер по большей части свойственен для сотрудников мужского и женского пола в возрасте от 23 до 40 лет. Это может осложнять процесс профессионализации и негативно сказываться на профессиональной успешности.

Среди сотрудников также есть достаточно большой процент респондентов, вошедших в наиболее продуктивные кластеры: «гармонично-ресурсный», «практически-технологический», где рефлексивные механизмы и эмоциональные переживания представлены в достаточной степени. Это является положительным моментом в функционировании жизненной успешности как метаресурса конструктивной жизни, что проявляется в эффективности решения жизненных и профессиональных задач, понимании своих возможностей и их реализации, мотивационной готовности решать профессиональные задачи, положительном эмоциональном реагировании на успех, осмысленности жизни в целом. Конструктивное начало препятствует развитию таких негативных феноменов, как профессиональное выгорание и деформация, снижение социального интереса, что является особенно важным для представителей социономических профессий.

Результаты исследования также дали возможность предположить, что поздняя юность и молодость являются наиболее благоприятными возрастными этапами для формирования и функционирования жизненной успешности как метаресурса конструктивной жизни.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 453 с.
2. Батурин Н. А. Успех и неудача: теория, исследование, практика. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2018. 144 с.
3. Батурина Н. В., Черняева Ю. Е. Отношение успеха, жизненной успешности и личностного благополучия // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. № 11 (4). С. 18–23.
4. Бодров В. А. Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса. // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 115–116.
5. Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. № 1. С. 45–54.
6. Гельфонд М. Л., Мищук О. Н., Мирошина Е. Ю. Успех как ценность: опыт количественного анализа (на материалах Тульской области) // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 330–333.
7. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надёжность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 18 (1). С. 34–55. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-34-55.
8. Деева Н. А. Методика «Жизненная успешность»: структура и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 3. С. 494–520. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-3-494-520.
9. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л., Занковский А. Н. Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 7–48.
10. Ерофеева В. Г. Особенности личных нарративов о достижениях в зависимости от настойчивости // Психологические исследования. 2021. № 14 (75). URL: <https://psystudy.ru> (дата обращения: 25.06.2023). DOI: 10.54359/ps.v14i75.150.
11. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
12. Личностный потенциал: структура и диагностика / А. Ж. Аверина, Л. А. Александрова, И. А. Васильев, Т. О. Гордеева, А. И. Гусев, О. Е. Дергачева, Г. В. Иванченко, Е. Р. Калитеевская. М.: Смысл, 2011. 680 с.
13. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
14. Марков В. Н. Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 6–10.
15. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 58–82.
16. Моросанова В. И. Сознательная саморегуляция как метаресурс для достижения целей и решения проблем человеческой деятельности // Психологический вестник Московского университета. 2021. № 1. С. 4–37. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01.

17. Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Сильные стороны личности в модели VIA как медиатор психологического благополучия личности в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2022. № 2 (46). С. 25–34. DOI: 10.11621/npj.2022.0203.
18. Саукова-Сальникова Е. К. Систематизация особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 101–104.
19. Семенова Н. А. Структурно-функциональная организация жизненной успешности как метаресурса личности современного преподавателя высшей школы // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 4. С. 94–109. DOI: 10.21702/rpj.2022.4.6.
20. Сенин И. Г. Психодиагностика ценностно-ориентационной сферы личности как метод социально-психологического исследования: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2000. 186 с.
21. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
22. Фромм Э. Революция надежды / пер. с нем. СПб.: Ювента, 1999. 244 с.
23. Шабунова А. А., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И. Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 12 (6). С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2.
24. Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A. COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 18 (2). P. 259–275. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275.
25. Seligman M. E. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York: Free Press, 2011. 349 p.

REFERENCES

1. Anohin P. K. *Sistemnye mekhanizmy vysshej nervnoj deyatel'nosti* [Systemic mechanisms of higher nervous activity]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 453 p.
2. Baturin N. A. *Uspekhi i neudacha: teoriya, issledovanie, praktika* [Success and failure: theory, research, practice]. Chelyabinsk, South Ural State University (National Research University) Publ., 2018. 144 p.
3. Baturina N. V., Chernyaeva Yu. E. [The relationship of success, success in life and personal well-being]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2018, no. 11 (4), pp. 18–23.
4. Bodrov V. A. [The problem of overcoming stress. Part 2. Processes and resources for coping with stress]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2006, vol. 27, no. 2, pp. 115–116.
5. Vodopyanova N. E. [Modern concepts of resources of the subject of professional activity]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 16: Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 2015, no. 1, pp. 45–54.
6. Gelfond M. L., Mishchuk O. N., Miroshina E. Yu. [Success as a value: the experience of quantitative analysis (on the materials of the Tula region)]. In: *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta* [Bulletin of the Tula branch of the Financial University], 2020, no. 1, pp. 330–333.

7. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. [Diagnostics of dispositional optimism, validity and reliability of the TDO-P questionnaire]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 18 (1), pp. 34–55. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-34-55.
8. Deeva N. A. [Methodology "Life success": structure and validation]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2022, vol. 19, no. 3, pp. 494–520. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-3-494-520.
9. Dikaya L. G., Zhuravlev A. L., Zankovskij A. N. [Modern state and prospects for research on adaptation and implementation of a professional in conditions of continuous socio-economic changes]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 7–48.
10. Erofeeva V. G. [Features of personal narratives about achievements depending on perseverance]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2021, no. 14 (75). Available at: <https://psystudy.ru> (accessed: 25.06.2023). DOI: 10.54359/ps.v14i75.150.
11. Konopkin O. A. [Psychic self-regulation of voluntary human activity (structural and functional aspect)]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 1995, no. 1, pp. 5–12.
12. Averina A. Zh., Aleksandrova L. A., IVasilev I. A., Gordeeva T. O., Gusev A. I., Dergacheva O. E., Ivanchenko G. V., Kaliteevskaya E. R. *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostic]. Moscow, Smysl Publ., 2011. 680 p.
13. Maklakov A. G. [Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2001, vol. 22, no. 1, pp. 16–24.
14. Markov V. N. [Resource approach to psychological diagnostics: basic principles]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2010, no. 4, pp. 6–10.
15. Morosanova V. I. [Psychology of conscious self-regulation: from the origins to modern research]. In: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 2022, no. 3, pp. 58–82.
16. Morosanova V. I. [Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and solving problems of human activity]. In: *Psihologicheskij vestnik Moskovskogo universiteta* [Psychological Bulletin of Moscow University], 2021, no. 1, pp. 4–37. DOI: 10.11621 / vsp.2021.01.01.
17. Rean A. A., Stavcev A. A., Kuz'min R. G. [Personal strengths in the VIA model as a mediator of the psychological well-being of a person in professional activity]. In: *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2022, no. 2 (46), pp. 25–34. DOI: 10.11621/npj.2022.0203.
18. Saukova-Sal'nikova E. K. [Systematization of the features of the professional activity of police officers]. In: *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti* [Psychology and Pedagogy of service activities], 2022, no. 4, pp. 101–104.
19. Semenova N. A. [Structural and functional organization of success in life as a meta-resource of the personality of a modern teacher of higher education]. In: *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Psychology], 2022, vol. 19, no. 4, pp. 94–109. DOI: 10.21702/rpj.2022.4.6.
20. Senin I. G. *Psihodiagnostika cennostno-orientacionnoj sfery lichnosti kak metod social'no-psihologicheskogo issledovaniya: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychodiagnosics of the value-

- oriented sphere of personality as a method of socio-psychological research: Cand. Sci. thesis in Psychology]. Yaroslavl, 2000. 186 p.
21. Tolochek V. A. [Professional success: from abilities to resources (complementary paradigms)]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2009, vol. 6, no. 3, pp. 27–61.
 22. Fromm E. Hope and belief in dehumanized society (Rus. ed.: transl. *Revoluciya nadezhdy*. St. Petersburg, Yuventa Publ., 1999. 244 p.)
 23. Shabunova A. A., Dobroshchik V. G., Medvedeva E. I. [The success of a modern person: theoretical and methodological aspects of research]. In: *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2019, no. 12 (6), pp. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2.
 24. Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A. COVID-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior. In: *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 18 (2), pp. 259–275. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-259-275.
 25. Seligman M. E. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York, Free Press, 2011. 349 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Наталья Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России;
e-mail: natalya_deeva@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0687-0472

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Semenova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of Department of Social and Humanitarian Disciplines of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: natalya_deeva@bk.ru; ORCID: 0000-0003-0687-0472

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенова Н. А. Классификационные характеристики жизненной успешности как личностного метаресурса сотрудников органов внутренних дел в сравнении с представителями других социэкономических профессий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 133–151.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-133-151

FOR CITATION

Semenova N. A. Classification characteristics of life successfulness as a personal metaresource of employees of the internal affairs bodies in comparison with representatives of other socioeconomic professions. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 3, pp. 133–151.
DOI: 10.18384/2949-5105-2023-3-133-151

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик В. А. Дворянов

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 10,25.

Подписано в печать: 30.10.2023 г. Дата выхода в свет: 11.12.2023 г. Заказ № 2023/10-09.

Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А